С. А. Едилханова

Казахско-джунгарские взаимоотношения

в XVII–XVIII веках

С. А. Едилханова

Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках

(Некоторые исторические аспекты проблемы)

Алматы 2005

ББК 63.3
Е 33

Едилханова С. А.
Е 33 Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках (Некоторые историографические аспекты проблемы) . – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 162 с.

ISBN 9965-699-64-X

Государства казахов и джунгар соприкасались в течение более трех столетий. В исторической науке освещалась главным образом их борьба за первенство в регионе. В предлагаемой монографии на основе обширного историографического анализа впервые освещаются дружественные связи двух народов, их взаимовлияние на правотворчество, культуру и быт.

Рекомендуется студентам, аспирантам, ученым, а также всем интересующимся историей и будущим Казахстана и Евразии.

Е 0503000000
00(05)–05

ББК 63.3

ISBN 9965-699-64-X

© Едилханова С. А., 2005
© Издательство "Дайк-Пресс", оформление, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Историография взаимоотношений Казахского ханства с Джунгарией является частью наиболее интересного и характерного материала для изучения истории Казахстана в XVII–XVIII веках. Данный вопрос напрямую связан с изучением социально-исторической обстановки создания казахской государственности и тех геополитических условий, в которых она была утрачена.

Изучение историографии настоящей проблемы актуально потому, что Джунгария была самым крупным государственным образованием, с которым Казахское ханство имело наиболее тесный контакт в течение трех веков.

Казалось бы, казахско-джунгарские отношения всесторонне изучены, причины тех или иных исторических моментов установлены, следствия подробно исследованы. Однако историографический анализ вопроса показал, что эта проблема многогранна и глубока. Вопреки установившимся стереотипам в отношениях двух народов далеко не всегда доминировали военные столкновения, были и периоды союзнических действий, устанавливались мирные контакты, которые имели глубокие последствия в исторической судьбе этих кочевых обществ.

История Джунгарии довольно противоречива. С одной стороны, это было высокоорганизованное государственное образование, продемонстрировавшее цивилизованному миру уникальные возможности номадического общества. Это было государство с блестящим для своего времени правотворчеством, обширными и последовательными дипломатическими контактами, эко-

номикой, в которой животноводство играло главную роль, сочетаясь при этом с разветвленным земледелием и развитой мелиорацией (жетысуйские калмыцкие арыки). Джунгары умели изготавливать и использовать орудия полевой артиллерии (правда, не без помощи шведских военных). С другой стороны, Джунгария была страной, внешняя политика которой привела к потере государственности окружавших ее трех народов (монголов, восточнотуркестанцев и казахов) и усилению двух соседних империй (России и Китая), а внутренняя политика – к почти полному исчезновению джунгар. История Джунгарии является уроком для всех народов, заселяющих Центральную Азию, и заслуживает самого пристального внимания исследователей.

ГЛАВА 1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАЗАХОВ И ДЖУНГАР: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Источники

...любая история – цивилизованных и нецивилизованных, древних и современных народов, короче, всякая история, которая достаточно подробно изображает поступки и характеры, – полезна для того, чтобы познакомить нас с нашим родом, т. е. с нами самими.

Лорд Болингброк

Источниковую базу исследования в данном историографическом анализе прежде всего составляют опубликованные труды по проблеме взаимоотношений казахов и джунгар и сложившиеся концепции в монографиях по этому вопросу. Таких историографических фактов, составляющих источниковую базу, более двухсот. Наряду с историографическими в работе привлечены и исторические источники с целью выяснения их репрезентативности, полноты и достоверности в научных трудах. Нас интересовало то, как вводились в научный оборот и как они трактовались. При этом мы руководствовались утверждением С. О. Шмидта: "С расширением представления о сфере историографии и соответственно об ее источниковой базе все больше внимания исследователей этой проблематики привлекают архивные документы. Архивные документы признают теперь не менее важными для историографа, чем опубликованные тексты, и они стали восприниматься тоже как традиционные историографические источники" [1, с. 177].

Следует отметить, что несмотря на создание основательной документальной базы работа в архивах Оренбурга и Элисты показала, что в научный оборот не были введены многие докумен-

ты по истории откочевки калмыков-торгоутов через казахстанские степи на территорию Китая. Эти события отражены в документах фонда № 3 Оренбургского архива и хранящегося в архиве Калмыкии фонда профессора Н. Н. Пальмова [2].

В Государственном архиве Республики Калмыкия имеется переписка советника по калмыцким делам Татищева с губернатором Оренбургского края И. Неплюевым. В одном из документов, датированном июлем 1742 г., говорится: "Вчерашнего же числа прибыл оттуда здешний мурза Адиль Темирь Булатов. Оный на словах объявил, что в бытность его Адильмурзы видел присланного от Зюнгорских калмык посланца у Абул Маметь хана с письмом, который де при подаче оного ему, хану, говорил, чтоб он, хан, и прочие знатные кайсацкие старшины отдали к ним, зюнгорцам, во аманаты детей своих с пристойным числом людей, скотом, кибитками и провиантом, чтоб они по прежнему у них в верном подданстве были. А ежели де они того не учинят, то они, зюнгорцы, пойдут на них войною и разорят их, кайсак, без милосердия. На оное де Абул Маметь хан, по совету со старшинами, тому посланцу ответствовал, что он того без повеления ее и. величества учинить ничего не может, и для того будет о том всеподданнейше доносить ее и в-ву и что по тому соизволяет, тогда к ним и ответствовать будет"*. В другом архивном документе записано: "От того же 19 мая Неплюев пишет секретарю Татищеву: "Ваше пр-во, надеюсь уже известны к Вам и к наместнику калмыцкого ханства Дондук-Даше ее и. в-ва грамот о наряде и о немедленном от Вашего пр-ва отправлении к Яицкому городку калмыцких войск тысячи человек и о даче оным из Астрахани потребного числа пороху..." [3]. Здесь же имеется копия Указа от 5 мая 1744 г. Яицкому войсковому атаману Бородину, старшинам и всему яицкому войску относительно непропуска киргиз-кайсаков через Яик [3]. Этот документ имеет непосредственное отношение к предмету настоящего исследования.

Дополнительно были использованы опубликованные источники, среди которых большой интерес представляет "История Сибири" Г. Ф. Миллера, где он, опираясь на русские архивные материалы, создал хронологическую историю взаимодействия русских, калмыцких, джунгарских и казахских владетелей.

---

* Стиль, орфография и пунктуация цитируемых источников сохранены.

"Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1972 г.", составленное Н. Бантыш-Каменским по документам, хранящимся в Московском архиве, помогло более полно раскрыть взаимосвязи казахов с Амурсаной – последним ханом Джунгарии – и отношения с ним русских и китайцев. С этой же целью была привлечена статья И. Я. Златкина "Русские архивные материалы об Амурсане", где он воспроизводит один документ, свидетельствующий об огромном интересе русского правительства в джунгарских найонах Даваци и Амурсане как орудии против Цинского Китая: "Указ требовал, чтобы они (Неплюев и Татищев. – *И. З.*) "зенгорских владельцев Дебачу и Амур саньяна, которые в зенгорском народе немалую силу имели, и будучи ближними родственниками зенгорским главным владельцам, при выборе тогдашнего владельца Эрдени Ламы Батур хонтайджи, из зенгорского народа бежали и погонею разбиты, и в 20 человек в средней киргиз-кайсацкой орде, в ведомстве Аблай-салтана находились, и в Оренбург ехать желали, а зенгорцы о получении их в свои руки старались, – потому крайне старание возыметь первого, яко настоящего к овладению сего зенгорского народа претендента, а с ним и другого, яка тогдашнему зенгорскому владельцу двоюродного брата, для будущих пред случаяев, а особливо в рассуждении не отступной претензии зенгорских владельцев в Сибири земель, удоб возможным себе приласкать и в Оренбург призвать..." [4, с. 291].

Источники, использованные Г. И. Слесарчуком в статье "Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в.", свидетельствуют, что и русское государство, и Джунгарское ханство были заинтересованы в установлении и укреплении добрых отношений и нормальной торговли. Однако: "Наряду с этим документы отражают стремление джунгарского хунтайджи добиться военной помощи со стороны русского государства для борьбы с Алтын ханом и казахскими феодалами. Но русское правительство не могло и не хотело активно вмешиваться в распри азиатских кочевников" [5, с. 264].

Такие российские ученые, как Г. Ф. Миллер, И. Бантыш-Каменский, И. Я. Златкин, Г. И. Слесарчук, внесли большой вклад в опубликование многих русских источников, ввели в научный оборот много ценных архивных документов, касающихся истории казахов и джунгар.

В сборнике документов "Материалы по истории монгольских отношений. 1607–1636" имеются сведения о столкновениях

калмыков с казахами: "...контайша... со всеми чорными калмаки сия зимы (1635) ходил на Казачью орду, а Казачьи орды люди пошли было на чорных калмаков. И как де чорные калмаки сошлись казачьи орды с людьми, и был де у них бой великой. И чорные де калмаки казачьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгыра Ишимова сына, а Ишим в Казачьей орде был царь, и тот де царевич в Чорных калмаках. И иные чорные калмаки, те же тайши, талай-тайша с товарищами, пошли опять войною на Казачью орду. И кочевья де чорных калмаков по ею сторону Иртыши реки не все кочуют за Иртышом..." [6, с. 278].

Также был использован сборник архивных документов и материалов под названием "Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XVIII вв.", из него мы почерпнули сведения о том, что Цинский Китай еще в первой четверти XVIII столетия намеревался захватить Джунгарское ханство, уничтожить его народ. "Теперь, когда наступил подходящий момент, всякая нерешительность в завершении (борьбы с джунгарами) приведут к печальным последствиям, потом будет бесполезно браться за оружие... Джунгария крошечная страна и к тому же она находится на крайнем севере. Если получим эту землю, для обработки ее будет недостаточно, а покоренные жители не пригодны для службы. Я об этом много думал и советовался. Оставлять в живых этих последышей нельзя, они могут принести величайшие беды монгольскому народу. Больше того, боюсь, что ойраты могут стать большим злом и для нашего государства. В настоящее время создалась благоприятная обстановка для действия в интересах всех...", – говорится в указе императора Юнчжена о начале войны с Джунгарским ханством от 1729 года [7, с. 271].

Не только на взаимосвязи казахских ханств и России, но и на взаимодействия казахов и джунгар проливает свет сборник архивных документов, вышедший в Казахстане, "Казахско-русские отношения в XVI–XVII вв.". В дополнение к нему был привлечен сборник "Цинская империя и казахские ханства: вторая половина XVIII–XIX в.", составителями которого являются казахстанские ученые К. Хафизова и В. А. Моисеев. Данные этого сборника в советской историографии были опубликованы впервые. Из указов императора Цяньлуна ясно следует, что Китай намеревался захватить Джунгарию и разделить ее на четыре части, поставив над каждой из них по одному тайше (правителю): "...слуга (генерал Баньди) объяснил Баньчжуру и другим (джунгарские феодалы) планы раздела Джунгарии на четыре части по (четырем) племенам и назначения над каждым из них отдельного хана. И что-

бы они во время контактов с Амурсаной не поднимали этот вопрос, дабы тому было неизвестно (о планах будущего устройства Джунгарии). И что Амурсана, все понимающий человек, уже являющийся нашим проводником, услышав (новость), раскается... Решительно нельзя позволить ему (Амурсане. – *К. Х.)* даже в малейшей степени самообольщаться надеждами о захвате власти" [8, с. 51]. Скрывая правду от Амурсаны, который не сомневался в том, что станет ханом единой Джунгарии, цины боялись, что узнав об их планах, он будет самостоятельно бороться за власть уже против них, что и случилось позднее.

Таким образом, мы приходим к выводу, что архивные материалы сыграли важную роль в раскрытии проблемы взаимоотношений казахов и джунгар.

Изучение вопросов взаимоотношений кочевых народов (конец XVIII – начало XX в.)

> *Его* (Садриддина Айни. – *С. Е.*) *стремление воспроизводить по возможности только такие факты, которые подтверждаются источниками, видимо, основывается скорее на традиции исламской историографии, нежели обосновано влиянием современной научности.*
>
> Анке фон Кюгельген

Исследование проблемы взаимоотношений казахов и джунгар в дореволюционное время получило довольно широкое распространение. Об этом свидетельствуют рассматриваемые в данной главе труды дореволюционных ученых, чиновников и общественных деятелей, произведения казахских и джунгарских акынов, жырау и сказителей.

Дореволюционная историография Казахстана данного периода условно может быть представлена двумя основными направлениями: академическим и практическим. Оба направления характеризуются общностью методологических позиций. Но все же в их научном содержании имеются присущие им особые черты. Так, академическая ветвь историографии Казахстана представлена исследователями, обладавшими познаниями в различных науках. В числе данных исследователей – Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, А. И. Левшин, Я. П. Гавердовский и другие. А практическое направление представляют официальные лица: чиновники по-

граничной администрации и военные, в их числе П. И. Рычков, И. Г. Андреев, Н. Рычков и другие.

Впервые в русской историографии казахско-джунгарские отношения отразил Г. Ф. Миллер (1705–1783 гг.). Немецкий ученый, приехавший в Россию в молодом возрасте, глубоко изучил историю Сибири, которую начала осваивать Россия. Его труд, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1750 г. под названием "Описание Сибирского царства", отличается чрезвычайной достоверностью. В ЦГАДА имеется специальный фонд, который называется "Миллеровский портфель" [5, с. 264], где собраны тщательно подобранные, закрепленные подписями свидетелей документы, а также копии официальных документов. Исследователь считает: "Так как одновременно и казахская орда напала на калмыков, то калмыки оказались окруженными двумя врагами и, по всей вероятности, были бы разбиты, если бы дорога к ...русским пределам не дала им возможности спастись" [9, с. 92].

Много фактов о казахах и калмыках приводится в капитальном труде, который называется "Сибирская история съ самого открытия Сибири до завоевания сей земли россіскімъ оружием, сочиненная на немецком языке и в Собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии Наукъ и Профессором древностей и истории, также членом исторического Геттинского собрания И. Е. Фишером. 1774 год". Взгляды И. Е. Фишера дополняют выводы Г. Ф. Миллера, который считает, что одной из главных причин разделения ойратов и перекочевок их части на русские земли, в том числе на берега Волги, является казахский фактор: "...калмыки, все еще опасаясь нападений со стороны монголов и Казахской орды, поставили для своей защиты... городок... в Кузнецком уезде". Далее он же отмечает: "...как раз в это время в степи (у русской границы) появились калмыцкие князцы, прогнанные... Казахской ордой" [10, с. 261–262]. Несмотря на излишне критический взгляд некоторых историков (Златкин), эти два немецких ученых практически являются родоначальниками русской историографии и источниковедения по истории Сибири и населявших ее народов. Примененные ими методы используются в науке и по сей день, а введенные в научный оборот документы до сих пор являются превосходными источниками.

Труд русского ученого А. И. Левшина "Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей" имел большое значение в изучении проблемы взаимоотношений казахов и джун-

гар. Эта книга представляет собой первое в науке фундаментальное исследование по географии, истории и этнографии казахского народа. Одним из первых автор затронул проблему взаимоотношений казахов и джунгар, а также калмыков: "...восстановленная Тявкою тишина недолго существовала между киргиз-казаками. Вскоре начались опять междоусобия, и соседственные народы не замедлили воспользоваться оными. С запада стали нападать волжские калмыки... Страшнее всех были с востока зюнгары, которыми владел тогда сильный хонтайдзи Галдан-Цырен, не только заставивший трепетать всех кочующих соседей своих, но возбудивший внимание даже России и Китая" [11, с. 165, 166]. Однако по данной проблеме А. И. Левшин не делает никаких выводов и обобщений, ограничиваясь лишь простой констатацией во многом уже известных фактов. Тем не менее его труд внес заметный вклад в изучение этой проблемы.

Весьма ценные свидетельства казахско-калмыцких отношений в 30–80-е гг. XVIII в. собрали П. И. Рычков и капитан Н. Рычков. Первый из них описал присутствие калмыцких послов в качестве почетных гостей с казахской стороны при принятии присяги Абулхаир ханом в Оренбурге в 1742 году. Вот как это событие отразилось в его записях: "Прибывшіе съ ханомъ зюнгорские посланцы... т. е. они тутъ же стояли, коихъ по окончаніи присягъ тайный советник со всякою пріятностію спросил о ихъ пріезде, на что первый из них посланец именуемый Кашка ответствовал: что они отъ государя своего Галдан Ширина посланы до Абулхаир хана, а к российским командирам никакой комиссии не имеют, и приехали по воле Абулхаир хана" [12, с. 76]. А в "Дневных записках путешествия капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году", изданных в 1772 г., нашли отражение факты перекочевки калмыков-торгоутов с берегов Волги в пределы Китайской империи. Его наблюдения в качестве непосредственного участника тех событий, когда казахский хан Нуралы с помощью русского военного отряда преследовал калмыков, имеют большое значение. Однако нужно отметить, что не все дореволюционные исследователи отличались добросовестностью. Среди русских исследователей встречались поверхностные, более того, имперски настроенные люди, приверженцы европоцентризма, пренебрежительно относящиеся к истории колонизированных малых народов. Обратим внимание на высказывание того же Н. Рычкова, который не явился исключением: "Киргисцы не имеют ни права, ни суда к разбиранию народных тяжб; но на смертоубий-

ство и воровство имеют они странное установление, их предками утвержденное. Сии два злодеяния наказываются у них таким образом: убийца у них не жертвует головою своею за убиенного, но вместо того платит он 100 лошадей, одного пленника, двух верблюдов, наилучший суконный кафтан, черную лисицу, ястреба или беркута, панцирь и другие военные снаряды ближайшему родственнику убиенного. Если же собственного достатка убийцы не достает на сию оплату, то взыскивают недостаток с его родни, которые уже не имеют воли противиться сему народному постановлению: ибо каждый приемлет участие в защищении сего необходимого права. Сей устав киргисцов называется кун. Изувечение человека почитается у них за половину убийства, а потому половину должен платить изувеченному противу совершенного убийства" [13, с. 36].

В записках Императорского Русского Географического общества находятся материалы "Посольства к зюнгарскому Хунь-Тайджи Цевань-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–24 годы", где находятся интересные сведения, в том числе и о следующих событиях: "В прошлом де лете послан Контайшин сын Шуно-Даба против казачьей орды, а ныне де ведомость есть, что он казаков повоевал и три города ему поддались" [14, с. 41].

Среди русских исследователей особняком стоит статский советник В. М. Бакунин. Им в 1761 г. опубликован труд "Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев", который занимает особое место в ряду исследований, посвященных истории кочевых народов. Однако этот труд остался неизданным, а предпринятые в 30-е годы прошлого века попытки печатать отрывки из него оказались неудачными. Только недавно эта работа вышла в свет и была введена в научный оборот. Сведения, сообщаемые В. Бакуниным, хронологически весьма точны, многие данные получены им непосредственно от первых лиц калмыцкого ханства. Он мог прямо общаться с ними, так как служил в русской администрации, ведающей калмыцкими делами. Основательно занимаясь данной проблемой, В. Бакунин пришел к выводу, дополняющему сведения вышеназванных немецких ученых. По его мнению, главная причина перехода калмыков к Волге – это междоусобная борьба джунгарских ханов за власть: "В 1630 году торгоутский главный владелец, именуемый Хорлюк, имея у себя шесть сынов и подданных своих улусных калмык пятьдесят тысяч кибиток, за ссо-

рою с хошаутскими и с зенгорскими калмыками от Алак-улы откочевал к Волге" [15, с. 31]. Он также рассматривает отношения калмыков с соседними народами: "Аюка воевал и за Яиком с киргиз-касаками и всегда над ними имел авантажи, при так же и трухменский народ (туркмены), при Каспийском море в Мангышлаке бывший, в свое время в подданство покорил... При нем же тогда кубанские, хивинские и киргиз-касацкие солтаны, в том числе и бывший Абулхаир-хан киргис-кайсацкий, во услужение живали" [15, с. 32]. В его работе имеются весьма точные сведения о родственных связях калмыков-торгоутов с джунгарскими правителями, о постоянной попытке последних к воссоединению с калмыцким народом. Эти сведения могут быть использованы будущими исследователями для выяснения подлинных причин некоторых эпизодов казахско-джунгарских связей.

Также проливают свет на отношения казахов и джунгар сообщения китайского посланника к Аюке хану в первой четверти XVIII в. [16, с. 164–166].

А. М. Позднеев в числе других рассматривал вопрос перекочевки калмыков. Он отмечал, что переселение совершалось последовательно и довольно медленно. Калмыки отошли сначала к северу до Тобола, отсюда они распространились до Яика и, перевалив через Урал, очутились на берегах Волги [17, с. 140]. Много сведений содержится в труде известного исследователя А. И. Левшина "Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей". Описывая разнообразные события относительно казахских и джунгарских связей, он считает веской причиной присоединения казахских ханств к России ожесточенную войну с калмыками [11, с. 178–184]. Миссионер, основоположник русской синологии Н. Я. Бичурин подробно обследовал историю становления, укрепления и, наконец, уничтожения цинами Джунгарского ханства. Все это он обстоятельно описал в своем труде "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV века до нашего времени". Однако то, что он в основном опирался на китайские источники и некритически их использовал, наложило отпечаток на его суждения, многие из которых были неверными, так как давались с позиции официальной китайской историографии. Ошибочность суждений Н. Я. Бичурина состоит в том, что Орбулакскую битву 1643 г. он считал "чисто киргиз-казачьей сказкой" [18, с. 41], тогда как в архивных документах сохранились материалы об этой битве, доказывающие обратное. "Джегангиръ-султанъ, высвободившійся изъ непріятельскихъ рукъ, сталъ часты-

ми набѣгами беспокоить Калмыцкія кочевья. Хонь-тайцзи, желая отомстить ему, вторгнулся летомъ 1643 г., въ главе 50.000 войска, въ Кайсацкія земли и овладелъ было двумя родами Алатъ – Киргизскимъ и Токмакскимъ. Джегангиръ наскоро созвалъ людей сколько могъ. Собралось ихъ немного, не более 600 человекъ; но Джегангиръ съумелъ такъ искусно распорядиться ими, что одержалъ блистательную победу", – такова точка зрения российского исследователя В. В. Вельяминова-Зернова [19, с. 378]. Записи с подробными указаниями о событиях во времена хана Тауке приводятся в его труде "Исследования о Касимовских царях и царевичах", вышедшем в свет в 1864 году. При этом он добросовестно ссылается на "Сибирьскую Историю" И. Фишера и выписки из китайских источников секретаря Леонтьева (1777 г.). Точность записей Леонтьева подтверждена документами, приведенными самим Иакинфом. Углубленно занимаясь вышеназванной проблемой, В. В. Вельяминов-Зернов пришел к выводу, что борьба между казахскими и джунгарскими владетелями сводилась к упрочению своего влияния как в религиозном, так и в экономическом и политическом планах: "Тявка (хан Тауке) всю жизнь провел в борьбе с калмыками. Любопытны жалобы, которые приносил на него калмыцкий хан Цеван-Рабтан, преемник власти Галдана-Бошохту (сына Батор-хон-тайцзия), в донесении своем Китайскому двору, писанном им в 1698 г., вскоре по вступлении своем на ханство. Цеван-Рабтан писал: "1) что он воюет с Казаками (хазаками) поневоле; 2) что сын Казацкого хана Тявки (Тауке), находившийся в плену у Галдан-Бошохту, отослан был Галданом к Далай-ламе; 3) что Тявка просил его, Цеван-Рабтана, исходатайствовать у Далай-Ламы свободу сыну, что он, Цеван-Рабтан, просьбу эту выполнил и отправил к Тявке его сына в сопровождении 500 человек; но Тявка всех этих провожатых перебил, мало того, умерщвил одного из его, Цеван-Рабтановых, князей, а князеву жену с детьми и людьми, в числе более ста кибиток, увел к себе; 4) что Тявка нападал на сына Аюки-хана, который вез к нему, Цеван-Рабтану, его невесту, свою сестру; 5) что Тявка перехватил несколько купцов русских, которые от него, Цеван-Рабтана, ехали назад в Россию" [19, с. 380–381].

Изучая историографию по данной проблеме, можно заметить, что среди этих работ, касающихся взаимоотношений казахов и джунгар, мало исследований, затрагивающих мирные, экономические и торговые связи этих кочевых народов. Труд военного

инженера, капитана И. Г. Андреева "Описание Средней орды киргиз-кайсаков" занимает определенное место в изучении связей казахов, джунгар и калмыков, где особо ценной является его мысль о том, что попавшие в плен к казахам во время казахско-калмыцких столкновений 1771 г. многие калмыки, все же по большей части живут вольно, как и природные киргизы, своими кочевьями, и, имея во всем вольность, составляют смешанное однородство [20].

Автором одного из редких сообщений об экономических связях между казахами и джунгарами был Г. Н. Потанин, который писал: "Крайние восточные улусы Киргизов до 1756 г. кочевали по реке Чар-Гурбану, а крайние улусы Калмыков находились по рекам Кара-Буге и Базару. Сдесь, в мирное время, происходила постоянная торговля; разстояние между улусами было на три дня езды, и Киргизы и Калмыки повседневно съезжались для торгу. Киргизы променивали здесь лисиц и корсаков на иркетчину, верблюдов и хлеб. Иногда Калмыки сами возили хлеб в Киргизские улусы, а равно и Киргизы ездили сами для покупки верблюдов внутрь Джунгарии" [21, с. 86].

Некоторые факты, касающиеся казахов, нашли отражение в труде Ю. Лыткина "Материалы по истории ойратов", опубликованном в газете "Астраханские Губернские ведомости" в 1861 году. Он же является переводчиком и первым издателем знаменитого калмыцкого исторического произведения "Сказания о дэрбэн-ойратах", написанного калмыцким князем Батур-Убаши Тюменем, где также описываются калмыцкие события с участием казахов [22, с. 54, 55]. Среди других работ его исследование выделяется тем, что он отмечал дружественные отношения казахов и джунгар, что является несомненным достоинством его книги.

В изучении характера казахско-джунгарских отношений большую помощь оказывают исследователи древних Чингизхановских, монголо-ойратских и казахских законов. Несмотря на то, что труды П. Палласа, Ф. Н. Леонтовича, К. Ф. Голстунского и Я. И. Гурлянда во многом носят источниковедческий характер, в них проясняются многие стороны общественной жизни двух народов и указывается общность корней их ментальности. Эта же общность подтверждается в трудах "Путевые записки по калмыцким степям Астраханьской губернии" священника, миссионера, учителя калмыцкого языка Пармена Смирнова, "Быт калмыков Ставропольской губернии" Я. П. Дуброва [23]. Военный историк Г. П. Прозрителев в книге "Военное прошлое наших калмыков"

приводит факты, удостоверяющие некоторые события, участниками которых были и казахи.

В выводах российского исследователя В. А. Ватина в работе "Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири" отражается развитие взаимоотношений казахов и джунгар и отмечается малоизвестный факт, когда войска двух кочевых народов объединились для совместного нападения: "Что де идутъ съ войною на Русь и на башкырцевъ калмыки и казачья орда три тайши въ сорока тысячахъ" [24, с. 194]. Однако необходимо отметить, что в основном в этой работе были освещены русско-джунгарские отношения.

Великий казахский ученый, просветитель, демократ, исследователь истории и культуры народов Казахстана, Центральной и Средней Азии Ч. Ч. Валиханов обращал внимание на взаимоотношения казахов и джунгар. Его заметки "Аблай", "Шуна-батыр", "Исторические предания о батырах XVIII в." и другие открыли новую страницу в проблеме изучения взаимоотношений казахов и джунгар. Большое значение имели собранные им архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях. Вместе с тем он раскрыл роль акынов и жырау и их произведений в исследовании истории кочевых народов: "В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспевающие подвиги героев, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой Орды, сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы, в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения..." [25, с. 391].

Отмечая немалую заслугу Ч. Ч. Валиханова в изучении данной проблемы, тем не менее, следует отметить, что одно его замечание вызывает протест. Так, он описывает джунгарские события середины XVIII в.: "В 1745 году умирает страшный для киргизов Галдан-Церен, и в Джунгарии происходят смуты за первенство. Калмыцкие Тайдзи попеременно ищут помощи Аблая, который, по старой злобе на джунгар, пользуется случаем для их

ослабления и поддерживает раздоры, принимая то одну, то другую сторону" [25, с. 427].

Нужно сказать, что султан Абылай всегда отличался мудростью и проницательностью. Он прекрасно понимал, что в этом регионе происходят большие перемены. На его глазах рушилось некогда могущественное государство, и Абылай знал, какую роль в этом сыграла Цинская империя. Он считал, что лучше иметь ближайшим соседом Джунгарию, чем прямо возле своей границы цинов, которые всегда будут представлять огромную опасность для казахских ханств. Чрезвычайно ослабленное вследствие бесконечных войн Джунгарское ханство не было для казахов прежней угрозой. Помогая со своим войском джунгарскому хану Амурсане, Абылай пытался помочь другу сохранить единое государство.

Данной проблеме уделялось много внимания в трудах выдающегося представителя казахской интеллигенции начала XX в. М. Ж. Копейулы. В списках его рукописей особое место занимает "Қазақ түбі" ("Истоки истории казахов"), где история казахского народа была раскрыта наиболее полно. Подлинники и копии этих рукописей хранятся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки Национальной Академии Республики Казахстан, в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова и в семейных архивах К. П. Жусуповых. Во многом его взгляды дополняют идеи Ч. Ч. Валиханова, в то же время М. Ж. Копейулы не обошел вниманием и погребальные обряды калмыков. Он считает, что казахи и джунгары часто вели ожесточенную борьбу за пастбища и политическое влияние на присырьдарьинские города. Говоря о хане Джангире, исследователь отмечает, что глава Казахской Орды в сражениях с джунгарами добился значительных успехов (Орбулакская битва). Однако эти победы лишь отсрочили дальнейшие завоевания нападающей стороны, и примерно в 1680 г. казахский хан погибает в одном из сражений с джунгарами: "В это время калмыцкий Хунтайджи усилился, не давал казахам покоя. Побеждая казахов, он уничтожал их на своем пути. Подвергшиеся такому сокрушительному нападению, казахи вновь собирали свои силы и продолжали воевать. Что толку от этого, если у народа нет удачливого хана и несокрушимых батыров?" [26, с. 48].

В историко-археологической заметке другого представителя интеллигенции начала XX в. А. Диваева "Мавзолей Кок-Кесене" приводятся сведения о казахских батырах, которые, собрав значительное войско, в 1726 г. стали наносить джунгарам поражения. "...В те времена большинство киргиз, как говорится в преда-

нии, находилось под владычеством калмыков, а меньшая половина обитала ниже, между киргизами Кши Юз (Малой орды), которые делились на отделения Адай, Бурич и Асман-бузгыл, представителем которых был некий батыр Тайлак... Между киргизами Учакты из отделения Таш-джурек (каменное сердце) был, богатырь по имени Санрык... он получил приглашения от дяди своего Тайлака принять участие в великом совете... Совет состоялся, Тайлак батыр и Санрык... пошли со своими киргизами против калмыков. Война длилась около трех лет. Наконец, калмыки бежали на реку Блауты-Буланты, понеся полный погром, причем самый блистательный бой одержан киргизами на местности Кара Сиыр. Местность эта по сие времена называется "Қалмақ қырылған", т. е. "Гибель калмыков" [27, с. 35].

По свидетельству исследователя У. Субханбердиной, издававшаяся во второй половине XIX в. казахская газета "Дала уалаяты" неоднократно печатала материалы, посвященные битвам с джунгарами [27].

Интересные сообщения имеются в книге Курбангали Халида "Тауарих Хамса" ("Бес Тарих"). Он, как и большинство мусульманских исследователей, рассматривает казахско-джунгарские отношения через призму борьбы ислама и буддизма: "(қалмақтар. – *С. Е.*) далай ламаның арандатуымен... Ертіс бойындағы ауылдарды басты".

✧

Калмыки, по наущению далай-ламы... напали на казахские аулы.

Высказывание К. Халида о значительном влиянии Далай-ламы в борьбе джунгар против казахов подтверждается вышеприведенным фактом отправки плененного Султана сына Джангира в Лхасу – религиозный центр ламаизма. Потребовав доставить сына казахского хана к себе, Далай-лама хотел обратить его в свою религию и через него же распространить влияние на казахское ханство, что весьма очевидно. Из этого мы делаем вывод: на первый взгляд, вроде бы опрометчивый поступок казахского хана Тауке (убийство сопровождавших его сына 500 человек) был на самом деле тщательно продуманным действием. Через сведения, полученные от своего сына, он понял, какой цели добивались джунгарские правители.

Далее, по мнению исследователя, часть калмыков, особенно торгоуты, еще со времен Золотой Орды находилась вместе с пле-

менами, из которых впоследствии образовался казахский народ, и совместно входила в существовавшее тогда государственное образование: "Тоғұлық Темір ханнан соң монғолдар бәрі шығысқа ойысып, біразы қалмақ, торғауыт болып бөлініп, араларында башқұрт, қазақ халқы бөлек тұратындай жағдай болып, Жайық жағасында қалып еді. Сарай хандығы біткен соң Аштарханға, одан біраз уақыт Ұрғанж (Қарақалпақ) хандары ықпалында, соңынан біржолата Ресейге қарап, қазір соңда қалды" [28, 108-б.].

✧

После Тогулук Темир хана все монголы перекочевали на запад, многие из них разделились на калмыков-торгоутов, среди них отдельно стали жить и башкиры, и казахи, затем они остались на берегу Яика. После царствования ханов Сарая они были под влиянием Аштарханидов, потом Урганджа, в конце, подчинившись России, остались там.

Однако эти данные не подтверждаются известными нам русскими, китайскими и среднеазиатскими историческими источниками. Если принять во внимание, что К. Халид был очень образованным человеком того времени и его сведения отражают уровень исторического знания в Средней Азии, то отвергать его доводы без глубокого анализа нельзя. Нашим историкам предстоит поиск источников, подтверждающих или опровергающих сообщения К. Халида. Очень ценными являются его сведения о мирных казахско-джунгарских соглашениях 40–50-х гг. XVIII в.: "...қалмақтан 2000-дай адам..., екі жақтың ортасына, Аягөз суының етек жағы – Су батпақ жеріне түсіп, Абылай ханға елші салады. Абылай да мыңнан аса қолмен келіп, лай су бойында бітім жасасты. Көк қасқа айғыр мен қара бас қошқар сойылды, қолдарын қанға батырды. Шарт бойынша өткен іс кешірім болып, құн, мал дауы болмайды, қазақ пен қалмақ бір-біріне зияны тимейтін болады деді [28, 121-б.].

✧

...около 2000 человек из калмык пришли к дельте р. Аягуз в урочище Субатпак (болото. – *С. Е.*) и направили посла к Аблайхану. Аблай также пришел более чем с тысячным войском и заключил соглашение на берегу упомянутой мутной воды. Принесли в жертву жеребца с белой отметиной и черноголового барана, окунули руки в их кровь. Согласно договору решили, что прошедшее прощается, за бывшие убийства и угон скота наказание не применяется, казах и калмык в дальнейшем не вредят друг другу.

Опросив более десяти информаторов, историк установил и дату этого мирного соглашения – 1756–1757 годы.

В поэме "Қалқаман-Мамыр" известный поэт и философ Шакарим Кудайбердыулы также описывает этот тяжелый период в истории казахского народа:

Мың жеті жүз жиырма үшінші жыл,
Қазақ – қалмақ атысқан, мұны да біл.
Қалмақтың бастаушысы Суан Раптан,
Өзі батыр, соғысқа дым айлашыл.

Шеп құрып соғысыпты қазақ – қалмақ,
Қорқаққа оңай емес шепке бармақ,
Бабаның бес баласы садаққа ұшып,
Бұл соғыста қазаққа түсті салмақ.

Қазақты ол ұрыста қалмақ алды,
Үш есенің екеуін қырып салды,
Жеңілген сон тұра алмай Сыр бойында,
Арқаға қазақ ауып кетіп қалды.

Осы жол бар қазаққа белгілі жол,
Ақтабан – шұбырынды дегені сол,
Жаяу жүріп, табаны аппақ болып,
Қорлық көріп қазақтың шұбырғаны ол [29, 84, 85-б.].

Тысяча семьсот двадцать третий год.
Знай, что казахи и калмыки воевали,
Предводитель калмыков Цеван-Рабтан
Сам батыр и к военному делу охоч.

Построив ряды, сражались они,
Нелегко трусу находиться в этом строю.
Погибли от стрел пять сыновей Баба,
Тяжесть войны пала на казахов.

Уничтожил две трети казахов калмык
В этой войне. После поражения
Не было сил оставаться вдоль Сырдарьи,
Пришлось казахам уйти.

Эта дорога известна казахам –
Актабан шубырынды.
Идя пешком, стерли они пятки,
Терпя бедствие, скитались они.

В этой поэме Шакарим рассказывает о том, кто был во главе джунгар, сколько казахов было уничтожено, в какую сторону ушел потерпевший поражение народ. У Шакарима также есть версия о том, как Абылай стал ханом. В своем труде "Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий" он дополняет сведения казахских жырау и исследователей о выходе султана Абылая на историческую арену после его успешного поединка с джунгарским нойоном: "Придя на поле брани [Сабалак] (Абылай) видит: казахи и калмыки стоят на холмах друг против друга, а посередине перед войсками один лишь сын [джунгарского] Хунтайджи, зять самого Галдан-Церена, батыр Чарыш, казахских батыров на бой вызывает. Абульмансур... приблизился к хану Абульмамбету, спросил его разрешения выйти на поединок... он разогнал коня и, издав клич "Абылай!", полетел и сразил Чарыша... и с криком "Враг сражен!" увлек за собой казахских воинов. Калмыки... были рассеяны казахами... Абульмамбет сказал народу: "Если вы согласны, он по праву станет ханом всех казахов" [29, с. 84]. Правда, султан Абылай только в 1771 г. был избран казахским ханом.

Калмыцкое источниковедение досоветских времен в основном представлено тремя произведениями. Первое из них – это "Сказание об ойратах" Габан-Шараба. Известно, что Габан-Шараб был видным религиозным деятелем, занимался врачеванием, входил в круг правителей калмыков. "Сказание об ойратах" написано по воспоминаниям современников в 1739 году. Второе произведение – "Сказание о дэрбен-ойратах", написанное Батур Убаши-Тюменем, третье – анонимная "История калмыцких ханов" [30]. Историк И. Я. Златкин отмечает, что эти "источники в русской литературе по истории ойратов вплоть до настоящего времени не использовались" [31, с. 9]. Несмотря на отсутствие в этих произведениях хронологии событий, на наш взгляд, они существенно дополняют известные сведения.

По мнению Габан-Шараба, ойратские владельцы, первыми начавшие движение своих улусов к междуречью Волги и Урала, поставили в известность дэрбен-ойратов Джунгарии. Таким образом, откочевка части ойратов на запад, в Россию, и юго-восток, в район Кукунора, была одобрена феодальными лидерами Западной Монголии. Последние были вынуждены согласиться на расселение как на единственный выход из кризиса, связанного с социально-экономическими условиями ойратского общества конца XVI–XVIII вв. и особенностями внешнеполитической обста-

новки. Габан-Шараб не считал уход ойратов Поволжья их окончательным разрывом с монгольским миром [32, с. 69].

Неизвестный автор "Истории калмыцких ханов", так же как и Батур Убаши-Тюмен, не одобрял откочевку части калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 году. Всю тяжесть вины за организацию трагического похода они возлагают на наместника хана Убуши, которым, как они считали, двигали узкокорыстные, властолюбивые цели [30, с. 132].

В изучении истории ойратов интерес представляют и такие источники, как "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана и "Болор Толи" Джимбадоржи (Ш. Бира, Г. С. Гороҳова). По мнению монголоведов Ш. Бира и Б. З. Базаровой, это произведение вышло в свет в 1835–1838 гг. и полностью ориентировано на китайские источники [33, с. 84].

Другой исследователь "Болор толи" Б. И. Король, опираясь на данное произведение, сообщает, что в оценке мощного антиманьчжурского движения народных масс Джунгарии и Халхи в середине XVIII в., результатом которого было восстание, организованное в 1755–1758 гг. ойратским князем Амурсаной, автор летописи, как и большинство феодалов того времени, занимал явно проманьчжурскую позицию. Далее историк дополняет свои сведения материалами, отсутствующими в других летописях, где речь идет о борьбе, происходившей в придворных китайских кругах по вопросу перекочевки торгоутов (калмыков) из пределов бывшей царской России в Джунгарию в 1771 г. [34, с. 180].

В истории джунгар большую роль играли не только различные тайши и хунтайджи, но и представители культуры, среди которых значительное место занимает ойратский просветитель и литератор Зая Пандита. Создатель ойратской письменности, он оказал большое влияние на ход истории и культуры джунгар. Этот основоположник ойратской литературы всю свою жизнь служил общему делу объединения ойратского народа. Собственный биограф Зая Пандиты – Раднабхадра – еще при жизни своего учителя начал работать над рукописью под названием "Лунный свет: История рабджам Зая-пандиты". Данный труд включает в себя, кроме биографии просветителя, сведения по истории Джунгарского ханства в период с 1678 по 1691 годы. Это время известно как период правления Галдана-Бошокту-хана [35].

Весомый вклад внесли и китайские архивные материалы, среди которых особо выделяется цинский источник "Илэткел-шастир", полностью исследованный В. П. Санчировым. Данный источник,

известный под названием "Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана", является ценным материалом по истории ойратов XVII–XVIII веков. "Илэткел-шастир – сборник родословных и биографий монгольско-ойратских князей написан на основе обобщения обширного материала. Его составители не ограничились одними лишь китайскими источниками, а постарались существенно дополнить их сведениями из собственно монгольских и ойратских источников", – так анализирует этот труд В. П. Санчиров [36, с. 40]. И в этом, на наш взгляд, особая ценность данного источника. Конкретный материал содержится в статье В. П. Санчирова "Калмаки в истории турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби", где более полно раскрываются взаимоотношения казахов и ойратов. В своем исследовании В. П. Санчиров приходит к такому выводу: "Возможно, одной из причин все усиливающегося давления ойратов на восточных рубежах казахских владений могло послужить то обстоятельство, что сами ойраты в 1552 году, терпя поражения от восточномонгольского Алтан-хана, откатывались на запад и поэтому стремились расширить свои кочевья на западе за счет владений казахского ханства. В дальнейшем, в последней трети XVI в., казахские ханы стали одерживать перевес в вооруженных конфликтах с ойратскими кочевыми объединениями, которые к тому времени были ослаблены внутренними раздорами и поражениями... Вероятно, тогда же какая-то часть ойратских феодальных владений, соприкасавшаяся с владениями казахского ханства, вынуждена была признать свою вассальную зависимость от его правителей. Временными подданными казахов могли быть ойраты, подвластные торгоутским и дэрбетским князьям, кочевья которых соприкасались с владениями казахского ханства. Но вскоре они, по-видимому, смогли вернуть себе независимость" [36, с. 6].

Из тюркоязычной историографии наиболее полно отражает взаимоотношения казахов и джунгар сочинение Молла Абд ал-Алима "Ислам-Наме". Большая часть этого сочинения рассказывает о волнениях, которые произошли в истории Джунгарского ханства в 1745 г. в связи со смертью хонтайджи Галдан-Церена. В борьбе за власть джунгарские нойоны пользовались помощью казахских султанов и батыров, среди которых большую роль играл султан Абылай. Особое внимание автор сочинения обращает на участие казахов в джунгарских смутах. Многие его сообщения

не встречаются в других источниках и поэтому представляют особую ценность:

Весь народ пришел в волнение.
Разрушилась одна из четырех сторон,
Одна сторона Джунгара осталась открытой.
Отвратили лицо опять от Лама Дарджа,
Бежал и Дабаджи с Амурсаной.
Вышли к казахам, вновь вернулись,
Осадили Лама Дарджа в [его] доме.
Пронзил [его] в это время [копьем] Амурсана,
Ограбил в то время джайсангов...
Опять пришел же поздней осенью, наседая, враг.
Опять Дабаджи был обречен на муки.
Пришли с западной стороны казахи,
Так как не было на их пути препятствия.
Вместе с казахами пришли Ширей и Патма-Джирен,
Некто по имени Эринджэн, ненавидящий Дабаджи.
[Они] сделали одного [человека] претендентом
[На ханский престол], нарядив [его, подобно] тора,
Оспаривая у Дабаджи звание тора.
Смотри-ка на этого коварного хитреца –
Для того, чтобы рассеять род джунгаров,
Из казахов было отобрано десять тысяч человек:
Природные богатыри, бодрые, могучие казахи.
Собрались они, чтобы обстрелять кюрютов,
Чтобы уничтожить стрелявших людей.
Покорившемуся элю будет очень большая польза.
Не покорившийся народ будет уничтожен [37, с. 423].

Известен также труд Махмуда ибн Вали "Бахр ал Асрар", написанный в 1640–1641 годах. Казахстанский историк К. А. Пищулина отмечает, что по сообщениям ибн Вали некоторые владетели Восточного Туркестана помогали калмыкам в их борьбе против казахов, впоследствии в результате завоевания Галданом Восточного Туркестана (по просьбе Аппак-Ходжи) был открыт путь для захвата последнего Китаем в 1753 году [38, с. 74].

В другом среднеазиатском источнике "Тарих-и амнийа", автором которого является Молла Муса бен Молла Айса (Иса)-ходжа Сайрами, сообщается, что предки сочинителя в числе 60 семей были увезены калмыцким контайши в Джунгарию, когда последний завоевал и разграбил г. Сайран близ Ташкента в конце XVII века. Эти семьи занимались земледелием в Джунгарии. Через несколько лет после завоевания Джунгарии китайцами им

разрешили вернуться в свои края. Поскольку их родной город был разрушен, они обосновали новый город и дали ему название Сайран. Сообщение этого автора проливает свет на происхождение казахского города Сайран, а также на то, каким образом развивалось земледелие в Джунгарском ханстве. "Около двухсот лет тому назад по отношению к юртам этого Могулистана на месте хана и в имени тора возвеличился и воцарился в Или нечестивый калмак по имени Кунтаджи, так что власть его распространилась на восточной границе до Комула и Варкуля, на западной границе до Ташкента и Сайрама, на южной границе до Карангу-Тагаз. Когда он неожиданно выступил в поход, захватил и подчинил Ташкентский Сайрам, назначил вместо себя старшим в Сайраме одного калмака и еще нескольких калмаков оставил [ему] в сподвижники и помощники, [а сам] пришел на границы Или, сайрамцы убили упомянутых калмаков и, отвергнув повиновение, вышли из подчинения. После того как несколько [человек] из них [сайрамцев], спасая свои жизни, прибыли к Кунтаджи и подробно донесли о том, что произошло, Кунтаджи, не заходя в Или и произнеся по своим обычаям торжественную клятву, вернулся в Сайрам, второй раз овладел им, перебил некоторое количество людей и подверг [город] грабежу. Люди Сайрама [делятся на] три племени, то есть на три рода: род ходжей, шахский род и эмирский род. Отобрав из этих трех родов по двадцать семей наиболее знатных и великих [людей], а всего шестьдесят семей с их домочадцами и детьми, он, переселив [их], привез в свою столицу Или. В Или он держал их около года или несколько более или менее того, а затем отправил в Кона-Турфан. Около двух лет [они] жили в Турфане" [37, с. 70].

Уникальным памятником XVI в. является труд Мухаммеда Хайдара Дулати "Тарих-и Рашиди". В данной книге ученого-историка содержатся сведения по истории, этнографии, культуре народов, живших в Средней и Центральной Азии, ценные материалы о жизни и быте казахов, узбеков, кыргызов. Он описывает взаимоотношения казахов и джунгар в XVI веке. В своем труде автор использовал устные предания, распространенные в его родном племени доглат и других кочевых племенах Могулистана, а также сочинения его предшественников (Абд ар-Раззака Самарканди, Улугбека и др.). В "Тарих-и Рашиди" нашли отражение история ханов-чагатаидов Могулистана и Кашгарии, история племени доглат, правление его владетелей в Восточном Туркестане и история могулов. Особое значение имеют его описания

отношений Могулистана и ойратов. Как считает автор, чагатаидский владетель Вайс-хан (1418–1428 гг.) "...по натуре [своей] он был чрезвычайно ревностным мусульманином, отличался святостью, по энергии и храбрости он [был] выдающимся в своем семействе. Запретив [своим] людям совершать набеги на мусульман, [Вайс-] хан ополчился на неверие калмаков и постоянно вел борьбу с теми кафирами" [39, с. 95]. Он сражался с ойратами в общей сложности 61 раз, но выиграл сражение у них только однажды, а во всех остальных случаях терпел поражение и обращался в бегство. Дважды Вайс-хан попадал в плен к ойратскому правителю Исану-тайши (речь идет, по-видимому, об Эсене. – *С. Е.*), но всякий раз отпускался им на свободу. Во второй раз Исан-тайши потребовал от Вайс-хана в качестве выкупа за себя отдать ему в жены свою сестру Махтум-ханим. Могулистанский правитель вынужден был такой ценой купить себе свободу. По сообщению источника, "...когда Вайс-хан отдавал Махтум-ханим, он обратил в мусульманство своего зятя, и Махтум-ханим была выдана замуж по мусульманским обычаям. Подвластных ей людей она обратила в мусульманство, своих двух сыновей назвала Ибрагим и Илйас, а свою дочь выдала за Кадир-Берды-мирзу..." [39, с. 116, 117] После смерти Исана-тайши его обращенные в мусульманство сыновья стали враждовать со своим сводным братом – старшим сыном Исана Амасанджи-тайши, занявшим трон своего отца, "...они бежали от хана калмаков в пределы Китая с сорока тысячами человек" [39, с. 117].

Другим мусульманским автором, посвятившим основные строки своего сочинения истории казахов и ойратов, является турецкий путешественник Сейфи Челеби. В середине XVI в. он объехал многие средне- и центральноазиатские страны и описал их в своем сочинении. Первым из российских исследователей его произведение использовал академик В. В. Бартольд в "Очерке истории Семиречья" и монографии "Сведения об Аральском море". Но наиболее подробно и обстоятельно труд Сейфи проанализировали ученые Т. И. Султанов и В. П. Санчиров в статьях "Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.)" и "Калмаки в истории турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби". В своем исследовании Т. И. Султанов использовал микрофильм, полученный из Лейдена. В этом фильме излагается основное содержание сочинения С. Челеби. Т. И. Султанов обратил особое внимание на описание глав, среди которых "О правителях Китая", "О правителе калмаков и о Тибете", "О правителях Кашгара, Тура и казахах" явля-

ются для нас наиважнейшими. В сочинении турецкого путешественника главным образом освещены события XVI в., а также отражены политическая история, экономические, торговые связи, верования вышеназванных стран и народов. Многие сообщения не дублируются другими источниками: "Страна Китай как бы расположена внутри крепостей; с одной стороны между городами построены укрепления для защиты пограничных владений от набегов калмаков, а с другой вырыты [глубокие] рвы для того, чтобы преградить путь грабежу тибетцам. Причем тибетцы наводили меньше ужаса на них, чем калмаки".

"По эту сторону Кашгарии есть племя, носящее название киргиз. Они кочевники и той же породы, что и монголы. Это многочисленный народ. Соседи киргизов – казахи; это племя насчитывает два раза по сто тысяч семейств. Они мусульмане, придерживаются толка Имама А'зама. Предки казахских ханов были разбиты и вынуждены были удалиться в степь, где остались, и на основании этого обстоятельства им было дано название казак. У них много баранов, лошадей и верблюдов, их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи" [40, с. 46–50].

Калмыцкий историк В. П. Санчиров в упомянутой работе отмечает, что исследователи истории ойратов часто пользовались сочинениями мусульманских авторов XVI–XVIII веков. По его мнению, в исторической литературе тюрко- и персоязычных народов содержатся весьма важные сведения об ойратах, их жизни, быте, истории и культуре. Особый интерес представляет следующее сообщение турецкого путешественника: "По ту сторону от страны Кашгар (Восточный Туркестан. – *В. С.*), обитает народ, называемый казахами. У них нет ни городов, ни селений. Это кочевой народ... Их хана зовут Тевеккель. Они [однажды] ограбили какую-то местность страны калмаков и вернулись обратно. Об этом изложили правителю калмаков. Он послал одного из своих визирей в погоню. Он приказал: "Ни в коем случае не возвращайся, пока не доставишь голову Тевеккеля или его самого". Тот преследовал Тевеккеля до самого его дома. Тевеккель уви-

дел, что войско калмаков бесчисленно. Он не стал защищаться и бежал в Ташкент. Войско калмаков преследовало его до самой границы страны Ташкент. Они настигли казахов и наполовину ограбили их. Сам Тевеккель с некоторым количеством оставшихся людей отправился в Ташкент. Город, называемый Ташкентом, был раньше местожительством Афрасияба, это очень большая страна. В то время правителем Ташкента был Науруз Ахмед-хан по прозвищу Бурак-хан. Он был потомком Чингиса. После того, как Тевеккель отправился в Ташкент, войско калмаков разграбило страну Тевеккеля и затем вернулось обратно в свою страну. Тевеккель отправил кого-то к Бурак-хану, [чтобы сообщить ему следующее]: "Я прибыл к тебе, я ищу у тебя защиты, мы оба – родственники, мы оба – потомки Чингиса, мы оба – мусульмане-единоверцы, приди, окажи мне помощь, мы отправимся и отомстим неверным [=калмакам]". Бурак повелел передать ответ: "Если десять таких правителей, как ты и я, объединятся в одном месте, то и они не смогут оказать ему сопротивление, ибо это народ Гог (Йаджудж)". Действительно, они похожи на народ Гог тем, что они многочисленны и маленького телосложения. Поэтому сила и мощь калмаков и сила и мощь императора теперь известны" [41, с. 69].

Другим турецким путешественником и географом, посетившим уже в XVII в. земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья, был Эвлия Челеби. В сочинении под названием "Книга путешествия" он подробно описывает местные обычаи, традиции, верования стран, которые он встретил на своем пути в 1641–1642 и 1666–1667 годах [42]. Путешествие Эвлии в составе турецкого войска было весьма полезным для его деятельности. Большое значение для нас имеет его второе путешествие, во время которого он посетил Калмыцкое ханство. Привлекают внимание его беседы с калмыками, выводы из которых географ оставил в своем сочинении. Замечания путешественника о расположении, фольклоре, религиозных верованиях и традициях калмыков представляют огромный интерес и в научном плане. Конечно, в сочинении нашли место явный вымысел и фантастические рассказы об обрядах монголоязычных народов, однако, несмотря на многие недостатки, неисчерпаемая любознательность автора и его объективная оценка моральных качеств, культурных достижений народов, населявших территорию России, сыграли свою положительную роль. К тому же многие сообщения турецкого путешественника не встречаются в других источниках.

Из дореволюционных источников очень высока роль казахского устного творчества в освещении истории казахов и джунгар. В казахской среде имеется очень богатый устный материал, который содержит ценную информацию о двух народах. Оставаясь слабым в смысле точности во времени и объеме фактов, эти устные произведения являются непревзойденными источниками в передаче уровня накала, напряженности событий, описании образа мыслей, общественного настроя в двух исследуемых социумах, что крайне важно для освещения и особенно для осмысления событий.

"Степную устную историографию можно трактовать не только как форму социальной памяти насельников Дешт-и-Кипчака, но и как особую форму устной народной литературы, в которой богато представлены предания, сказания о жизни и истории тех или иных племен, их отважных предводителей. "Устное письмо" служило способом воспроизведения исторического прошлого и увековечивания памяти выдающихся личностей. Подобные послания являлись произведениями особого жанра устного исторического творчества кочевников, в известной мере заменявшими письменные документы. В них излагались подлинные исторические события, деятельность казахских правителей. Исторический характер этих источников выражается еще и в том, что в них строго выдерживается хронологический принцип повествования по годам правления ханов. В них довольно подробно сообщается о родоплеменном составе населения казахских степей, о войнах и союзных отношениях, скрепленных династическими браками, правящих династиях. Эти письменные и устные известия при сопоставлении с археологическими и другими источниками имеют колоссальное значение для раскрытия этногенетических процессов в степях, о продолжающемся формировании народностей", – такова оценка устному народному творчеству, которую дала казахстанский ученый-историк М. Х. Абусеитова [43, с. 57].

Рассматривая проблему противостояния казахских воинов в произведениях устного творчества казахов и других народов Средней Азии, В. Санчиров отмечал: "В казахском эпосе "Кобланды-батыр" слово "калмак", наряду со словом "кызылбаш", имеет нарицательное значение "враг" и "иноверец" применительно к чужеземным врагам, с которыми сражается эпический герой Кобланды. В содержании героического сказания нашли отражение отложившиеся в своеобразной форме в народной памяти воспо-

минания о не столь уж далеком прошлом, а именно воспоминания об известных нам из исторических источников фактах столкновений казахских племен с калмыками" [41, с. 69].

XVII–XVIII века являются особым периодом в истории казахского народа. В эту эпоху произведения акынов и жырау достигли высшей степени выразительности в пропаганде идеи народного единства и призыва к борьбе против джунгар. К числу известных жырау и акынов относятся Бухар-жырау, Актамберды, Умбетай, Татикара, Кожаберген жырау и другие. В их произведениях ясно отражаются жизнь, быт и общественно-политический настрой того времени. Из их произведений мы можем узнать, как сосуществовали кочевые народы и одновременно как они боролись за выживание в жестоких, беспрестанно сжимающихся тисках Российской и Цинской империй.

Произведения Актамберды жырау широко известны. Батыр, сражавшийся в первых рядах казахских войск, Актамберды однажды попадает в руки джунгар. И только в самый последний момент ему удалось спастись. В его известном жыре "Жауды шаптым ту байлап" говорится о его сражениях против врагов:

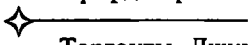
Жауды шаптым ту байлап,
Дүшпаннан көрген қорлықтан
Жалынды жүрек қан қайнап,
Ел-жұртты қорғайлап,
Өлімге жүрміз бас байлап [44, 50-б.].

Сражался с врагом, привязав знамя,
От вражеского произвола
Кровь бурлила, и пламенело сердце,
Не жалея жизни, защищаем Отчизну.

Особое место занимает казахский жырау Кожаберген со своим выдающимся произведением "Елім-ай". В нем дается красочное, высокохудожественное описание "Ақтабан шұбырынды" (1723 г.) – трагедии казахов в связи с вторжением джунгар. Вполне естественно и закономерно, что автор – участник сражений, батыр – подчеркивает идею враждебности джунгар, причем прямо указывает на принципиальные различия в религиозном (конфессиональном), культурно-цивилизационном планах (джунгары называются "кафирами", "врагами мусульман"):

Торғауыт, Жоңғар, Ойрат бәрі қалмақ,
Орыстар мен қытайлар қойған жалдап,
Сол екі ел қару жарақ бергеннен соң
Құртпақшы мұсылманның бәрін жалмап...

Дін ордасын былғады көпір қалмақ,
Оқ атып, жолдағы елді өтті жалмап.
Айнала қазақ жерін жаулап алып,
Түсірді мұсылманға ауыр зардап.



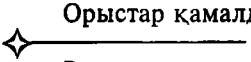
Торгоуты, Джунгары, Ойраты – все калмыки,
Русские и китайцы наняли их.
Вооружившись с их помощью,
Намерены они уничтожить мусульман.

Продвигаясь вперед,
Завоевав земли казахов,
Заставили страдать мусульман.

Вместе с тем любопытно и достойно внимания содержащееся в народном дастане казахов мнение о том, что казахско-джунгарские военные конфликты были во многом спровоцированы (инспирированы) великими державами – Россией и Китаем. Именно они, по мнению Кожабергена жырау, снабдили ойратов огнестрельным оружием, всячески подстрекали к нападениям на казахов. Идея о причастности России и Китая к разжиганию розни между двумя кочевыми народами заслуживает большего внимания и дальнейшего изучения:

Қырылу Алакөлден басталып түр,
Қазақтар жау қалмақтан жасқанып түр –
Орыстар мен Қытайға арқа сүйеп
Ит қалмақ сол екі елден күш алып тур...

Қаруын орыс, қытай қалмаққа сатты
Айдап сол малғұндарды қоқаңдатты
Қырғызып қазақтарды қалмақтарға,
Орыстар қамалдарын салып жатты [45, 157-б.].



Резня начинается с Алаколя...
Получив поддержку у русских и китайцев,
Набирается сил от них вражеский калмык.

Продав оружие калмыкам,
Заставили радоваться этих бестолочей,
Их руками уничтожая казахов,
Строили русские свои крепости.

Что касается следующего знаменитого акына XVIII в. Татикара, то в книге Х. Суюншалиева "Қазақ әдебиеті XVIII–XIX ғғ." о нем приводятся такие сведения: "Тәтіқара ақын – қалмаққа қарсы жорыққа қатысып, сол жорықтарды жырлаған ақын... Тәтікара Бөгенбай қолымен қалмаққа қарсы шабуылдарға қатысып, өзінің жалынды жырларымен күреске аттанған. Шайқастың қақ ортасында жүріп, халықтың көңілін көтеріп, жігерлендіріп отырған.

Мысалы, оның "Қамыстың басы майда" деп басталатын өлеңінің шығу тарихы осындай. Ол қазақ қолының қысылшаң жағдайға ұрынған кезінде, жауынгерлердің ерлік намысын ояту ниетінде айтылған жалынды сөз:

Қамыстың басы майда, түбі сайда
Жәнібек Шақшақұлы болат найза,
Алдыңнан су, артыңнан жау қысқанда,
Ер жігіттің ерлігі осындайда.
Бөкейді айт Сағыр менен Дулаттағы,
Деріпсәлі, Маңдайды айт Қыпшақтағы,
Өзге батыр қайтса да бір қайтпайтын
Сары менен Баянды айт Уақтағы [46, 31-б.].

Акын Татикара, участвуя в сражениях с калмыками, воспевал эти битвы. В числе других сардаров батыра Богенбая он отправляется в поход. В гуще сражений акын своим талантом воодушевлял соратников. Например, пламенные строки его произведения под названием "Қамыстың басы майда...", появились на свет, когда на пути казахского войска встали трудности:

Верхушка камыша мягка, корни тверды
Жанибек Шакшакулы с булатным копьем,
Когда спереди бурлящая вода,
А позади враги напирают,
В мужестве – подвиг жигита.
Знай Бокея из Сагыров и Дулатов,
Знай Дерипсали и Майдана из Кипчаков,
Не отступающих там, где отступают другие,
Ты должен знать о Сары и Баяне из Уаков.

Этой своей импровизацией акын навеки оставил в истории казахского народа имена выдающихся батыров того времени.

Умбетей жырау, как и вышеназванные акыны, был хорошо известен в казахской степи... В сборнике произведений казахских

акынов и жырау "Ай заман-ай, заман-ай... (Бес ғасыр жырлайды)" о нем приводятся такие сведения:

"Ақындық қабілеті ерте байқалған Үмбетей жырау... уакыт оза келе философиялық-дидактикалық толғауларға ден қояды. Сонымен қатар сырт жаулармен күресте аты шыққан батырларды мадақтау да жырау өнернамасындағы өзекті тақырыптардың біріне айналады. Және осы реттегі жырлары Үмбетейге үлкен даңқ әкелді:

Қалдан ханның әскері
Іздеп сені әрі-бері
Қапыда ұстап алғанда,
Тоқсан жақсы үш жүзден
Сені сұрай барғанда,
Өлтірем деп Қалдан хан
Орайында Шарыштың
Сөзіне қарсы сөз айтып
Жауаптасып, қарыстың..." [47, 72-б.].

✧

Рано проявились творческие способности Умбетея жырау. Хотя многие его произведения имели философско-дидактическое направление, однако были и сочинения, воспевающие батыров, прославившихся в битвах с врагом. И эти творения принесли акыну большую известность.

Когда войска хана Галдана
После долгих поисков
Внезапно поймали тебя,
Девяносто самых лучших из трех жузов
Поехали просить за тебя,
Разозленный за Чарыша хан Галдан
Обещал убить тебя,
Ты смог постоять за себя...

В этом произведении акын живо описывает деяния хана Абылая, его отношения с джунгарским хунтайджи Галдан-Цереном. Интересен момент, где говорится, что хотя правитель джунгар и был очень зол на Абылая из-за смерти Чарыша – джунгарского нойона, погибшего в поединке с казахским султаном, он все-таки отпускает будущего казахского хана. Причиной было то, что он был покорен находчивостью и достоинством Абылая.

В среде казахских акынов и жырау особняком стоит Бухар-жырау. Имя его гремело по всей степи. Во времена Абылай хана

он был главным идеологом казахского народа. О взаимоотношениях казахов и джунгар он говорит так:

Қойдан қонар ел едік,
Сыйласқанға кең едік.
Ел менен жерім аманда,
Таусылмас қазына кең едік.
Қазақ қалмақ туысқан,
Кірме емес, тең едік
Көрші ел боп туыстас
Жауласпаспыз деп едік
Ол сөзінде қалмақ тұрмады... [46, 17-б.]

"Қазақ пен қалмақ арасындағы қайшылықтың пайда болу себептерін, оған кінәлі қалмақ бектері ғана екенін ашық айтады. Қазақ жағынан қалмақтарға қорлық жасаған ешкім болған жоқ, тыныш жатқан елге өздері келіп ұрынды, екі ел арасының татулығын бұзды", – делает вывод Х. Суюншалиев [46, с. 80].

✧

Мы – мирный народ,
Проявляли радушие к тем,
Кто уважал нас,
Казахи и калмыки были
По-родственному близки,
Были равными друг другу,
Мирными соседями,
Обещали не враждовать,
Но калмыки не сдержали
Слова своего...

Бухар-жырау ясно говорит, что причиной вражды между казахами и джунгарами были джунгарские владельцы. Казахи никогда не нападали на джунгар, последние сами начали военные действия и нарушили мир, царивший между соседями.

В трилогии Ж. Омари (Ж. Артыкбаев) "Бұқар жырау. Он екі тарих" о Бухаре-жырау и его мировоззрении встречаются весьма примечательные суждения: "Жоңғар ордасы бүлінгелі көп болған, елдің бәрі қорқыныш үстінде, зайсандар бір-бірін аямайды. Орда тарапынан жазалау шаралары жиіледі. Қалдан тұқымы мына қанды қасаптан түгел құритын шығар. Бұқар осы әңгіме қазақ үшін өте қажетті сабақ деп түсінді, көз алдарында алапат күшті мемлекет құрып бара жатса, оған да себеп болған жағдайлар бар шығар. Бұқар-жырау сол құлдыраудың себебін іздеді.

Қоңтәжіні көріппең
Заманасы түзуде,
Адам алар пес пе еді.
Айдынының қаттысы,
Алдынан адам кесіп өтпеді.
Бұзыларға келгенде.
Бура бүркан болысты,
Буыршындай тіздесті.
Қайда жамандықты іздесті.
Бір шындасып сөйлесіп,
Бірауызды болмады,
Үлкенге тізгін салмады.
Хан жарлығын алмады.
Баяғыдай болмады,
Үш Қарқара, Қос төбе,
Итте ұлып қалды ма?
Сол қалмақтың жұртында
Енді адам қалмады
Сөйткен қалмақ оңбады [48, 60-б.].

✧

Много времени прошло с тех пор, как в Джунгарском ханстве начались волнения, народ живет в страхе, а зайсаны не жалеют друг друга. Со стороны правящей верхушки участились репрессивные меры. Наверняка из-за этих кровавых распрей потомки Галдана целиком исчезнут. Все эти события являются важным уроком для казахов, когда на глазах рушится некогда столь могущественное государство. Наверное, были причины для этого, Бухар-жырау был в поисках данных причин.

Видел ли ты контайшы
В расцвете его могущества?
Все боялись его.
А как начались раздоры,
Ушло единство от них,
Ушло уважение к старшим,
Перестали внимать хану,
Ушли прежние времена.
Теперь в Каркаре, в Кос тобе
Не осталось даже воющей собаки.
На землях калмыков не встретить человека,
Так не стало калмыков.

Таким образом, и в произведениях казахских акынов и в восточных источниках взаимосвязи двух народов широко освещены.

Примечательно, что наряду с военными столкновениями были упомянуты и дружеские отношения, о которых свидетельствуют Молла Абд ал-Алим и Бухар-жырау. Мирные и культурные взаимоотношения обоих кочевых народов в произведениях данного периода очень редко упоминались, однако они все-таки нашли свое место в освещении проблемы взаимоотношений казахов и джунгар.

Известно, что среди российских историков были люди, подверженные влиянию дворянского направления русской историографии. К тому же все без исключения русские историки никогда не были свободны от существовавшей в их время царской политики по отношению к народам Азии. Это еще в большей степени относится к исследователям, которые состояли на службе в царской администрации (Бакунин, Рычков, Левшин и др.). Они не могли свободно изложить и опубликовать имевшие место, но противоречащие российской политике факты, произвести собственный беспристрастный анализ, высказать свою независимую точку зрения. Это касается в основном отношений русских к другим народам, в том числе казахам и калмыкам. Однако нет оснований подвергать излишним сомнениям взгляды русских исследователей как независимых наблюдателей со стороны взаимоотношений казахов и калмыков.

Благодаря дореволюционным исследованиям начат сбор многочисленных архивных документов и других источников, таких, как личные свидетельства, воспоминания, литературные произведения, образцы устного народного творчества. С большой тщательностью описаны наиболее важные события с участием казахов, джунгар, русских и т. д. Сделаны первые попытки осмыслить на основе фактов взаимоотношения этих народов. Однако в большинстве своем дореволюционные исследователи не могли идти дальше констатации фактов.

Проблема взаимосвязей казахов и джунгар в советской историографии

Исследование проблемы взаимоотношений казахов и джунгар в 20–30-е гг. XX в. вошло в новое русло. Неоценимый вклад в историческую науку внесли представители казахской интеллигенции этой эпохи. Их труды, посвященные проблеме взаимоотношений казахов и джунгар, являются первоклассным источником. Один из замечательных сыновей казахского народа

М. Тынышпаев в 1925 г. выпустил свой труд под названием "История казахского народа". Большой знаток истории, культуры и быта казахов, генеалогии казахских родов, он уделял внимание взаимосвязям кочевых народов. В его монографии отдельная статья посвящена именно казахско-джунгарским отношениям, она так и называется "Ақтабан шұбырынды" ("Великие бедствия и великие победы казахов"). В ней он обстоятельно описал причины бедствий, постигших казахов, а также то, как они, собравшись с силами, нанесли поражение джунгарам и прогнали их со своей земли: "При преемнике Тауке-хана, умершего в 1718 году, Болат-хане, человеке слабовольном и не предприимчивом, казахи не только не предпринимали походов на калмыков, но сделались жертвой организованного, внезапного нападения калмыков. Такому военному успеху калмыков способствовал сержант шведской артиллерии И. Г. Ренат, попавший в русский плен... он принял участие в известной экспедиции Бухгольца вверх по Иртышу... был окружен калмыками и после упорного сопротивления взят в плен. Ренат пробыл у калмыков до 1733 года, научил плавить железную руду, лить пушки, снаряды... В то время как калмыки под руководством Рената деятельно готовились к войне, их исконные враги – казахи, упоенные недавними победами Тауке-хана, забыли, видимо, о существовании опасного соседа и занялись обычными внутренними распрями, спорами и так далее..." [49, с. 187]. Статьи М. Тынышпаева дают ценный материал для изучения отдельных эпизодов в отношениях между двумя народами.

Историю казахов и джунгар в своем труде "Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи" отметил и председатель партии "Алашорда", ученый-экономист А. Бокейханов: "В XVI веке, как мы видели, в южной полосе края появился народ, известный у русских под именем калмыков, которые оттеснили киргиз на северо-запад. Калмыки представляли из себя союз нескольких племен (торгоутов, хонзов [хойтов. – *С. Е.*], хошоутов и джунгаров), известный под именем ойратского. В начале XVII века... он распался. Объединенная мужественными повелителями, Джунгария стала опасным соседом не только для восточномонгольских, алтайских и барабинских племен, но и для Китая... Наконец и русским пришлось столкнуться с ними и сначала уступить... Джунгарские контайши считали себя настолько могущественными, что не заботились о хороших отношениях со своими сильными соседями – Китаем и Россией. Только после того,

как в Джунгарии снова начались родовые распри, могущество ее пало на этот раз окончательно, чем не пропустили воспользоваться китайцы и русские..." [50, с. 50].

То, что в походах против джунгар в XVI в. участвовал и Мамай батыр, говорится в книге "Жоқтау" ("Причитание") А. Байтурсынова, известного своими историческими исследованиями, деятеля партии "Алаш", выразителя общенациональных интересов и идей казахского народа [51, с. 5–9].

В очерке "Хан Абылай" М. Дулатова, который оставил яркий след в истории своего народа, создав научные труды энциклопедического уровня, рассказывается о судьбе хана Абылая, о его победе над джунгарами: "Абылаю исполнилось двадцать лет. В это время черный калмык Катай Сыбан похищает у казахов табун лошадей. Казахи, бросив клич "Алаш", под предводительством Каракерей Кабанбая, Канжыгалы Богембая, Каздауысты Казыбека, Шакшакулы Жанибека и Кокжал Барака направились к джунгарам. Однако джунгары в течение нескольких дней не подпускали казахов к своей крепости. Батыры решили возвращаться назад. Абылай был среди этих батыров. Поняв, что его соратники отступают, он... бросив боевой клич "Абылай! Абылай!", один ворвался в крепость джунгар... недосягаемый для их пуль, он разрушает их крепость. В это время и другие батыры, воодушевленные его храбростью, разбивают джунгар. После боя... батыры провозглашают его ханом..." [52, с. 219, 220].

В книге "Қазақ шежіресі хақында" ("О казахской родословной") – блестящем академическом исследовании, написанном такими выдающимися учеными, как Х. Аргынбаев, М. Муканов и В. Востров, имеется глава "Джунгарское нашествие". В ней рассматривается период, с которого джунгары начали свои завоевания и нападения, говорится об "Ақтабан шұбырынды", а также о казахских батырах, освобождавших казахскую землю: "Қазақтарды біртұтас жасаққа біріктіру ғана жоңғар шапқыншылығынан құтқарар еді. Халық батырлары: Кіші жүзден – Тайлақ, Орта жүзден – Қабанбай мен Бөгенбай, Ұлы жүзден – Саурық батырлар осындай бірліктің негізін қалады. Сөйтіп үш жүздің барлық батырлары тізе қоса отырып 1726 жылы Торғай даласының оңтүстік-шығысында жоңғарларға қатты соққы берді. Бұл оқиға халықтың рухын көтерді, ал оларды ойрандаған Қарасиыр деген жер "Қалмақ қырылған" деп аталып кетті. 1730 жылы қазақ жасақтары қалмақтарды тағы да ойсырата жеңіліске ұшыратып, олар шегінуге мәжбүр болды" [53, 244–245-б.].

Объединение казахов в одно единое войско избавило бы их от новых нападений джунгар. Такие народные батыры, как Тайлак из Младшего жуза, Богенбай и Кабанбай из Среднего жуза, Саурык из Старшего жуза, приступили к объединению. Вследствие этого в 1726 г. джунгарам был дан отпор. Эта победа подняла дух народа, а местность Карасиир, где потерпели поражение джунгары, стала называться "Место уничтожения калмыков". В 1730 г. казахское ополчение, снова взяв верх над джунгарами, заставило их отступить.

Одним из первых советских историков, которые занимались проблемами взаимосвязи казахов и джунгар, является выдающийся российский ученый В. В. Бартольд, глубоко изучивший историю Средней Азии. В широко известном научном труде под названием "Очерки истории Семиречья" он раскрыл причины появления и падения Джунгарского ханства, "систематически изложил историю края (Семиречья) и его насельников в связи с историческими судьбами других народов (в т. ч. джунгаров)" [54, с. 136].

Труды другого российского исследователя В. Л. Котвича посвящены русско-монгольским связям. Тем не менее его источниковедческая деятельность на основе многочисленных архивных материалов имела большое значение для изучения казахов и джунгар в их взаимосвязи [55].

Много ценных сведений об ойратах имеется в монографии "Общественный строй монголов" историка Б. Я. Владимирцова. Его работа, однако, содержит некоторые неточности и ошибки. Например, он пишет: "Невозможно также смотреть на ойратов с их ханами и тайши как на самостоятельное государство" [56], тогда как последние исследования доказывают, что Джунгарское ханство являлось независимым, суверенным, не зависящим от соседних империй, государством. Таким образом, позиция Б. Я. Владимирцова опровергается результатами последующих исследований. С. А. Козин, к примеру, считает, что "...ойраты становятся не только суверенным государством, но явно претендуют на главенство среди других монгольских племен и народов". Являясь известным исследователем калмыцкого эпоса "Джангариада", он впервые обратил внимание историков на необходимость глубже раскрыть казахский фактор в разделении Ойратского союза в начале XVII века [57, с. 33].

Работа С. К. Богоявленского "Материалы по истории калмыков в первой половине XVIII в.", опубликованная в 1939 г.,

продолжила и значительно углубила досоветские исследования. Автор приводит многочисленные факты, свидетельствующие о возрастании натиска казахов на калмыцкие улусы: "Неудачи калмыков, с одной стороны, и страх московского правительства перед нашествием многочисленных и воинственных калмыков, которые к тому же начали вести переговоры с сыновьями Кучума, – с другой, побудили обе стороны сделать попытку на чем-нибудь договориться. Инициатива принадлежала тарским воеводам, которые в январе 1607 года послали калмыцким тайшам предложение принять подданство Москвы. Калмыки заявили о готовности тайш быть "под высокой царской рукой" и просили разрешения кочевать по Оми, Камышлову и у соленых озер, а главное – просили защиты от Казахской орды и царя Алтына Мунгальского". (Алтын хан – правитель монголов-хотогойтов, которые находились в северо-западной части Монголии. – *С. Е.*) [58, с. 61].

В 1958 г. в Ташкенте была издана работа В. С. Батракова "Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века)". Несмотря на крайнюю несвязность и скудность материалов по данной проблеме, автору удалось впервые после Г. А. Потанина проанализировать и систематизировать хозяйственные отношения, вскрыть причину и хронологически описать историю этих связей. В книге имеются сообщения, привносящие ясность в казахско-джунгарские отношения, что, несомненно, увеличивает ценность данной монографии. Так, по мнению автора: "Наиболее ярким доказательством (того, что у джунгар было земледелие. – *С. Е.*) является созданная джунгарами ирригационная сеть, которую использовали казахи, переселившиеся в Семиречье после разгрома Джунгарского ханства и массового истребления джунгар войнами... Китая в 1758 году. Впоследствии казахи значительно расширили эту сеть... называли калмыцкими арыками" [59, с. 71].

Вслед за В. С. Батраковым на наличие многовековых и разносторонних хозяйственных связей этих двух народов обращает внимание и С. В. Бахрушин. Торговля калмыков в Сибири и Средней Азии отражена в его научном труде "Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв.". Он отмечает: ввиду того, что скотоводческое хозяйство полностью не удовлетворяло потребностей кочевников, они были заинтересованы в торговом обмене. "Джунгарские хунтайчжи не останавливались даже перед применением военной силы для под-

держания бухарской торговли. Так, например, набег на Красноярск джунгар и киргизов... был вызван "нападками и непомерными взятками", которые воевода чинил "калмыцким и киргизским и бухарским торговым людям и калмыцким посланцам. От таких его обид и задоров калмыки (джунгары. – *С. Б.*) и киргизы войною приходили одного лета дважды, села и деревни пожгли..." Так решительно отстаивали джунгары и казахи интересы торговли, происходившей под их покровительством [60, с. 203, 204].

Казахско-джунгарские отношения рассмотрены в работе Г. И. Семенюка "Проблема истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана)", увидевшей свет в России в 1973 году. Автор дал обзор историографии, изучающей проблемы присоединения кочевых народов Средней Азии и Казахстана. В частности, он пишет: "Первый труд, посвященный вопросам истории присоединения к Русскому государству казахов-кочевников, был создан уже в начальный период процесса присоединения Казахстана к России, в 40–50-х годах XVIII века, чиновником оренбургской пограничной администрации, местным историографом П. И. Рычковым, понявшим необходимость обобщения происходивших событий дальнейшего управления краем и регулирования русско-казахских экономических и политических связей". Исследуя вопрос о проблеме становления казахского общества, Г. И. Семенюк также уделяет внимание взаимоотношениям казахов и джунгар: "Весьма значительное место в политической истории казахских племен XVII–XVIII вв. занимало вторжение на территорию Казахстана джунгарских завоевателей. Еще в конце XVI в. калмыцкие племена, получившие позже общее имя ойратов, или джунгар, находились в вассальной зависимости от казахских владельцев" [61, с. 69].

По проблеме изучения сходства общественного строя казахов и джунгар много важных сообщений содержится в работе Г. Е. Маркова "Кочевники Азии (структура хозяйства и общественная организация)", изданной Московским государственным университетом [62].

Новые стороны казахско-джунгарских отношений освещены в знаменитой книге российского историка И. Я. Златкина "История Джунгарского ханства". Им исследованы причины казахско-джунгарских войн, роль и место правителей обеих сторон в этой войне, а также введено в научный оборот много документов, касающихся этих взаимосвязей. Его заслуги по достоинству оценены многими историографами [31].

Особое место среди советских историков, исследующих проблему связей двух народов, принадлежит бурятскому ученому Ш. Б. Чимитдоржиеву, в его работе "Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв." впервые в советской историографии разработаны аспекты взаимоотношений народов Монголии и Средней Азии, в т. ч. казахов и джунгар. Заслуги и недостатки этого исследования в освещении данной проблемы обстоятельно рассмотрены казахстанскими историками Р. Б. Сулейменовым и В. А. Моисеевым. При этом последний излишне критически относится к некоторым утверждениям историка. Например, доводы самого В. А. Моисеева неубедительны, когда он не согласен со следующим утверждением Ш. Б. Чимитдоржиева: "Нападение ойратских феодалов на казахские земли началось в первой половине XVI в. До этого взаимоотношения казахов и ойратов в течение целого столетия были мирными"[63, с. 32]. Однако то же самое утверждает и И. Я. Златкин: "Необходимость сосредоточить все силы и средства казахских феодалов для борьбы против узбекского хана Абулхаира, а затем против Шейбани и шейбанидов заставляла казахских феодалов поддерживать мирные связи с другими своими соседями, например, с ойратами, отношения с которыми целое столетие не были омрачены конфликтами" [31, с. 42]. В разделе своей книги, посвященной ойрато-узбекским отношениям, Ш. Б. Чимитдоржиев пишет: "В "Тарих-и Муким-хана" содержится описание сражения 1613 года за Ташкент между войсками Имамкули-хана и ойратами и казахами. С 1598 года город находился в руках казахов. Утвердившись на престоле в Бухаре, Имамкули-хан решил вырвать Ташкент из-под власти казахов и вновь включить его в состав своих владений. Союзниками казахов в этой борьбе были ойраты" [63, с. 32]. Это свидетельствует, что Ш. Б. Чимитдоржиев прекрасно знает историю Могулистана, опирается на широкий круг источников в разработке спорных и неизученных проблем взаимосвязей вышеупомянутых народов.

Что касается самой историографии, посвященной проблеме взаимоотношений кочевых народов, то здесь большое значение имели труды историков Р. Б. Сулейменова и В. А. Моисеева, в частности, их исследования "Внешнеполитические связи Казахстана, Средней и Центральной Азии XVI–XVIII вв. в советской историографии" и "Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии". В этих работах впервые в казахской исторической науке были проанализированы истори-

ографические данные вопроса, освещены имеющиеся в то время проблемы и указаны пути их решения. Достоинством этих работ является обстоятельное изучение историографии данной проблемы. Особую ценность имеет мысль Р. Б. Сулейменова о существовании между джунгарами и казахами тесных и многообразных связей на протяжении нескольких веков. Вместе с тем нужно отметить и работу К. Л. Есмагамбетова "Зарубежная историография с древнейших времен до начала 90-х годов", где подробно и систематично были проанализированы труды зарубежных историков. Данное исследование имеет большое значение в развитии историографической науки [64].

Работа Б. П. Гуревича в соавторстве с В. А. Моисеевым "Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография" раскрыла многие негативные стороны официальной китайской историографии, посвященной политике Цинской империи в отношении Джунгарского ханства. Как известно, великодержавно-шовинистическая позиция Китая обусловливалась тем, что он считал себя вправе властвовать над неханьскими народами, живущими вокруг их империи, поэтому захват Джунгарии и истребление ее народа Китай считал правомерными действиями. В данной работе были критически рассмотрены многие труды современных китайских исследователей, при этом был дан глубокий анализ их отношения к этой проблеме [65].

Здесь же следует заметить, что, исследуя структуру международных отношений в Центральной Азии, Б. П. Гуревич в своей одноименной монографии приходит к такому выводу: "Со второй четверти XVI в. началась полоса казахско-ойратских столкновений, вызванных попытками западно-монгольских феодалов расширить свои пастбищные территории и заодно пробиться к рынкам Средней Азии. Первоначально перевес сил был на стороне казахов, которые не только отстояли свои земли, но и стали принимать активное участие в политической жизни Восточного Туркестана" [66, с. 25]. Описывая взаимодействия казахов и джунгар, ученый отмечает: "...после смерти Батур-хунтайджи в 1653 г. и начавшихся междоусобиц в Джунгарском ханстве Тяньшанские киргизы и казахи старшего жуза снова начали успешную борьбу с ойратскими завоевателями. Один из сыновей Хунтайджи, Ондон, возглавил карательный поход джунгарских войск в Семиречье, потерпел неудачу и попал в плен. После того, как в 1655 г. к власти в Джунгарском ханстве пришел новый правитель – Сенге

(1655–1670), восточная часть Семиречья уже фактически была освобождена от ойратов" [66, с. 25]. Вместе с тем в работе Б. П. Гуревича встречается досадное недоразумение. Он говорит, что в ходе войны казахов и джунгар в 1643 г. казахам удалось отстоять свою независимость при поддержке узбеков. Одновременно в исследованиях доказывается, что помощь казахам оказали не узбеки, а бек Самарканда, казахский батыр Жалантос. Тем не менее, несмотря на отдельные неточности, несомненным достоинством данной монографии является то, что автор уделил большое внимание следующему: "...наблюдалась тенденция к созданию военно-политических союзов между отдельными группами казахских и ойратских владельцев". В то же время он показывает, как боялись цины сближения казахов и джунгар: "Перспектива укрепления казахско-джунгарского союза особенно сильно беспокоила цинское правительство, которое, как свидетельствуют китайские источники, стремилось ни в коем случае не допустить каких-либо совместных действий Амурсаны и правителей казахских ханств" [66, с. 27]. Рисуя картину сложных взаимосвязей народов Центральной Азии, Б. П. Гуревич не ограничивается только перечислением военных столкновений кочевых этносов. В своем труде он затрагивает и моменты дружеской взаимопомощи казахов и джунгар.

Важные материалы имеются в трудах историков-китаеведов, изучавших проблему отношений Китайской империи с Россией и другими народами Средней Азии. Исследования В. С. Мясникова и И. В. Шепелевой интересны тем, что, раскрывая цинско-джунгарские отношения, они (хотя и косвенно), но затрагивают и казахско-джунгарские связи. В работе "Империя Цин и Россия в XVI – начале XX в." исследователи выразили такую точку зрения: "Захват Китаем Джунгарии открыл ему путь далее на запад. Цинские войска появились рядом с казахскими и киргизскими кочевьями. В Казахстане сложилась нелегкая обстановка. С одной стороны, казахи были довольны разгромом их соперника, Джунгарии, и даже претендовали на освободившиеся теперь джунгарские кочевья, ранее принадлежавшие казахам, с другой – они опасались могущества Цинского Китая и предпочитали использовать поддержку России... между империей Цинов и Россией назревал конфликт" [67, с. 59].

Исследования М. Б. Джамгерчинова "Русские источники о некоторых проблемах истории Киргизстана в первой половине XVII в.", а также М. Кутлукова "Из истории международных свя-

зей в Центральной Азии в 1755–1859 гг. по сведениям кашгарских историков", рассказывают о некоторых сторонах казахско-джунгарских связей [68].

Большинство исследований, посвященных проблеме взаимоотношений калмыков с сопредельными народами, представлены в калмыцкой историографии, поскольку они являются важным аспектом этнической истории калмыков. Первым из калмыцких историков вопросы казахско-джунгарских отношений рассматривал российский ученый Н. Н. Пальмов. "В отличие от дореволюционных историков Калмыкии, Н. Н. Пальмов основной упор сделал на исследование архивных источников, анализ которых сочетался с новым подходом к уже опубликованным материалам", – отмечает калмыцкий историк А. В. Цюрюмов в статье "Калмыцкое ханство 1724–1741 гг." [69, с. 6, 7]. Опубликованные в 20-е гг. прошлого века труды ученого "Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России", "Этюды по истории приволжских калмыков" содержат ценные сообщения и выводы относительно казахско-джунгарских связей. "Не на все важнейшие вопросы Н. Пальмов дает правильные ответы", – считает И. Я. Златкин [31, с. 16]. Однако выводы калмыцкого ученого о том, что между калмыцкими и казахскими народами временами были мирные периоды, подтверждены последующими исследованиями.

В статье Ц. Д. Номинханова, опубликованной в "Вестнике АН КазССР" в 1958 г., прослеживаются давние многовековые связи калмыков и тюркских народов, в том числе казахов. Автор сообщает о калмыках казахского происхождения, которые являются составной частью этнических групп калмыцкого народа [70, с. 100–103].

В историко-этнографическом очерке "Калмыки" У. Э. Эрдниев пишет: "Этноним "кереит" встречается не только у монголоязычных народов, но и в Казахстане. В истории Казахской ССР проводится мысль, что в первом десятилетии XIII века на территории Казахстана после разгрома Чингисханом прикочевала с Алтая часть многочисленных племен – найманов и кереитов, между тем во времена Рашид-ад-Дина кереиты жили в долинах рек Онона и Кэрулена. Казахи включили кереитов в свой состав сравнительно недавно, не раньше конца XVI и второй половины XVIII в., т. е. в период наиболее интенсивного их общения с ойратами... таким образом, кереиты – одно из многочисленных монгольских племен, оказались расселенными на обширном пространстве Центральной

Азии, Южной Сибири и Казахстана, но в основном они вошли в этнический состав современного калмыцкого народа" [72, с. 53].

Вслед за Ц. Д. Номинхановым этнические связи калмыков исследует и Г. О. Авляев в статье "О монголо-тюркских этнических связях и взаимодействиях в XIII–XIV вв. и некоторых аспектах проблемы этногенеза ойратов и калмыков" [73, с. 81].

Плодотворно работал в 80-е годы прошлого века видный калмыцкий историк В. И. Санчиров. В его работах "Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII века" имеются сведения о переходе калмыков-торгоутов в Китай; в "Илэтхэл Шастир" как источник по истории ойратов XVII–XVIII вв." содержится история Амурсаны; в произведении "Калмыки" в "Истории" турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби" описывается начало конфликтов между казахами и ойратами, имеются важные, касающиеся сообщения и выводы, касающиеся непосредственно этих двух народов. Особо следует отметить статью В. И. Санчирова "История ойратов XIII–XVII веков в трудах дореволюционных русских востоковедов", опубликованную в г. Элисте в 1988 году. В этом труде впервые в калмыцкой историографии изложен развернутый историографический обзор. Первым из советских историков автор обращает внимание на заслуги русского ученого-историка В. Н. Татищева, хотя отмечает, что материалы Татищева о калмыках, хранящиеся в архиве в Санкт-Петербурге, до сих пор не изучены. В. И. Санчиров пишет: "Как известно, у ойратов существовала собственная историографическая традиция, которую они, откочевав из Джунгарии, принесли с собой в Россию. О том, что эта традиция успешно развивалась и на второй родине ойратов, можно судить по дошедшим до нас историко-литературным произведениям" [32, с. 29]. При этом он имеет в виду "Сказания об ойратах", "Сказания о дэрбэн-ойратах" и т. д.

Последнее утверждение В. И. Санчирова находит поддержку в работе другого калмыцкого историографа Б. Э. Боваева "Письменные повествовательные источники XVII – начала XIX в. по истории Калмыкии", изданной в Москве в 1988 году. В частности, Б. Э. Боваев приводит слова известного ученого-историка В. Л. Котвича: "...испытанные ими (калмыками. – *Б. Б.*) превратности судьбы не способствовали сохранению исторической литературы, которая, несомненно, у них существовала". Далее он сообщает: "Крупный специалист по монголоязычной литературе Б. Лауфер, много работавший в Дрезденском архиве, где находят-

ся многочисленные калмыцкие рукописи, утверждал, что "...калмыки обладают большим количеством исторических сочинений" [30, с. 56]. Добавим, что в этих сочинениях могут быть важнейшие сведения о казахско-калмыцких связях. Проблемы контактов казахов и калмыков в историко-географическом плане освещены в статье И. В. Борисенко "Расселение калмыков в процессе их добровольного вхождения в состав России", изданной также в Элисте [74, с. 25].

Целью ряда работ калмыцкого историка М. М. Батмаева является изучение социального устройства калмыцкого общества. В них имеются также и сведения, объясняющие причины того или иного события с участием казахов и калмыков. В начале XVIII в. "Внешнее положение Калмыцкого ханства осложнялось не только из-за взаимных набегов с целью грабежа ...усложняли обстановку результаты военной службы, выполняемой калмыками по требованию правительства... Согласно шертям, калмыцкие феодалы организовывали помощь царским властям в подавлении народных движений... и служили источником враждебного отношения соседей к калмыкам. Нечего и говорить, что еще враждебнее к ним относились внешние враги России, совместно с которыми калмыки боролись против иноземных агрессоров", – считает М. Н. Батмаев [71, с. 14].

Раскрывают взаимосвязи казахов и джунгар и "Очерки истории Калмыцкой АССР (дооктябрьский период)". В них содержатся сведения об отношениях кочевых народов с начала XVII в. и до 1771 года. "Около ста лет казахские и ойратские феодалы, занятые своими собственными делами, жили более или менее мирно", – говорится в этой книге [75, с. 69].

Некоторые сведения о взаимоотношениях калмыков с Младшим жузом приводятся в статье В. Ш. Бембеева "Переселенческая политика калмыцких тайшей в конце XVI – 60-е годы XVII века": "Оказавшись в тяжелых условиях, территориально стесненные со всех сторон, не имея свободного доступа на китайские и среднеазиатские рынки сбыта, ойрат-калмыцкие тайши вынуждены были задуматься над разрешением земельно-территориального вопроса. По-видимому, переселенческая политика калмыцких тайшей в конце XVI века имела главную цель: ослабить казахов Малого жуза и тем самым освободить себе дорогу к сырдарьинским городам, а через них – к среднеазиатским рынкам, поскольку путь к китайским рынкам был практически закрыт Алтын-ханом" [76, с. 44].

В статье С. В. Тимченко "О характере казахско-кокандских отношений в 50–60-х гг. XVIII века" имеются данные, проливающие свет на связи казахов и джунгар и подтверждающие выводы, имеющиеся в трудах других исследователей [77, с. 49].

В этом же плане необходимо отметить работы "К истории земельных отношений Казахстана в XVIII веке" и "Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.)" А. Сабырханова, который впервые в казахской историографии осветил данную проблему в историко-географическом плане [78].

Вопросы казахско-джунгарских взаимоотношений разносторонне разработаны казахстанским (в то время) историком В. А. Моисеевым. В 1991 г. им выпущен в свет капитальный труд "Джунгарское ханство и казахи", который стал итогом его многолетних исследований. Работа эта также является весомым вкладом в казахскую джунгаристику. Отмечая бесспорную ценность книги, обратим внимание на некоторые стороны данного труда. Освещая начало нападения Галдан-Церена на казахские земли, В. А. Моисеев пишет: "Есть все основания полагать, что главной целью посольства (джунгар. – *С. Е.*) было выследить позицию России относительно военных намерений джунгарского хана в Казахстане, осуществить дипломатическую подготовку к войне. Послы расспрашивали царских чиновников о численности тех или иных казахских родов, выяснили места их кочевий, просили не пропускать казахов за крепостные линии... Ободренные исходом переговоров, ойратские послы заявили сибирскому губернатору, что "нападения де на них, Казачью орду, намерены они учинить февраля с 15 числа сего году". Далее исследователь приводит такую мысль: "Сибирские власти по своему неведению фактически развязали Галдан-Церену руки для агрессивных действий против Среднего жуза" [79, с. 117]. На наш взгляд, выражение "по неведению" не соответствует действительности. Вернее всего здесь имеет место преднамеренная политика стравливания двух народов. В. А. Моисеев в последние годы стал отрицать некоторые свои ранние утверждения. Например, он, резко критикуя казахстанских историков Н. К. Аполлову и В. Я. Басина, утверждал, что высокая оценка итогов посольства К. Миллера сильно преувеличена, даже возврат Абылая из плена, по его мнению, – не заслуга дипломатических усилий России. Однако в докладе на международной научно-практической конференции в 1995 г. он сообщил, что "...оно (посольство К. Миллера. – *С. Е.*) сыграло

определенную роль в прекращении войны, в вызволении из джунгарского плена... Аблая [79]". Не соответствует действительности выражение "узбекский" бек Ялантуш. По поводу принадлежности Жалантос батыра к казахской национальности убедительно писали профессора Х. Досмухамедов и А. Хасенов [80].

Много новых сведений содержится в статьях Г. К. Конкашпаева "Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана в XVI–XVIII вв.", "Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана", "Казахские народные географические термины". Автор отмечает: "С конца XVI в. до второй половины XVIII в. многие районы Казахстана были заменены ойратами (джунгарами, калмыками). В одних районах жили они дольше, а в других меньше; в общем их обитания продолжаются от ста до ста семидесяти лет, а может и больше. От того времени на территории края остались различные виды строений и многочисленные топонимы монголоязычного происхождения. Строения ойратов того времени носили преимущественно культовый характер. Это были в основном монастыри буддийского культа, состоявшие из многих зданий различного назначения" [81, с. 112]. Далее он приходит к такому выводу: "Ныне сотни географических объектов носят ойратские названия. Они в основном сохранились в наименованиях сравнительно крупных реалий – гор, рек, озер. Перечислим некоторые из них: оронимы (название гор): Тарбагатай, Калба, Кантагатай, Багуты, Согуты, Баянаула, Баянжурек; гидронимы: р. Оленты, р. Чидерты, р. Слеуты, р. Моинты, оз. Зайсан, оз. Кургальджин". В конце автор приходит к выводу, что джунгарское влияние в Казахстане было продолжительным во времени и огромным в пространстве [81, с. 116].

Историография, освещающая проблему взаимоотношений казахов и джунгар, в советское время поднялась на новую ступень. Усилиями многих историков в оборот были введены новые архивные источники, дающие во многом исчерпывающий материал по данному вопросу. Также были переведены как на русский, так и на казахский языки древние восточные рукописи (В. П. Юдин и др.), которые, несомненно, обогатили советскую джунгаристику. Вместе с тем появились новые талантливые ученые, осветившие историю взаимоотношений казахов в контексте их связи с другими народами, что позволило поднять новые пласты в науке. Конечно, ориентация на псевдоинтернационализм и догматы марксизма мешали в ряде случаев интерпрети-

ровать исторические события с позиции подлинного историзма. Однако их отрицательное влияние на изучение нашего предмета было незначительным.

Что касается имеющего место в последние годы рассуждения о глубоком кризисе, опиравшемся на марксистско-ленинские концепции исторической науки, необходимости радикальной реформы последней, методологической революции, то мы считаем, что действительно историографические методы должны быть адекватны потребностям нового общества. Историографы не должны абсолютизировать классовый фактор в общественном развитии, а в анализе историографических фактов, комплексно, во взаимосвязи изучить этнические, религиозные, этические и другие факторы. К чести ученых, представляющих казахстанскую джунгаристику (Р. Б. Сулейменов, Ж. К. Касымбаев, В. Я. Басин, И. В. Ерофеева и др.), они никогда не были апологетами принципа партийности. Они мучительно искали пути защиты принципа объективизма и историзма от "академического тоталитаризма", псевдоинтернационализма, догматического формационизма, что видно в каждой главе их трудов. Ими же подготовлена почва для будущего беспристрастного, подлинно научного историческго анализа. Таким образом, мы не считаем, что казахстанская джунгаристика переживает кризис, и являемся сторонниками методологической эволюции.

Тенденции в изучении казахско-джунгарских отношений в трудах современных исследователей

С обретением Казахстаном независимости отечественные историки стали по-новому рассматривать проблемы отношений казахов и джунгар. Появилось много книг и статей, в которых вскрыты глубинные причины, осмыслены внутренние мотивы событий, в действительности имевших место в рассматриваемые времена, открыты новые точки соприкосновения двух народов.

Современные казахские и российские исследователи сходятся в мнении о том, что больше всего дискуссии подвергся этноним "ойрат", в этимологии которого много неясных моментов. Важно назвать исследование ученого Д. Банзарова "Об ойратах и уйгурах", где было дано объяснение этимологии "ойрат" [82]. В частности, российский исследователь В. Б. Цыремпилов, обращая внимание на эту проблему в статье "Этнонимы "ойрат" и

"тунгус", утверждает, что, "...их происхождение до сих пор удовлетворительно не объяснено. Сложность толкования заключается в многозначности данных этнонимов" [83, с. 107]. О том, что данный термин еще не получил своего надлежащего объяснения, говорится в труде С. Г. Кляшторного и Т. И. Султанова "Казахстан. Летопись трех тысячелетий": "Что касается термина "ойрат", то вопрос о его происхождении и значении остается открытым. По мнению одних монголоведов, слово следует понимать как "союзник"; согласно утверждениям других, номин "ойрат" составлен из двух слов "ой + арат", которые соответствуют понятию "лесной народ" Рашид-ад-Дина (XIV в.); есть исследователи, которые считают, что термин "ойрат" не содержит реального смыслового значения и потому бессмысленно пытаться переводить его" [84, с. 305].

Такого же мнения придерживаются К. Аманжолов, А. Тасбулатов в книге "Қазақстанның әскери тарихи" и в учебном пособии "Исторический опыт защиты отечества". В последнем имеется небольшое уточнение: "...есть мнение о его происхождении от монгольского "ойра", что означает "близко", то есть "близкий человек", "союзник" [85, с. 57].

В статье казахстанского историка И. В. Ерофеевой "Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера)" освещается один из спорных моментов, касающихся связей казахов и джунгар. Раскрывая данную тему, автор заявляет: "...нельзя не подчеркнуть, что со стороны царского правительства настойчивость в этом вопросе (освобождение Аблая. – *С. Е.*) ...не является проявлением альтруистических побуждений. Оренбургская администрация рассчитывала использовать освобождение Аблая для расширения и усиления сферы влияния России в Казахстане" [86, с. 66, 67]. Как бы в ответ на критику В. А. Моисеева И. В. Ерофеева на убедительных примерах доказала достижения этого посольства. Думается, доводы этой работы и послужили основой для последующего изменения взглядов В. А. Моисеева на данный вопрос. Относительно беспрепятственный проезд русского посольства по казахской земле, доброжелательное отношение казахского народа к нему дали повод автору сделать вывод о положительной политической ориентации местного населения к русскому государству. Это же подтверждается сообщением о том, что когда один из казахских батыров все-таки напал на русскую экспедицию К. Миллера, старейшины во главе с Толе би осудили батыра и заставили выпла-

тить К. Миллеру значительный кун. Данные сведения содержатся в книге Н. Торекулова и М. Казбекова "Қазақтың бишешендері"("Казахские бии-ораторы") [90, с. 74].

Важная проблема – роль "джунгарского фактора" в деле присоединения Казахстана к России – получила свое развитие в книге И. В. Ерофеевой "Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик". Характеризуя эволюцию взглядов историков на проблему присоединения, историк считает: "...главным тезисом почти всех советских историков стала мифологизированная версия о тотальной джунгарской угрозе самому физическому существованию казахского этноса" [87, с. 12]. Как бы отвечая на утверждение в книге В. М. Бакунина "Описание калмыцких народов": "Аюка воевал и за Яиком с киргиз-касаками и всегда над ними имел авантажи, при том же и трухменской народ (туркмены), при Каспийском море в Мангышлаке бывший, в свое время в подданство покорил... При нем же тогда кубанские, хивинские и киргиз-касацкие солтаны, в том числе и бывший Абулхаир-хан киргиз-касацкий во услужение живали" [15, с. 32]. И. В. Ерофеева считает: "... казахский султан отнюдь не добровольно пошел "в услужение" к правителю "неверных калмыков" и, скорее всего, оказался там в качестве пленника" [87, с. 98]. Далее она высказывает такую мысль: "Необходимо также заметить, что хорошая личная осведомленность о конкретных обстоятельствах "самодержавного" правления Аюки и сама по себе яркая, оригинальная личность калмыцкого хана наложили неизгладимую печать на систему мировоззренческих представлений и ценностных приоритетов молодого султана Абулхаира" [87, с. 99]. Соглашаясь с В. А. Моисеевым, она дополняет: "Совершенно очевидно, что просьба Абулхаира о подданстве... не выступала как часть джунгарской проблемы. За весь период пребывания казахского посольства в России (сентябрь 1730 – апрель 1731 г.) джунгары на переговорах с царскими сановниками ни разу не упоминались" [87, с. 191].

Однако казахский ученый-историк М. Абдиров имеет противоположную точку зрения: "Нужна была такая авторитетная личность, которая решилась бы на этот экстраординарный шаг. И им стал хан Абулхаир, взявший на себя груз исторической и моральной ответственности за вступление в российское подданство ради национального спасения перед лицом джунгарского порабощения, преодоления феодальной раздробленности и междоусобиц, за создание единого государства под российским покровительством" [88].

В свою очередь, исследователь С. М. Машимбаев в своей статье "Кіші жүзге бұғау салу қалай басталды?" ("Как началось порабощение Младшего жуза?"), приводя слова Ч. Ч. Валиханова о врагах, плотным кольцом окруживших казахов, считает, что: "...Әбілқайырды Ресейге бодан болуға итермелеген алдымен айнала қаптаған жаудың айбары еді" [89, с. 32].

✧

Абулхаира принять подданство России заставила мощь окружавших врагов.

В одно время в советской историографии преобладало мнение о решающем значении джунгарского фактора в деле вхождения казахских ханств в состав Российской империи. В свое время Н. Г. Аполлова высказала такое мнение: "...годы великого бедствия" могли завершиться порабощением казахского народа, если бы не были найдены пути преодоления джунгарской опасности. С потерей независимости Старшего жуза не была устранена угроза нового вторжения джунгарами и порабощение Среднего и Младшего жузов. Так созрело намерение искать протектората России" [91, с. 15]. В противовес этому мнению казахстанские историки придерживаются другой точки зрения, которую высказала И. В. Ерофеева: "Чрезвычайно важная роль во внешнеполитической ориентации хана Абулхаира и его ближайшего окружения принадлежала обострению отношений казахов с башкирами, основной причиной которого явился резко обострившийся после нашествия ойратов земельный вопрос. Абулхаир, который в своем обращении к российскому правительству не сделал никакого акцента на угрозе со стороны джунгар, а напротив, подчеркивал, как главный тезис, мир с башкирами" [87, с. 184, 185].

Мы считаем, что отрицать роль джунгарского фактора в таком значительном вопросе, как присоединение Казахстана и России, некорректно. Не упомянув джунгар в своих посланиях в царскую администрацию, хан Абулхаир, возможно, не хотел признаваться в собственной слабости перед джунгарскими владетелями. А ведь джунгары действительно были очень сильны за все время правления Абулхаира, исключая время Анракайской битвы. Вспомним их опустошительный набег в 1742 г., когда они оказались в верховьях Яика, непосредственно угрожая даже русским в крепости Оренбурга. О силе джунгар в эти периоды говорит и то, что хан Абулхаир, признавая их превосходство, намеревался принять их подданство. По нашему мнению, последние выводы по-

лучены в результате более детальных исследований (что является заслугой авторов) единовременного акта без связи с предшествующей и последующей историей, и оно действительно только в течение очень короткого отрезка времени. Несмотря на кажущуюся разработанность темы, эти вопросы требуют дальнейшего глубокого изучения.

Иногда исследователи допускают излишний критицизм в отношении выводов в работах друг друга. Например, В. А. Моисеев резко критикует тезис Н. Г. Аполловой и Б. Я. Басина о том, что целью ойратских вторжений в пределы казахских владений был захват территории, в том числе и пастбищ, доказывая, что целью этих нашествий главным образом было грабительство. В качестве главного аргумента он приводит возвращение ойратов после набегов на свои исконные территории [64, с. 140–143].

На наш взгляд, отсутствие территориальных притязаний нельзя объяснить только возвращением в свои ставки, здесь следует ответить на вопросы: если вернулись, то когда и через какое время? Захват пастбищ даже на один сезон в засушливые годы играет жизненно важную роль для государства, вооруженные силы которого состоят из воинов-всадников. Затем ойраты возвращаются на свои исконные земли, оставив на завоеванных территориях своих представителей для управления этим краем, а также часть войск для содействия этому управлению. Вероятнее всего завоеванная территория была обложена данью в виде ясака, как это всегда делалось джунгарами.

Все эти вопросы требуют более глубокого дальнейшего изучения.

Подлежит тщательному изучению факт относительно роли и смерти Джангир-хана, погибшего в сражении с ойратами. В книге В. З. Галиева "Хан Джангир и Орбулакская битва" говорится: "Во второй четверти XVII века борьбу казахского народа против джунгарских завоевателей возглавил Джангир-хан. Ему удалось добиться единства различных казахских родов в борьбе против общего врага. Военные действия 1643–1644 гг. показали военное искусство Джангира, умение правильно ориентироваться в обстановке, воодушевить воинов в решительный момент, личным участием способствовать военным действиям" [92, с. 53]. Что касается его смерти, то во многих источниках и литературе, посвященной истории казахов и джунгар, утверждается мнение, что глава казахского ханства Жангир-хан погиб от руки Галдамы, сына хошеутовского Цецен-хана. "Очередная ойратско-казахская война началась в 1652 г.,

причем в этой войне отличился 17-летний сын Очирту – Цецен-хана – Галдама, который в единоборстве поразил Янгира", – отмечает исследователь истории Джунгарского ханства И. Я. Златкин, опираясь на биографию Зая-Пандиты [31, с. 45].

Об этом событии подробно рассказывает и А. Г. Митиров: "Зимою в год Усун-лу (1652) Цецен-хан возвращался в свои кочевья из похода на бурутов. В этом походе 17-летний Галдама лично заколол Янгира, повелевавшего бурутами и киргиз-кайсаками и питавшего непримиримую вражду к зюнгарскому Эрдени – Батур хон – тайчжи и его союзнику и зятю хошоутовскому Цецен-хану. Янгир-хан считался знаменитейшим и первейшим богатырем тюркских народов того времени, поэтому победа Галдамы над ним принесла молодому воину славу..." [93, с. 54]. В книге "Калмыцкая народная поэзия" говорится о подвигах Галдамы, сына Цецен-хана: "Галдама был человеком бесстрашным, хорошо знающим воинское искусство. В семнадцать лет, участвуя в военном походе, он сражает вражеского предводителя Янгир-хана. Это событие отразилось в народной песне, в которой Галдама просит своего отца Цецен-хана разрешить ему выйти на бой с Янгир-ханом, опытнейшим вражеским богатырем. Цецен-хан не дает согласия. Тогда Галдама повторяет свою просьбу и поет:

> Пока мой вороной не утомился от езды,
> Пока мое копье с сосновым древком не притупилось,
> Отец, пусти меня, я нападу...

Галдама бросается в бой и побеждает Янгир-хана" [94, с. 32].

Против подобных изложений событий 1652 г. выступает исследователь М. Магауин, который в книге "Азбука казахской истории" излагает свою точку зрения: "Выражая бесконечное уважение памяти святого Салкам Жангира, мы должны исполнить свой долг и перед историей – то есть опровергнуть бытовавшее до сих пор ложное утверждение относительно обстоятельств его гибели. Разумеется, во все времена выйти победителем в единоборстве – огромная честь, великий подвиг и авторитет. В то же время найти смерть в поединке тоже не зазорно. Все дело в том, кому, как говорится, улыбнется счастье. Погибнуть в поединке считалось делом святым, достойным. Однако несомненно, что смерть Жангир-хана наступила совершенно в других обстоятельствах. В какой истории, в какой войне видано, чтобы хан, правитель, или другой помазанник бога выходил на поеди-

нок?! Тем более, не с равным себе ханом, как бывает в сказках, а с юным сыном рядового тайши. Перед битвой, по древней традиции, вперед вырываются наиболее отчаянные, смелые батыры и вступают один на один в смертельный бой. Логично ли допускать, что против еще неизвестного даже в своем народе калмыцкого мальчишки казахи не могли найти какого-то джигита для поединка? Нет же, все поверили лживым словам врага и в результате во второй раз, десятый, сотый раз умертвили доблестного Салкам Жангира" [96, с. 21].

Точку зрения калмыцких исследователей поддерживает казахский историк З. Қинаятұлы в статье "Зая Бандида және қазақ тарихы"(Зая-Пандита и история казахов"), где приводит нижеследующие доводы: "Біріншіден, монғол жазылымында жекпе-жек туралы сөз болмайды. Тек қазақтармен болған шайқаста хан Жәнгірді өлтіргені туралы мәлімет бар. Екінші, Жәнгірдің өлген жылы (1652) монғол деректермен сайма-сай келеді. Үшінші, бес қаруын асынып, атқа қонған азаматтың осалы болмайды [95, 39-б.].

✧

Во-первых, в монгольских летописях нет ни слова о поединке. Есть только сведения, что в сражениях с казахами был убит хан Жангир. Во-вторых, время гибели Жангира (1652) сходится с монгольскими источниками. В-третьих, любой воин в седле и при доспехах не бывает слабым.

В статье "Жоңғар-қазақ тартысындағы әскери және саяси мәселелер"("Военные и политические проблемы в джунгаро-казахских распрях") историк Ж. К. Касымбаев обращает внимание на необходимость более глубокого изучения казахско-джунгарских отношений. При этом он считает нужным сравнительное изучение условий политического и военного развития двух государств. Он сообщает: "экономикалық жағынан екі елді салыстырғанда, төмендегідей ахуал байқалады. Қазақ хандығы да, ойрат-жоңғар мемлекеті де негізінен мал шаруашылығы басым болған екі елдер. Алайда қазақтардан бір ерекшелігі – Жоңғария жерінде XVII соңы XVIII ғ. басында темір және басқа түсті металдарды балқытатын зауыттардың болғандығы... Қазақ-жоңғар тартысында бір қатар шайқастарда қалмақтардың басым болған себебі – олардың жауынгерлерінің зеңбіріктермен қаруланғандығында", – и далее историк утверждает: "Қазақтың, әсіресе Кіші жүздің жағдайын біршама қиындатқан нәрсе батыста орналасқан жоңғарлармен діндес, тілдес, тағдырлас еділ қалмақтарының Кіші жүзге басып кіруі" [97, 24–28-б.].

Если сравнить два государства в экономическом отношении, то намечается такая тенденция. И в казахском, и в ойратском ханствах скотоводческое хозяйство играет главную роль. Единственное отличие от казахов – в конце XVII и в начале XVIII в. наличие металлоплавильных заводов... Во многих сражениях джунгары одерживали перевес благодаря тяжелому орудию. Тяжелое положение казахов, в особенности Младшего жуза, усиливало нападение на Младший жуз родственных джунгарам и в религиозном, и в языковом отношении волжских калмыков.

Казахские исследователи уделяют пристальное внимание изучению истории сложных и полных противоречий отношений между Казахстаном, Россией, Джунгарией и Цинской империей. Политическая борьба России и Китая за Центральную Азию во всей полноте отразилась на исторических судьбах казахов и джунгар. В 1715 г. цины двинули против ойратов свои войска, так как именно в это время им стало известно о неудачах ойратов в войне с казахами. Развязав войну, Цинская империя пыталась изобразить себя "защитником" и "избавителем" Центральной Азии от ойратского ига. Здесь расчет был прост: побудить казахов на борьбу с джунгарами и ослабить силы последних.

Цины стремились не допустить сближения русских и джунгар. Это было важнейшей их задачей на протяжении десятилетий. В начале XVIII в. началось обострение отношений между джунгарами и русскими властями за обладание сибирскими и центральноазиатскими территориями, что было на руку Китаю.

Работа Ж. К. Касымбаева "Государственные деятели казахских ханств" проливает свет на сложные переплетения политики правителей этих четырех народов в начале XVII в.: "Однако активизировавшееся при Петре I продвижение русских военно-колонизационных отрядов в районе северо-восточного Казахстана натолкнулось на противодействие ойратов, кое-где в приграничной полосе начались столкновения, участились взаимные претензии и обиды". Особо острый характер русско-ойратские отношения приняли в связи с планами первого сибирского губернатора Н. П. Гагарина, приложившего энергичные усилия к овладению г. Яркендом... Обращаясь к царю со своим "проектом", князь явно недооценивал сложность международных отношений в регионе, особенно обострившихся в эти годы вследствие завоевательных планов соседней Джунгарии, вызвавших изменения в политической обстановке в ущерб казахским ханст-

вам; к тому же район, предназначенный для строительства военно-опорных баз, временно в силу военного преимущества контролировался ойратскими силами, вовсе не собиравшимися уступать своего влияния" [98, с. 14], – так анализирует эту проблему на основе источников казахский историк. После того, как эти планы были предложены М. П. Гагариным, Петр I подписал указ "о снаряжении экспедиции под начальством подполковника И. Д. Бухгольца для завладения тех мест, где имелось песочное золото" [98, с. 154]. Как известно, эта экспедиция оказалась неудачной из-за противодействия джунгар. Отметив неудачи, постигшие экспедицию, Ж. К. Касымбаев приходит к такому выводу: "...усилия Бухгольца не удались ввиду отсутствия у начальника экспедиции желания установить прямые контакты с видными казахскими батырами, постоянно действовавшими против иноземных захватчиков, местными отрядами, враждебно настроенными против всяких проявлений ойратских военных демонстраций, особенно в районе Иртыша, богатые пастбища которого издавна с особой заботой оберегались казахскими батырами" [98, с. 10, 11].

О последующей реакции казахской стороны на эти события речь идет в книге Ж. Тилепова "Елім деп еңіреген ерлер жыры" ("Песня героев, защищающих родину"): "Қазақ билеушілері бұл шиеленісті де, сол тұстағы жоңғар хандығының әуелеттілігінде аңғармай қалған жоқ. Шамасы келсе осы шиеленісті өз пайдаларына шешуге тырысты. 1716 жылдың 11 сентябрінде бүкіл қазақ жұртының атынан М. Гагаринге (сібір губернаторы) келген екі қазақ елшісі, 1715 жылдың қысының аяғында Цэван-Рабданға жіберілген И. Бухгальцтің елшісі Трубниковты жоңғарлардан айырып алғандығын айта келіп, қазақ ордасының 20–30 мың қолмен жоңғарларға қарсы келетіндігін мәлімдейді" [99, 61-б.].

✧

Казахские владетели были прекрасно осведомлены о могуществе Джунгарского ханства. Поэтому борьбу с ним они старались решить в свою пользу. 11 сентября 1716 года от имени казахского народа М. Гагарину (сибирский губернатор) пришли два посла с сообщением, что освободили посла И. Бухгольца-Трубникова, посланного Цеван-Рабтану и что казахское войско в количестве 20–30 тыс. воинов готово к выступлению. Однако переговоры не дали результатов.

Из этого следует, что казахи вынашивали идею совместной борьбы против джунгар, которая, однако, не была поддержана русской стороной. Причина заключалась в том, что Россия не желала усиления казахов и чрезмерного ослабления Джунгарии, так как в этом случае ее границы стали бы слишком близко подходить к Цинам.

1723 год ("Ақтабан шұбырынды") был описан в каждом труде, так или иначе касающемся взаимоотношений казахов и джунгар – от Левшина до современных последних исследований. Данная проблема почти полностью раскрыта и проанализирована, мы остановимся лишь на одном эпизоде. Речь идет о начале борьбы казахов против джунгар в 1723 году. Данный факт впервые был затронут в монографии В. А. Моисеева, который, в свою очередь, опирался на показания Ф. Беневени, российского посланника [79, с. 47]. Мы согласны с профессором Б. Ирмухановым, который в своей статье "Казахстан: размышления об отечественной истории" отмечал: "В исторической литературе не было практически никаких сведений об организованном сопротивлении казахов на начальной стадии похода джунгар. Как видим, казахи не стали жертвами своей беспечности или невоинственности. Они выставили громадное для того времени войско и стойко сражались, пока не были побеждены врагами". Б. Ирмуханов приводит при этом сведения, содержащиеся в книге Ходжамукули-бека Балхи "Тарих-и Кипчак хани" [100].

В ходе столкновения с российскими войсками джунгары извлекли для себя немало выгоды, в то время как противникам пришлось отступить со значительными потерями: "Осы шайқастарда орыс арасындағы көптеген швед тұтқындары түсті, олардың ішінде Г. Ренат сияқты қолынан өнері тамған мамандар да көп болатын. Осылайша Жоңғар жерінде шағын зауыттар салынып, онда қаружарақ жасала бастайды. 1740-шы ж. ж. деректерге қарағанда, қалмақ ұрғасында (орда) түйеге қомдалған 20 зеңбірек, мыстан жасалған, жерге қондырылған алты пұттық үлкен бір зеңбірек" болды", – свидетельствует Ж. О. Артыкбаев [101, 356-б.].

✧

В этих сражениях в руки джунгар попало немало шведских пленных, среди которых были такие мастера, как Г. Ренат. Так, на землях Джунгарии стали строиться заводы, где производилось оружие. Источники 1740 года свидетельствуют, что у калмыков

было 20 пушек, навьюченных на верблюдов, и одна большая шестипудовая пушка.

Что касается взаимоотношений Цинов с Россией, то здесь явно намечается тенденция к их сближению для совместной борьбы с джунгарами: "...императору, правившему под девизом Юнчжэн (1723–1735 гг.), приходилось по отношению к Российской империи делать исключение, из своей китаецентристской концепции внешней политики... (он) понимал, что реализация завоевательных планов в отношении Джунгарии и Восточного Туркестана в значительной мере будет зависеть от того, какую позицию займет Россия... Юнчжэн в 1730 г. отправляет в Россию посольство во главе с Асхани Амба Таши... Послы Цинов уведомили правительство России о том, что присоединение Джунгарии к Китаю будет производиться с ведома России, и недвусмысленно предложили разделить территорию Джунгарии...", – говорится в монографии историка И. А. Алдабек "Россия и Китай: торгово-экономические связи в Центрально-Азиатском регионе XVII–XIX вв." [102, с. 28, 29]. Иначе говоря, взаимосвязи двух империй уже начали перерастать рамки обычных контактов. Теперь их главными целями были присоединение джунгар и казахов к своей империи и уничтожение их независимости. И если Цины шли к этой цели с давних времен, то Российское государство стало задумываться об этом с начала XVIII века.

В конце 90-х годов вышла в свет диссертация К. Мамырова "Қазақ халқының жоңғарларға қарсы азаттық күресі және оның саяси астарлары", где на большом фактическом материале были разработаны многие ключевые моменты данной проблемы. Достижением этой работы было широкое использование творчества казахских акынов и жырау. Однако изучение самой историографии, которая была представлена во введении, проведено на недостаточно глубоком уровне. Большим недостатком явилось повторение известных высказываний В. А. Моисеева. Это в особенности касается его критики некоторых мыслей Н. Г. Аполловой о существовании рабовладельческого института в джунгарском обществе. Но несмотря на отдельные недостатки, эта работа внесла свой вклад в развитие казахстанской джунгаристики [103].

Большой интерес представляет статья В. И. Волобуева "Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената". В ней автор, тщательно проанализировав время появления карты и подробно изучив ее, приходит к выводу, что она является важней-

шим историческим документом и играет значительную роль в исследовании истории Джунгарии [104]. Взаимоотношения казахов и джунгар в 30–40-х гг. XVIII в. продолжали оставаться напряженными, войны и столкновения не прекращались. Ход этих событий можно проследить в монографии А. К. Кушкумбаева "Военное дело казахов в XVII–XVIII вв.": "Ойраты постоянно держали на своих границах сильные охранные отряды и караулы, опасаясь нападения казахов. Первая половина 30-х годов XVIII века прошла во взаимных мелких сражениях. Казахские отряды периодически совершали набеги и грабили находившиеся поблизости ойратские кочевья" [105, с. 133].

Одной из главных причин столкновений между казахами и джунгарами считается религиозный фактор, так как во все времена религия играла важную роль в мировоззрении народов. В XVII–XVIII вв. религия явилась одним из многих разъединяющих факторов в джунгаро-казахских взаимодействиях. В прошлом значение религиозного фактора в этой борьбе изучалось недостаточно. Между тем казахи в культурно-цивилизационном отношении в тот период идентифицировали себя с исламом, с исламской цивилизацией, тогда как джунгары прочно связали себя с буддийским миром. Мысль о том, что религия стала причиной разногласий и ожесточенных битв между двумя кочевыми народами, поддерживается многими казахскими учеными.

В частности, в книге А. Ж. Жаксылыкова "Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Типология, эстетика, генезис" высказывается мнение: "...в произведениях Шалкииза, Бухар-жырау оформлялись идеи защиты ислама как народной менталитетной религии, что было обусловлено вековой борьбой с джунгарским нашествием". И далее: "...родственные алтайские тюрки воевали против казахов на стороне джунгар, разве здесь религиозный фактор (ламаизм) не сыграл свою роль?" – спрашивает автор [106, с. 414, 415].

О том, какой идее были посвящены войны казахских ханов с джунгарами, пишет Н. Нуртазина в монографии "Ислам": "Тауекел-хан, как и все казахские ханы XVII–XVIII вв., вел борьбу с калмыками (ойратами, джунгарами) под лозунгом джихада... На поприще газавата с калмыцкими ойратами прославился казахский хан Есим" [107, с. 211–220].

В монографии У. Э. Эрдниева "Историческая судьба ойратов" вызывает интерес следующая мысль автора: "...некоторые казахстанские историки не понимают до сих пор, что ойраты

защищали от китайско-маньчжурских агрессоров не только себя, но и народы Казахстана и Средней Азии. Главная опасность для народов Казахстана и Средней Азии исходила от китайских феодалов, а не со стороны джунгаров" [108, с. 95]. В корне не соглашаясь с этим, мы можем сказать, что джунгары в своей внешней политике придерживались захватнических намерений в отношении Казахстана и Средней Азии, которые вели справедливую войну для защиты своих территорий. Опасность для народов Казахстана и Средней Азии представлял не только Китай, но и сама Джунгария.

Продолжая эту тему, исследователь У. Х. Шалекенов в монографии "Казахи низовьев Амударьи", изданной в Ташкенте в 1966 г., отмечал: "Казахи и каракалпаки совместно боролись с иноземными захватчиками. Так, например, в 1710 г. народное ополчение отбило нападение джунгар и отбросило их на восток. Русский посол у джунгарского царя Цеван-Рабтана капитан Унковский записал в своем дневнике: "С начала своего владения он, контайша, непрестанную войну имеет с Казачьей Ордою, которые с каракалпаками заедино воюют" [109, с. 32, 33].

М. Б. Джамгерчинов в статье "Русские источники о некоторых проблемах истории Киргизстана второй четверти XVIII в." приводит свидетельства объединения казахов и кыргызов и их борьбы против джунгар. Другой кыргызский исследователь Д. Сапаралиев пишет: "Экспансия джунгар побудила среднеазиатские народы к объединению, что проявилось в начале 40-х гг. XVIII в.". Здесь же он сообщает, что против джунгар воевали узбеки, кыргызы, казахи, каракалпаки и другие [110, с. 39]. В учебниках по истории Киргизской ССР, Узбекской ССР, Каракалпакской АССР приводятся многочисленные сведения о совместной борьбе этих народов против ойратов в XVII–XVIII в. [111].

В своей диссертации А. Мадуанов, соглашаясь с вышесказанными выводами, отмечает: "Главными организаторами совместной борьбы были правители городов Ташкента и Коканда Толе би и Абд-аль-Керим бий. Организацию совместного отпора захватчикам в Фергане в середине XVIII в. можно расценивать как крупный политический успех, приведший к сохранению независимости этого региона". Далее он пишет: "Героический эпос "Алпамыс" вошел одинаково в сознание казахского, каракалпакского и узбекского народов, а также других народов Центральной Азии как идеальный образ защитника родной земли, как память о героической борьбе с джунгарскими завоевателями" [112, с. 3; 38].

Последующая история казахско-джунгарских взаимосвязей характеризуется постепенным улучшением. Дело в том, что Джунгарское ханство медленно приближалось к своему распаду. После смерти контайши Галдан-Церена в стране наступает хаос. Джунгарские ханы, потерявшие реальную власть над своим государством, ввергли страну в пучину междоусобиц и вражды. Джунгарские владетели, пытаясь вырвать у своих соперников права на ханство, обращались за помощью к казахским правителям, в частности, к султану Аблаю. В 40-х годах, во время войны с джунгарами, Абылай попал к ним в плен, где подружился с джунгарским нойоном Амурсаной. Об этом и вспомнил нойон, спасаясь от преследования Лама-Доржи, очередного джунгарского хана.

"Амурсана, Даваци, Банчжур и небольшая группа сопровождавших их воинов нашли политическое убежище во владениях султана Среднего жуза Аблая, у старшины Компа. Местное население отнеслось к ним весьма радушно, помогало им... продовольствием и одеждой", – пишет В. А. Моисеев в монографии "Джунгарское ханство и казахи" и продолжает: "Однако главным было стремление наиболее дальновидной части казахских владетелей попытаться возвести на ойратский престол своего ставленника" [79, с. 211; 215].

Поддержка казахами Даваци и Амурсаны, их нежелание выдавать нойонов привели к войне с Лама-Доржи. В начале войны казахам пришлось туго, но в ходе событий они все-таки сумели изменить события в свою пользу. О поддержке Аблаем Амурсаны свидетельствует и статья Ш. Валиханова "Айбынды Абылай": "Қаншама қорқытсын, үркітсін, Абылай Әмірсананы ұстап бермейді, кейбір тұста екеуі бірдей қимылдайды. Қытайлар Абылай мен Әмірсана ант байласқан дейді" [113].

✧

Как бы ни запугивали Абылая, он не выдал Амурсану, иногда они действовали вместе. Китайцы говорили, что Абылай и Амурсана связаны клятвой.

Такой же точки зрения придерживаются М. Муканов в книге "Этическая территория казахов XVIII – начала XX в.", К. Абуов в исторических очерках "Кокшетау" и К. Салгараулы в книге "Таным тармақтары" [114].

Таким образом, влияние казахов в Джунгарии довольно быстро усиливается: "Совершались ли набеги казахских феодалов

по их собственной инициативе, и ойраты служили им проводниками, либо ойраты использовали казахов в качестве наемников – сказать трудно. Цинские же источники сообщают, что набеги совершались по подстрекательству Амурсаны, хотя и приводят факты о том, что в 50-х гг. казахи были главными соперниками цинского Китая в Джунгарии. Как известно, цинскому двору не удалось подорвать союз Амурсаны с феодалами Старшего и Среднего жузов, особенно с султаном Абылаем. Возможно, поэтому они уже в 1755 г. объявили казахам о своих претензиях на все джунгарские земли. Казахские же феодалы добились к этому времени возвращения Семиречья и играли не последнюю роль в джунгарских делах. Решающие бои казахских отрядов, боровшихся на стороне Амурсаны против маньчжуро-китайских полчищ в 1755–1758 гг., происходили в Или, Тарбагатае и Хоргосе" [115, с. 89–90].

В начале весны 1755 г. отряды маньчжур вторглись в пределы ойратского ханства и, не встречая сопротивления, беспрепятственно двигались по указанным им маршрутам. "13 июня штаб генерала Баньди получил от Амурсаны донесение о поимке Даваци, который вскоре под усиленным конвоем был отправлен в Пекин. Оккупировав территорию ханства и захватив Даваци, маньчжурская армия выполнила задачу, поставленную перед ней императором. Но не успели в Пекине отпраздновать победу, как обстановка коренным образом изменилась. В сентябре 1755 г. Амурсана отказался от китайского подданства и в сопровождении 500 человек вернулся в Джунгарию. Маньчжурские власти начали формирование новой, еще более многочисленной армии для вторичного похода в Джунгарию, на этот раз против Амурсаны" [31, с. 303].

Ряд материалов свидетельствует, что в конце 1755 – начале 1756 г. Амурсана, последний джунгарский хан, зимние месяцы использовал для мобилизации сил и попыток привлечь на свою сторону ойратских нойонов и некоторых феодальных владетелей Казахстана. Перспектива укрепления казахско-джунгарского союза особенно сильно беспокоила цинов, которые стремились ни в коем случае не допустить каких-либо совместных действий Амурсаны и правителей казахских ханств.

В грамоте, пожалованной султану Абылаю императором Китая Цяньлунем, говорилось: "Ныне положение Амурсаны безысходное, покинув свой народ, умчался далеко. Непременно должен проникнуть на ваши казахские территории. Нет [у тебя] ни-

какого резона размещать разбойника. Если ты оставишь его у себя, то это принесет тебе вред, а не пользу твоему владению. Если скроете бунтовщика, непременно возникнут конфликты" [115, с. 45].

На эти события обращают внимание историки К. Аманжолов и К. Рахметов: "...Маньчжур-Цин әулеті көрші қазақ елінің күшейіп кетуінен қауіптеніп, қалайда Жоңғар мемлекетін жоюды, осы арқылы өз күштерін көрсетіп қалуды көздейді. Осы мақсатпен Әмірсананы қолдап отырған Абылайға қарсы Орта жүз жеріне қытайлар басып кіреді. Абылай біріккен қазақ-ойрат жасақтарын басқарып, Цин империясына қарсы шығып, Әмір сананың азаттық күресін қолдады" [116, 191-б.].

✧

Маньчжуро-Цинская династия, опасаясь усиления казахов, старалась посредством уничтожения Джунгарии показать свою силу. С этой целью против Абылая, поддерживающего Амурсану, на земли Среднего жуза начинается вторжение китайцев. Возглавляя объединенное казахско-джунгарское войско, Абылай выступает против Цинской империи и оказывает Амурсане помощь в его борьбе за независимость.

Большую ценность в изучении взаимодействия этих кочевых народов представляет собой монография калмыцкого историка А. Г. Митирова. Подробно изученные им многие документы проливают свет на различные стороны связи казахов и джунгар: "Хун ли (цинский император) для поимки и наказания Амурсаны послал еще большую по численности армию, которая буквально наводнила Джунгарию. Они подвергли поголовному уничтожению все население ханства. Об этом много и подробно писали многие исследователи и очевидцы. Некоторая часть населения бежала к казахам и в сибирские города, они просили принять их в российское подданство и проводить в Калмыцкое ханство к их родственникам. Сам Амурсана бежал к казахам. Цинские войска разбили казахов и потребовали выдачи изменника. Зимой 1756 года Амурсана появился в Джунгарии, надеясь собрать войско и поднять восстание. Действия повстанцев имели эпизодические успехи, но цинские войска методично их уничтожали уже поголовно. Амурсана, бежав к казахам, посылал в Петербург посла, просил российского подданства. Пока согласовали эти вопросы, он жил в Тобольске, где умер от оспы 21 сентября 1757 года" [93, с. 231].

Что касается судьбы уцелевших от расправы ойратов, то в монографии исследователя А. Ходжаева их положение раскрыто таким образом: "...Цинская империя проводила по отношению к горстке оставшихся в живых ойратов политику дробления и разобщения, в результате которой ойраты оказались разбитыми на 12 групп, расселенных по различным районам Центральной Азии и собственно Китая... Некогда прочный межплеменной союз ойратского народа был до предела ослаблен усилиями цинских завоевателей" [117, с. 238].

Необычной постановкой подхода к изучению комплексных вопросов в XVII–XVIII вв. отмечается работа калмыцкого исследователя А. Н. Басхаева. В книге "Монголы, ойраты, калмыки" он уделил большое внимание причине казахско-джунгарского противостояния: "В основе ойрато-казахского антагонизма лежало стремление обеих сторон расширить площади своих кочевий за счет соседа, захватить скот и пленных. Следует отметить вместе с тем, что территориальные споры, играя важную роль в ойрато-казахских отношениях, не были единственной причиной войн между ними. Немаловажную роль играли борьба за контроль над торговыми путями и за торгово-ремесленные центры на Сырдарье, а также стремление ойратов пробиться к среднеазиатским рынкам для сбыта своих товаров. Немалое значение имело также стремление феодальных группировок каждой стороны установить свою власть над соседом, поживиться богатством противника и т. д. Все эти противоречия выливались в войны, вооруженные столкновения, стычки и набеги, продолжавшиеся на протяжении почти трех веков (с середины XV до середины XVIII в.), приносившие огромные разрушения, и которые являлись, в конечном счете, страшным несчастьем для широких масс населения обеих сторон" [118, с. 90].

Однако казахские владетели понимали, что лучше поддерживать джунгар в их борьбе с маньчжурами и иметь на своей границе потерявшую могущество Джунгарию, не представлявшую опасность для них. Это было лучше, чем могущественная Цинская империя, которая представляла большую угрозу для всей Средней Азии. Но ничто уже не могло помочь джунгарам, даже помощь казахских войск. Огромная цинская армия совершила несколько походов на территорию Джунгарии и, сокрушив всякое сопротивление ойратов, уничтожила их государство, причем цинские войска с исключительной жестокостью расправились с населением Джунгарского ханства, тем самым "раз и навсегда"

решив джунгарский вопрос. Китайский историк середины XIX в. Вэй Юань писал: "В Джунгарии насчитывалось несколько сот тысяч семей, четыре десятых умерли тогда от оспы, две десятых бежали в Казахстан и в Россию, три десятых было уничтожено великой армией" [36, с. 52].

В Джунгарии насчитывалось не менее 600 тыс. человек, после завоевания осталось только 30–40 тысяч. В книге А. Чернышева "Государственное и общественное развитие ойратов" содержится весьма интересный вывод: "Цины учинили жестокую расправу над ойратами не потому, что они их считали варварами. Нет, ведь не вырезали же они сибо, солонов, дауров и другие племена, а также многочисленные, но разрозненные племена халхасских монголов. Маньчжуры уничтожили именно ойратов, поскольку боялись, что, не сделав этого, они сохранят в их лице потенциального соперника, уже имевшего опыт создания суверенного государства и поддерживавшего длительные связи с Россией. Поэтому маньчжуры предпочли уничтожить почти всех ойратов, а их земли оставить под контролем своих войск" [119, с. 77].

Уничтожение Джунгарского государства по времени совпало с активизацией российско-казахских отношений и, в конечном счете, вхождением казахских земель Среднего и Младшего жузов в состав России. Но даже утратив независимость, казахский народ, благодаря своей борьбе с внешними силами, сохранился как нация. Он сберег свой язык, свою культуру, обычаи и традиции, свою историю и главное – свою землю. Джунгарское ханство, несмотря на всю свою мощь и силу, все грандиозные амбиции и планы своих ханов, не только утратило свою государственность, свои территории, но и исчезло с лица земли, прекратив свое существование.

В данный период взаимоотношения между казахами и джунгарами претерпевают различные по своему характеру изменения. Интересно, что в самом начале образования Джунгарского ханства и в конце его существования отношения с казахами отличались миром и взаимопониманием. Очевидно, что отношения между двумя кочевыми народами постепенно изменялись в лучшую сторону. Оба государства поняли, что вражда не принесла пользы, и сделали шаг к взаимному сотрудничеству против маньчжурской экспансии. Хотя эти действия и были предприняты слишком поздно, но здесь важен сам факт существования взаимопонимания между казахами и джунгарами.

Таким образом, анализ источников и литературы, посвященных взаимоотношениям казахов и джунгар, свидетельствует о серьезном интересе исследователей к данной проблеме. В то же время исследование и анализ теоретико-методологической основы проблемы, степени изученности рассматриваемых вопросов в исторической науке в дореволюционный и современный периоды позволили сделать следующие выводы: историография проблемы взаимодействий Казахского и Джунгарского ханств является одним из важнейших направлений в отечественной науке, потому что данный регион является местом активного межэтнического взаимодействия не только кочевых, но и оседлых народов. Изучение взаимодействий казахов и джунгар существенно расширяет методологическую базу историографических исследований. Вместе с тем это содействует формированию понимания исторических закономерностей в процессе научного познания.

Историографический анализ показал, что проблема взаимоотношений казахов и джунгар не стала предметом специального монографического исследования, чему способствовали некоторые объективные и субъективные факторы. Во-первых, как в дореволюционное время, так и в советский период история кочевых народов рассматривалась вне их связи с соседними народами. Данная ситуация изменилась лишь с 80-х гг. XX века. Но даже тогда не было серьезных исследований, изучающих сопоставление, сравнение и общие черты казахов и джунгар. Во-вторых, в достаточной степени еще не были исследованы их мирные и дружественные связи. До сих пор еще много нерешенных проблем, нет обобщающего серьезного монографического исследования, которое позволило бы представить историю как единый процесс.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КАЗАХОВ И ДЖУНГАР

Историографический анализ вопроса об идентичности правовых основ казахов и калмыков в уложениях "Жеті жарғы"и "Их Цааз"

Сопоставление записей "Жеті жарғы" с текстом "Их Цааз" обнаруживает много общего между ними.

Т. И. Султанов

Продолжительность взаимных контактов, близость социальных условий общественной жизни казахов и джунгар отразились и на сходстве их права и законов. Тема общности корней правовых основ, несмотря на ее важность, ни в советской, ни в нынешней казахстанской историографии не была проанализирована. На наш взгляд, эта проблема осталась вне внимания историков из-за того, что она находилась на стыке двух наук – исторической и юридической.

Российские исследователи П. С. Паллас, Ф. И. Леонтович, К. Ф. Голстунский, Я. И. Гурлянд и другие обратили внимание на сходство законов народов, которые расселились вдоль южных границ России. Ученых интересовали происхождение этого сходства, взаимовлияние обычаев, проявление инструментов общественного регулирования жизни казахов, калмыков, монголов, тунгусов и т. д. Впоследствии все эти исследователи вышли на законы Чингиз-хана – "Великую ясу". Монгольское господство, начавшееся еще в начале XII в. под руководством Чингиз-хана, распространяло свое влияние вплоть до Восточной Европы, Чехии и Болгарии. На завоеванных землях монголы утвердили свои обычаи и традиции, законы и права.

Крупный знаток монголо-татарских законов К. Ф. Голстунский одним из первых обратил внимание на влияние монгольского права на право соседних народов: "В заключение скажем о влиянии монгольского права на право других племен и народов, бывших в более или менее продолжительной зависимости от монголов. Влияние их на быт и право таких народов должно тем сильнее сказываться, чем продолжительнее было политическое их господство над ними. Сюда относятся в особенности инородческие племена, тунгусы и киргисцы – это исстари монгольские данники. Существование у тунгусов таких же племенных уставов, как и у соседних монгольских племен, объясняется их политической зависимостью от последних, от которых первые, как подневольные данники, усвоили их племенные обычаи и уставы. Тождественность правового быта всех почти инородцев восточной Сибири и в особенности тунгусов и бурят вполне подтверждаются наблюдениями Палласа, Георги и других путешественников прошлого и текущего столетия... Они имели один и тот же общий источник – племенное право монголов. Следы монгольских влияний видны также в древнерусском праве (со времен монгольского ига)". Автор утверждает, что "...русские памятники монгольской и московской эпохи, раскрывая следы многих институтов монгольского права, занесенных в старый русский быт, служат таким же важным пособием при изучении монгольского права, как и памятники последнего – при изучении древнего русского права" [120, с. 246]. Не осталось без внимания К. Ф. Голстунского влияние монгольского права на казахское, и его позиция сводится к такому выводу: "...нет сомнения в том, что в эпоху монгольского данничества у киргизов действовали древние монгольские уставы: в особенности, к ним могли привиться порядки, развитые "Великой ясой" Чингиза. Эти самые порядки, вошедшие в привычку народа, могли затем удержаться и позже, в эпоху самостоятельных киргизских ханств, когда появляются у киргизов свои племенные законы" [120, с. 20].

Утверждение К. Ф. Голстунского подтверждается точкой зрения другого выдающегося русского юриста – историка Я. И. Гурлянда, содержащейся в его книге "Степные законодательства с древних времен по XVII столетие": "Киргизы с XIII в. были данниками империи Чингисхана, продолжали быть в подчинении империи его потомков и затем, войдя в состав Кипчакской Золотой Орды, платили ее ханам дань до ее падения. Несомненно, что обычаи и законы завоевателей должны были господство-

вать и у киргизов, и поэтому Чингисова "Великая яса" была важнейшим законодательным уложением киргизов того времени. Киргизские законы очень похожи на древние монгольские уставы до XVI в., так как в это время только началась независимость киргизских орд" [121, с. 108].

Осенью 1640 г. в Тарбагатае состоялся съезд ханов, тайшей и князей – нойонов Джунгарии, Западной Монголии, Халхи, Кукунора и Поволжья. На этом съезде был утвержден свод законов – "Степное уложение – Их Цааз". Цель этих законов – объединить монгольских ханов перед угрозой внешней китайской экспансии. Иакинф Бичурин особо отмечал, что "Их Цааз" – это "...зеркало, на поверхности коего со всей ясностью изображаются права, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения у монгольского народа" [18, с. 281].

Свое внимание этому событию уделил и И. Я. Златкин, который указывает: "...не будет преувеличением сказать, что эти законы представляют собой первоклассный источник, облегчающий понимание как внутренней жизни монгольского общества, так и его внешнеполитического положения. В их основе лежали три цели: урегулировать внутренние взаимоотношения феодалов и исключить возможность междоусобной борьбы; обеспечить объединение сил и взаимную помощь в борьбе против возможностей внешней опасности; укрепить феодальные порядки и власть ханов и князей над остальным населением. Батур-хунтайджи – глава Джунгарского ханства – играл главную роль в попытке преодолеть разобщенность и раздробленность страны, объединить ее силы для отпора внешним врагам... Мирное и объединительное направление деятельности Джунгарского съезда в основе своей совпадало с характером внешней и внутренней политики Батур-хунтайджи, искавшего надежные пути для укрепления феодальных порядков в Монголии и обеспечения ее политической самостоятельности" [31, с. 113].

Выводы И. Я. Златкина нашли свое подтверждение в очерке У. Эрдниева "Историческая судьба ойратов": "Идея объединения монголов в условиях усилившейся внешней опасности со все большей настойчивостью пробивала себе дорогу. Результатом огромной организаторской, политико-просветительской деятельности ойратских руководителей явился созыв всемонгольского съезда владетельных князей, состоявшийся в начале сентября 1640 г. в урочище Уланн-ур – у Тарбагатайских гор, для консолидации всех монгольских князей. На него съехались представители всех

монгольских и ойратских земель за исключением княжеств Внутренней и Восточной Монголии, находившихся над властью маньчжурских завоевателей, а также крупные религиозные деятели того времени. Участники съезда торжественно поклялись: "Не будем вводить розни в среду монголов, не будем обращаться с людьми одной с нами крови так, как с рабами, не будем делать зла друг другу" [108, с. 62].

Регулирующую роль законов в социальном устройстве кочевников отмечал исследователь Г. Е. Марков: "Важнейшим источником, описывающим общественные отношения у восточных и западных монголов, являются законы 1640 г., принятые, как отмечалось, сеймом князей, имевших полную возможность отразить в них свои социальные интересы. И законы отражают их, но одновременно рисуют и своеобразие положения господствующего слоя и его взаимоотношений с народом. Одной из важнейших задач, стоявших перед сеймом князей и нашедших отражение в принятом законодательстве, была стабилизация политического положения, прекращение усобиц и некоторая координация действий. Прямо этому посвящались статьи закона, воспрещавшие взаимные нападения, грабежи, угон скота и т. п." [62, с. 97].

Данное уложение действовало в Джунгарии до разгрома этого ханства цинами в 1756–1758 годах. В Калмыкии "Их Цааз" действовал до 1741–1753 гг., а затем в сокращенном и несколько измененном виде составная часть последующих узаконений применялась вплоть до XX в., причем здесь они получили официальное признание русских властей. Полный текст "Их Цааз" по свидетельству Дондук-Даши был утрачен во время борьбы за ханский престол, разгоревшийся после смерти Аюке хана, и до сих пор не найден [122, с. 141].

Объединение и укрепление Джунгарского ханства создавало угрозу для казахов, для их кочевий. Джунгары, на границах которых активно действовала Цинская империя, готовая поглотить все ханство, в свою очередь подвигались все дальше на юг и запад. Здесь и столкнулись с ними казахи, стремившиеся сохранить свою независимость. Войны с джунгарами были неизбежными, и для этого нужно было укрепить Казахское ханство как внутренне, так и внешне. Создание новых законов, введение жесткого порядка в лучшую сторону изменило бы общественный строй ханства и намного усилило бы его. Необходимость нового закона была продиктована требованиями того времени. Как известно,

Тауке становится ханом в тяжелый период для своей страны. Борьба на два фронта с Джунгарией и Аштарханидами за кочевья и города была очень трудной. К концу XVII в. казахи теряют свои земли в районе Семиречья, которые, в свою очередь, вызвали распри среди самих казахов. Здесь новый свод законов явился гарантом обеспечения стабильности и безопасности в казахском обществе. В 1680 г. хан Тауке выступил инициатором создания нового законодательного уложения "Жеті жарғы". Об этом событии довольно подробно сообщают русские источники: "...в XVII в. хан Тауке (Тявка) собрал на урочище Культобе (в Сырдарьинской области) семь биев во главе с известным бием Туле Алибековым и составил уложение", – говорится у Гродекова [123, с. 24].

По утверждению казахских историков, "Жеті жарғы" – это правовой памятник, в котором отразилось веяние того времени, он полностью соответствует укладу общественной и политической жизни казахов той эпохи. Казахский исследователь С. Узбекулы в книге "Хан Тауке и правовой памятник "Жеті жарғы" пишет: "Каждый пункт "Жеті жарғы" появился как отражение казахской практической общественной жизни, для защиты нации, для упорядочения общественных отношений в кочевой жизни и возник в результате столкновений идей, тщательно проверенных биями" [124, с. 29–30].

Казахские историки исследовали также феномен совпадения по времени создания джунгарами и казахами своих очередных законодательных прав. Интересные идеи содержатся в книге видного историка Т. Султанова "Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.", где он отмечает: "Можно утверждать, что создание "Жеті жарғы" имело место в 80-х годах XVII в. и явилось ответным действием Тауке хана и его окружения на законодательную инициативу ойратского Галдана-хунтайджи" [125, с. 67–76].

О результатах законодательной реформы хана Тауке пишет историк Н. Усерулы: "Осы заңдарға сүйенген қазақ билері қоғам ішіндегі дау-жанжалдарды шешіп отырды. Соның нәтижесінде ел іші тыныштalып, жұрт бейбіт өмір сүрді; адамдарға береке кірді. Хандық билік әжептәуір нығайды. Сыртқы дүшпандармен тең құқықта сөйлесуге мұрша берді. Тәуке хан сұлтандар үстемдігінің әлсіреп бара жатқанын дер кезінде көре біліп, билер мен батырларға сүйенді. Әсіресе билер ролін күшейтті. Билер сот қызметінен бастап, ру басшысына дейінгі, қажет болса елшілік қызметті де атқарды" [126, 11-б.].

Казахские бии, опираясь на эти законы, решали многие тяжбы. В итоге народ стал жить спокойно, люди пришли к согласию. Ханская власть упрочилась. С внешними врагами стали вести переговоры на равных. Хан Тауке, вовремя заметив ослабление власти султанов, стал опираться на биев и батыров. Особенно усилил роль биев. Бии же, начиная с судебной деятельности, стали исполнять обязанности главы рода и иногда – обязанности послов.

Взгляды казахстанской исследовательницы А. Оразбаевой отражают выводы вышеназванного историка, к тому же в своей монографии она уделяет особое внимание времени выхода в свет сводов законов "Жеті жарғы" и главной роли биев в казахском обществе [127].

Исследователи "Жеті жарғы" также обратили серьезное внимание на историю древних казахских прав, служивших основой для нового уложения. Так, К. Ф. Голстунский сообщает: "Основываясь на Записках киргизского старшины (Яппаского рода) Кубека Шукуралиева (1804 г.), Спасский утверждает, что еще в древние времена существовали у киргизов законы, которые во второй половине XVII века хан Тявка утвердил в значении общеплеменных киргизских законов" [120, с. 244].

Нельзя, конечно, утверждать, что древнее казахское право целиком зависело от ясы Чингиз-хана. И до нашествия монголов у древних казахских племен было свое право, и оно не могло полностью исчезнуть под напором законодательства Чингиз-хана. Заслуживает внимания позиция правоведа С. Л. Фукса, который для своего исследования использовал преимущественно материалы XVIII – начала XIX в., так как материалы XV–XVII вв., освещающие интересующую нас проблему, чрезвычайно скудны: "Резко выраженный консервативный характер Казахского государства и права в ряде случаев дает возможность проследить возникновение и развитие самой государственно-правовой формы как таковой" [128, с. 19]. Казахский ученый, юрист и историк С. Зиманов отмечает такой факт: "Казахское право, основными источниками которого были обычно нормативная система, культурная традиция Великой степи, проявляло... удивительную стойкость в условиях... засилия чужестранных государств" [129, с. 25]. Однако сомневаться в том, что яса Чингиз-хана все-таки имела значительное влияние, не приходится. Такие уложения казахского права, как "барымта" и "кровная месть", имеют своей основой "Великую ясу".

На наличие более древних законов и у джунгар впоследствии обратил внимание исследователь И. Я. Златкин: "Исследуя историю создания "Их Цааз", нужно отметить, что это древнее калмыцкое постановление вобрало в себя ранее утвердившиеся в народе обычаи, которые приобрели силу закона" [31, с. 93].

Т. Султанов – единственный ученый, изучивший сходство казахского и джунгарского законов: "Сопоставление записей "Жеті Жарғы" с текстом "Их Цааз" обнаруживает много общего между ними" [125, с. 77]. И действительно, при изучении казахских и джунгарских правовых уложений можно найти немало схожих правил. Например, отношение к знати у обоих народов было одинаковым. За их оскорбление взимался почти одинаковый штраф. Например, в "Жеті жарғы": "Кто Хожу или Султана обидит словами, или замахнется, но не ударит, тот платит штраф 9-ть разных скотин, а ежели ударит, то 26 скотин и верблюда, или отсечь палец". В "Их Цааз" об этом говорится: "Кто оскорбит главного князя, того разорить, кто оскорбит чиновных князей, с того взять 1 девяток, кто ударит, с того взять 5 девятков. Кто оскорбит малых князей, с того взять 5 скотин, если ударившись сильно побьет, взять 3 девятка, за малые побои взять 2 девятка" [130, с. 39].

Также идентичны законы у казахов и джунгар в отношении к убийству человека: "Первое место в нем (законодательстве казахов "Жеті жарғы") занимает закон возмездия: за кровь мстить кровью, за увечье – таким же увечьем... по сим постановлениям родственники убитого имеют право лишать жизни убийцу... Впрочем, наказания могут быть смягчаемые, по приговорам судей или согласию истцов... Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т. е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000 баранов", – говорится в книге А. И. Левшина "Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей" [11, с. 202]. В "Их Цааз": "Ежели кто человека убьет и за то с одного взять великой штраф, то есть тысячу овец" [131, с. 18].

Почти одинаково в обоих "Уложениях" отношение к поджигателю: "Кто сделает поджиг умышленно, и в том изобличен будет, тот за все должен заплатить, и ежели в пожаре сгорит человек, то взыскивается кун, в противном случае, если не заплатит, то подвергнется смерти", – говорится в "Жеті жарғы". В джунгарском уложении: "Кто по злому умыслу пустит пожар, тот должен отдать коня увидевшему, а если во время пожара погибнет человек, то взыскивается штраф андзу (1000 баранов)" [132, с. 287; 120, с. 36].

Схожи правила наказания, например, за следующие преступления: "Изувечивший или отрубивший другому какой-нибудь орган, платит равным образом определенное количество скота. Большой палец стоит 100 баранов. Мизинец 20 и т. д.". В "Их Цааз": "За лишение большого и указательного пальцев взять два девятка и один пяток. За лишение среднего пальца взять девяток. За лишение безымянного пальца взять пяток. За лишение мизинца взять три головы скота" [11, с. 203; 131, с. 19].

Основные правовые нормы весьма одинаковы у обоих исследуемых законов. Например, виды наказания, представленные в этих законах, совершенно идентичны: смертная казнь, конфискация имущества, штраф скотом, боевыми доспехами, другим имуществом, композиция, т. е. замена смертной казни штрафом, возмещение убытка. Не отличается друг от друга процессуальное право, которое регулирует отношение, возникающее в ходе расследования преступления, разрешения гражданских дел. У джунгар существовал институт "элчи", обязанность которого – доставить ответчика, свидетеля, истца и т. д. в суд. Для проведения следствия и дознания применялось задержание на определенное время.

Для определения виновности у обоих народов применялась (наряду с другими методами) и дача клятв. Н. Усерулы свидетельствует: "Жеті Жарғыда ант беру туралы арнайы заң бар. Мұны ердің құны, жесір дауы, ұрлық, жер дауы секілді күрделі дауларда қолданған" [126, с. 50].

✧

В "Жеті жарғы" имеется специальный закон о клятве. Его применяли в таких сложных делах, как убийства, бракоразводы, кражи, территориальные споры и т. п.

П. Смирнов описал аналогичные клятвы у калмыков, а также раскрыл их содержание и значение как особого рода судебных разбирательств [23, с. 31].

В обоих законах содержится довольно большое число статей, регулирующих семейные отношения. Брачные и семейные отношения строго регламентировались. Брачный возраст для девушек у джунгар, как и у казахов, составлял 13 лет (*он үште отау иесі* – в тринадцать – хозяйка очага), у обоих народов существовал запрет на брак между родственниками: "Қазақ жеті атаға дейін қыз берісіп, қыз алыспаған" ("Казахи до седьмого колена не вступали в брак"). У обоих народов существовал институт калымства, который стро-

го соблюдался в зависимости от состояния родителей. Строго регламентировали также размеры приданого. Например, в 52-й статье "Их Цааз" установлено, что приданое невесты должно состоять из десяти одежд сшитых, двадцати отрезов несшитых, шубы, безрукавки, двух верблюдов и двух лошадей [131, с. 18].

Сватовству также придавалось юридическое значение. Например, Н. Усерулы пишет: "Ежелден бергі әдет-ғұрып заңы бойынша күйеу жағынан құдалар алдымен құдалыққа барып, "құйрық-бауыр жесіп", киіт киеді. "Құйрық-бауыр жесісудің" мәні ерекше. Екі жақтан дау-дамай бола қалғанда, кез келген би: "Құйрық-бауыр" жеппе едіңдер?" деп сұрайды. Желінген болса, құдалық заңды деп есептеліп, дауларын қарағаң. Ал желінбесе қаралмағаң" [126, 36-б.].

✧

По древним обычаям и традициям, при сватовстве обе стороны ели ритуальное блюдо, значение которого было очень велико. При возникновении спорных вопросов между сватами бии спрашивали: "Ели ли вы вместе ритуальное блюдо?". Положительный ответ подтверждал, что сватовство между ними состоялось со всеми вытекающими из данного юридического акта последствиями.

В этой связи весьма примечательно сообщение Я. Гурлянда: "Жених (калмык. – *С. Е.*) имеет право на имущество помолвленной с ним девушки в случае ее смерти, причем, согласно ст. 37, если не было пиршества, то только на половину" [121, с. 63]. У обоих народов свадьба – это не только празднество, но и юридический акт со свидетелями, с публичными дознаниями о согласии обеих сторон. Законы обоих народов строго охраняют нравственные, моральные устои семьи, защищают честь женщины от насилия [121, с. 52].

Современный историк А. Г. Митиров, ссылаясь на Ф. И. Леонтовича, сообщает об обычае калмыков отгонять скот у родственников. Пользование этим правом распространялось на всех племянников по материнской линии, независимо от их места проживания и времени. Им следовало предварительно прийти к своим дядьям, "с возможным по состоянию гостинцем и вежливым образом" просить о причитавшейся им доле скота. Если просьба не удовлетворялась, то племянник мог угнать скот [134, с. 85, 86]. Аналогичный обычай существовал до позднего времени и у казахов. Назывался он "жиенқұрық".

Сходство встречается и в основных юридических терминах. Например: казахское слово "жарғы" у калмыков произносится, как "зарго" и означает "суд", казахское – "жөн-жосын", у калмыков – "иосун" (право). Слово "төре", которое является корнем слов "төрелік", "төрелесу", на калмыцком языке означает "закон". У казахов и у калмыков имется слово "заң", только у калмыков оно означает "обычай".

В казахских и калмыцких законах единицей штрафа служит так называемая "девятка" (тоғыз. – *С. Е.*) Например, у джунгар за нарушение закона полагается штраф в размере "девятки с верблюдом". У казахов этот вид штрафа называется "түйе бастаған тоғыз".

Совершенно одинаково звучит военное право в законодательствах двух народов. "В дополнение к сим законам должны быть присоединены следующие достопамятные постановления хана Тявки: чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одном месте, в середине степи, для рассуждения о делах народных. Чтобы ни один киргиз не являлся на собрания народные иначе как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему место", – отмечает А. И. Левшин [11, с. 358].

В то же время статья 1-46 Уложения 1620 г. гласит: "...если нойон не приедет на съезд, взять с него панцирь, сто верблюдов, тысячу лошадей". А в статье V-I этого же уложения говорится: "...если кто опоздает на съезд больше, чем на трое суток, с того взять десять лошадей и одного верблюда. Если совсем не приедет, взять сто лошадей и десять верблюдов" [135, с. 99].

В обоих законах важное место отводится землепользованию. С. Узбекулы отмечает, что: "Прежде всего он (Тауке-хан. – *С. Е.*) решил покончить с междоусобной враждой между отдельными родами и тем самым укрепить государственное единство. Он разделил земли и угодья трех жузов в соответствии с территориальными природно-климатическими особенностями – определил места летовок, зимовок, пастбищ... установил твердые границы землепользования для каждого рода в соответствии с исторически сложившимися условиями и традициями. Земли были переданы во владение родов. Каждый род мог кочевать только в пределах отведенных ему границ" [124, с. 31]. "Жизненно важной сферой монгольской (ойратской в том числе. – *С. Е.*) администрации являлось определение мест кочевок и решение возникавших спорных вопросов. Самовольно менять место кочевки запре-

щалось. Располагаясь кочевьем на новом месте, необходимо было быть осмотрительным, чтобы не занять чужую территорию. В противном случае нарушителю грозил штраф в три девятка" [135, с. 100].

И в том, и в другом законодательстве при отсутствии ответчика, или когда он не в состоянии платить штраф, как правило, обязанности вменяются его близким. "Если ответчик суду не явится или присужденный пени заплатить не может; то оно взыскивается с его родственников или с его аула" [11, с. 358].

У обоих народов отсутствовала тюрьма. "Лишение свободы как наказание вообще редко принималось у кочевых народов", – отмечает А. Д. Насилов. Далее он пишет: "...доминирующим наказанием является имущественный штраф, имеющий множество форм в зависимости от характера преступления и социального положения виновного и пострадавшего" [135, с. 99]. "Қазақтарда түрме деген мүлдем болмаған", – считает Н. Усерулы [126, 11-б.].

В обоих законодательствах отмечается смягчение меры наказания. В "Жеті жарғы" провозглашен принцип "талиона": "Первое место в нем занимает закон возмездия: за кровь мстить кровью, за увечье – таким же увечьем". Однако по свидетельству того же А. И. Левшина "наказания могут быть смягчаемы по приговорам судьи или согласию истцов; и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою (принцип "композиции". – *С. Е.*). Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т. е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 500 баранов". Смягчение меры наказания у казахов началось еще во времена Есим хана, предполагает Н. Усерулы: "Бізге келіп жеткен деректер бойынша, Есім хан ердің құнына 100 жылқы және 6 жақсы (6 түйе) кесім белгілеген" [11, 358-б.].

✧

По сведениям, дошедшим до нас, Есим хан назначил за убитого мужчину кун в размере 100 лошадей и 6 верблюдов.

Попутно заметим, что некоторые ученые (С. Д. Дылыков и др.) видят причину смягчения мер наказания в ухудшении материального положения кочевников: якобы провинившимся нечем платить. Не подвергая сомнению важность роли экономического состояния членов общества в правотворчестве, мы склонны объяснить смягчение мер наказания эволюцией общего мировоззрения народа, усилением гуманистических принципов в кочевом обществе.

Изучая сходство этих законов, Т. Султанов отмечал: "Однако "Уложение" хана Тауке – отнюдь не подражание ойратскому "Уложению" 1640 года. Общее между этими двумя "Уложениями" объясняется сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности казахов и ойратов (калмаков)" [125, с. 76].

При сравнении "Жеті жарғы" с "Их Цааз" необходимо одновременно анализировать и "Восемнадцать степных законов 1620 года". В "Их Цаазе" постоянно ссылаются на это уложение, например, в статье 98 говорится: "Кто по злому умыслу пустит пожар, с тем поступить по Великому уложению" (т. е. по "Восемнадцати степным законам 1620 г." – *С. Е.*). А. Д. Насилов указывает: "Необходимо учесть, что "Их Цааз", составленное позже, естественно, внесло ряд поправок в действующее законодательство. Это проявилось, в частности, в том, что некоторые статьи ранних сводов были расширены или уточнены" [135, с. 99]. Некоторые существенно важные статьи, сформулированные в "Великом уложении 1620 г.", в "Их Цаазе" отсутствуют. При этом нужно иметь в виду, что данные статьи не перестали действовать, а составители позднего уложения сочли, что нет необходимости в повторе этих важных, как бы само собою разумеющихся, положениях законодательства.

Казахские исследователи (как историки, так и юристы) часто говорят об отсутствии письменных источников "Қасымханның қасқа жолы" и "Есімханның ескі жолы", неполноте письменных текстов "Жеті жарғы". В связи с этим напоминаем, что и русские, и китайцы на протяжении нескольких веков пристально следили за Казахским ханством, регулярно собирали данные, систематизировали добытые сведения. По нашему глубокому убеждению, правительства этих стран уделяли изучению правовых основ казахского общества не меньшее внимание, чем, скажем, изучению его военной мощи. Поэтому в архивах внешнеполитических ведомств этих государств можно найти сведения о казахском законодательстве XV–XVII вв. и частично восполнить образовавшийся вакуум.

Казахским и калмыцким исследователям предстоит изучить взаимовлияние древних законов обоих народов. В этом плане интересно основательное изучение таких казахских уложений, как "Древняя дорога Есим хана" и "Чистая дорога Касым хана", которые были созданы до составления джунгарских уложений" – "Цааджан Бичиг", "Их Цааз", – и их влияние на последние.

Таким образом, на основании исследований историков, изучавших законы казахов и джунгар, можно прийти к следующим выводам:

– законы казахов и джунгар имеют одинаковые корни, ибо оба народа являются представителями кочевой цивилизации, развитие которой происходило в одной географической зоне;

– в XVII–XVIII вв. оба народа руководствовались практически одним законодательным уложением государства Чингиз-хана и его же поздними государственными образованиями, так как входили в них;

– в это же время казахи и джунгары начали разрабатывать свои законодательные уложения, в основу которых было взято Чингизхановское право с учетом собственных древних норм.

Отметим, что взаимовлияние в законодательном творчестве обоих народов очень высоко. Особая роль казахского и джунгарского уложений состоит также в том, что оба они играют огромную роль в изучении сложного внутреннего устройства кочевого общества периода феодализма. Несомненно, что взаимовлияние права двух кочевых народов требует самостоятельного изучения. При этом необходимо выявить степень влияния монгольского законодательства на право народов, которые были не только данниками этой страны, но и ее соседями на протяжении тысячелетий.

Историография этнокультурных мирных контактов

Қалмақтан алсаң маһи бір зайып,
Сүйегіңді жоғалтпас.
Отының болсын жантақтан,
Қатының болсын қалмақтан.

Бұқар-жырау

Разумеется, история взаимоотношений ойратов и казахов не всегда была идиллически мирной... Но зачем искать вражду там и тогда, где и когда ее не было?

Р. Б. Сулейменов

На протяжении веков взаимоотношения казахов и джунгар отличались своей разносторонностью, начиная от военных напа-

дений и заканчивая добрососедскими и мирными связями. Наша задача – выяснить, в каком объеме эта проблема нашла отражение в историографии, и выявить как можно больше фактов мирного и культурного взаимодействия.

Изучая историю взаимодействия казахов и джунгар, исследователи пытались понять основы возникновения этих отношений, а также то, почему со временем эти связи приобретали разный характер и между этими народами возникала непримиримая вражда, и было ли между ними мирное взаимопонимание. Некоторые исследователи считают, что дружба и мир не могли иметь места между казахами, джунгарами и калмыками. Мирное сосуществование двух кочевых государств – это нонсенс. Таков был вердикт дореволюционных авторов по этой проблеме. Почему?

Захватывая новые земли и расширяясь в территориальном отношении, Российская империя не могла допустить, чтобы два кочевых ханства, соединившись или мирно сосуществуя, могли помешать удовлетворению ее имперских амбиций. Ее главной целью было разобщить, уничтожить и захватить земли обоих ханств. Такую же цель преследовала и Цинская империя. Сея вражду между казахами и джунгарами, оба государства стремились не допустить их сближения, взаимопонимания.

Изучая труды дореволюционных авторов, мы могли найти лишь крайне скудную информацию о том, что два народа, хотя и редко, но могли мирно существовать рядом друг с другом. Положение стало меняться в советское время.

В монографии профессора Н. Н. Пальмова "Этюды по истории калмыков" есть целая глава под интересующим нас названием "Взаимоотношения калмыков, киргиз-кайсаков и джунгорцев за время с 1742 по 1747 год". В ней встречается весьма любопытное суждение: "...что касается калмыков, то у них заметна явная заинтересованность киргизами. Если отбросить обычные у кочевников налеты друг на друга, сопровождающиеся захватом пленных и угоном скота, то необходимо обратить внимание на постоянные приезды калмыков в киргизские степи и киргизов в калмыцкие степи для продажи и мены скота, причем торговцы с той и другой стороны нередко являются в качестве посредников при сношениях между калмыками и киргизами чисто политического характера, даже при наличии специальных для того политических посланцев, время от времени привозивших письма и словесные приказы своих владельцев..." [136, с. 40]. Хотим заметить, что профессор Н. Н. Пальмов является одним

из немногих, кто специально выделил эту главу и уделил внимание описанию дружественных отношений между двумя кочевыми народами [136, с. 135].

Первым из казахстанских историографов этой теме уделил внимание Р. Б. Сулейменов. Анализируя труд В. С. Кузнецова "Амурсана", он пишет: "Вопреки историческим фактам, он (В. С. Кузнецов. – *С. Е.*) изображает взаимоотношения между Джунгарским ханством и казахскими жузами как отношение перманентной вражды... Но наряду с обоюдными набегами наблюдалась и тенденция к политическому союзу... Эта тенденция усилилась, когда над народами Центральной Азии нависла угроза агрессии со стороны маньчжуро-китайских захватчиков". Далее он отмечает: "Разумеется, история взаимоотношений ойратов и казахов не всегда была идиллически мирной, между ними, как уже говорилось выше, часто вспыхивали ожесточенные кровопролитные войны за пастбища, за господство над торговыми путями и рынками. Но зачем искать вражду там и тогда, где и когда ее не было?" [64, с. 22, 23].

Целиком поддерживая Р. Б. Сулейменова, хотим добавить, что исследователи взаимоотношений казахов и джунгар, уделяя внимание лишь вражде между этими народами, только изредка и вскользь затрагивают моменты мирного сосуществования. Калмыцкий историк А. Г. Митиров затрагивает один из таких моментов, приводя при этом содержание архивного фрагмента: "...с показанными пятью султанами Кучюк, Барак и Аблайбембет, да два малых султана кайсацких командиров и со упоминаемыми старшинами Асед Батуром и Джянабек Батуром и с протчыми знатными сороки человеки, прежде утверждения присяги и заключению мира, имели договор в такой силе: 1) чтобы быть в примирении, как от сего время народится мальчик и будет в совершенном возрасте, чтоб мог быть в состоянии владеть сайдаком (луком. – *С. Е.*), чтоб до того время войны не иметь, а ежели про между нами набегами что будет взято, оное возвращать и впредь чтоб того не причиняли, по справедливости штрафовать; 2) чтоб нам, калмыкам, кочевать по сию сторону Яика, а им бы, кайсакам, кочевать по ту сторону Эмбы; 3) как прежде сего они, кайсаки, и мы калмыки, в военное время полоняли людей, оных бы разменивать теми ж людьми, и на оных кондициях как они, кайсаки, так и мы, калмыки, договорясь, присягами утверждали" [93, с. 193, 194]. Этот договор был заключен 21 августа 1741 года. Такой же договор был заключен между ними и в 1726 году, о чем свидетельствует М. Бакунин [15, с. 58].

В книге "Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе" описывается дружба между калмыцким Тайшой и Жангир ханом: "...Янгир-Султан повелевал киргиз-койсацким и по несчастию калмыкам (ойратам) попался в плен. Освободясь от плена, Янгир беспокоил калмыков частыми набегами. Богатырь Контайша (Батур-Хун-Тайчжи) желал освободиться от тягостного неприятеля в 1643 г. При помощи своих друзей собрал 50 000 войско и овладел улусами Алат Киргизским и Токмакским, которых было до 10 000 человек. Янгир со своей стороны собрал 600 отборных молодцев и выгодно окопался за узким проходом в горах. Контайша напал на шанцы, из которых храбро защищались, а Янгир-Султан с тылу с винтовками произвел нападение и положил до 10 000 калмыков, тогда же другой князь Ялантуш с 20 000 войском пришел на помощь. Контайша отступил, однако увел с собою пленных... Контайша охотно желал привлечь на свою сторону Тайшу Хоштоутовского Кондулен-Убаши и просил его, чтоб вместе идти против киргиз-койсаков, но Кондулен-Тайша отказал в том, предъявив, что он с Янгир-Султаном в дружбе, что тот назвался его сыном. Контайша был этим озлоблен и хотел отомстить Кондулену" [138, с. 25].

Здесь можно сказать, что не только калмыки, но и казахи умели дорожить дружбой и доверием представителей другого народа. Эти факты были известны в казахском обществе с древних времен и нашли отражение в трудах М. Тынышпаева, где имеется эпизод о батыре Алдыяре, к которому как главному батыру казахов прибыл джунгарский Хонтайши с предложением о мире. Однако казахский хан Тауке был против и хотел убить правителя джунгаров: "Напрасно Алдыяр ссылался на святость гостеприимства: Тауке остался непреклонен, тогда Алдыяр наотрез отказался выдать своего гостя. Тауке собрал войско и напал на аул Алдыяра... Алдыяр отразил нападение Тауке, на другой день с почетом отправил калмыцкого Хонтайши к себе на родину... В памяти потомства Алдыяра об этом сохранился следующий стих:

> У Узун-Агаша и Тойке прибыл калмык [хонтайши],
> Хан Тауке решил совершить насилие
> И отрубить голову [хонтайши].
> Зачем прибыл калмык: два казаха
> [Тауке, Алдыяр] сразились и умер Майлан [брат Алдыяра]"
> [49, с. 220–222].

Современный казахский исследователь А. Сейдимбек, обращая внимание на существовавшую дружбу между казахскими и

джунгарскими правителями, отмечает: "Разумеется, проникновение Хундулен-Убаши в Казахскую степь, налаживание контактов с местным населением связано с военно-политическим климатом казахско-джунгарских отношений. Есим-хан и ойратский правитель Кара-Кул установили между собой дипломатические отношения..." [139, с. 88]. О заключении Есим-ханом мирных переговоров с другими джунгарскими владетелями упоминается и в архивных документах: "...как он был в Колмаках у Талай-тайши, зимою приходили из Бухар от Турсун-царя да ж Казачьи Орды от Ишима-царя послы о миру и меж себя с Талай-тайшею шертовали, что быть меж ними миру" [66, с. 69].

Ссылаясь на "Материалы по истории русско-монгольских отношений", А. Сейдимбек приходит к такому выводу: "Вместе с ним (Хундулен-Убаши. – *С. Е.*) оказались дербет Далай-тайши хошауыт Аблай-тайши, и многие другие аристократы, получившие приют у казахских правителей. А Хундулен-Убаши был... другом казаха – алшина Жалантос батыра" [139, с. 89].

Исследователями установлено, что среди джунгарской аристократии встречались героические личности казахского происхождения. Так, Б. П. Гуревич приводит свидетельство об одном из них: "...начинает борьбу с маньчжуро-китайскими захватчиками ойратский владелец Казак-Сара, по своему происхождению связанный с казахской знатью" [66, с. 113]. Это подтверждается сообщением М. Магауина: "В национально-освободительной борьбе Амурсаны против маньчжурского ига особо отличились и казахские воины; сын попавшего в плен алашского сарбаза Хазыкшары (Казак-сары, т. е. "светлый казах"), который родился и вырос среди калмаков, стал национальным героем ойратского народа" [96, с. 44]. Данный факт нашел отражение и в "Материалах по истории Киргизии и киргизского народа", где есть немало документов, свидетельствующих об упорной попытке поймать и наказать цинскими полководцами ойратских владетелей Казак-Сары и Буку-Чагана [140].

Также мы обратили внимание на выдающийся случай, отразившийся в истории отношений между казахами и джунгарами и отражающий семейно-брачные отношения. В 1741 г. джунгарский хунтайджи Галдан-Церен отправляет к хану Младшего жуза посольство с предложением сосватать дочь Абулхаира за своего сына. Однако хан, опасаясь подвоха, не спешил ответить согласием на столь интересное предложение. И хотя эти события не получили должной интерпретации, на него ссылается И. В. Ерофеева: "Осо-

бая престижность брачного предложения Галдан-Церена для фамилии Абулхаира заключалась в том, что это был, по существу, первый и последний прецедент во всей истории казахско-ойратских отношений, когда глава Джунгарского ханства сам сватал дочь казахского хана за собственного сына, при том, что его старший сын был ко всему прочему и официальным наследником джунгарского престола. Весьма примечательно, что Галдан-Церен желал расположить к себе также влиятельных соперников казахского хана из Среднего жуза, дал в жены им дочерей своих знатных нойонов (например, двух ойраток – султану Абылаю и одну – сыну Барака, султану Сыгаю), но никому из представителей казахской элиты, за исключением Абулхаира, ни разу не предложил породниться со своим собственным фамильным кланом" [87, с. 256]. И хотя данной инициативе не суждено было сбыться (по причине смерти дочери Абулхаира), тем не менее, она внесла вклад в развитие мирных связей между двумя народами. Не исключено, что на основе этого исторического инцидента со сватовством юного хунтайджи Цевана-Доржи к дочери хана Абулхаира в то время окончательно сложился сюжет знаменитой лирической поэмы "Кыз-Жибек", получившей в дореволюционную эпоху широкое распространение среди казахского народа.

В очерке Х. Досмухамедова также затронута эта тема: "Внук Тана, сын Бортугаша Жиембет в эпоху Есима был одним из близких людей хана. В войсках с калмыками он стал известен как Жиембет-батыр. Калмыцкий хан послал в подарок хану Есиму девушку-красавицу. Младший брат Жиембета Жолымбет, похитив девушку, сам женился на ней. Из-за этого Жиембет и Жолымбет были в ссоре... Спустя некоторое время, поняв, что ссора с братом ни к чему не приведет, Жиембет говорит своему брату:

Эй, упрямый герой,
Герой, сидящий на коне,
Герой, полюбивший девушку-калмычку,
Хан один, а нас трое.
Не упрямься, лучше снова будем вместе!

Они снова подружились... Вскоре хан, после гневных слов Жиембета, прощает обоих батыров" [80, с. 170]. Из очерка Х. Досмухамедова ясно, что на калмычках не только женились, но из-за них у ханов и батыров даже возникали конфликты.

В поэме известного писателя М. Жумабаева "Батыр Баян" также освещается эта тема. В ней рассказывается о батыре по

имени Баян, который во время одного из набегов в калмыцкие аулы похитил девушку-калмычку и затем привез к себе домой. Кроме самого батыра эту девушку полюбил и его младший брат Ноян. Поэма заканчивается трагически [141, с. 240–261]. Данная тема нашла продолжение у писателя и поэта С. Сейфуллина в поэме "Кокшетау". Здесь девушка-калмычка своей красотой покоряет целое войско. Во время набега на калмыцкий аул она попадает в плен к казахским батырам и вынуждена выбрать одного из них в мужья. Благодаря уму и находчивости она решает эту нелегкую ситуацию в свою пользу. В конце поэмы девушка возвращается на родину [142, с. 55]. Из этих примеров видно, что тема "казахский батыр и калмыцкая девушка" была достаточно распространена в казахском народном эпосе. Быть может, и в калмыцких народных преданиях встречается подобная тематика. Во всяком случае, эта проблема требует более широкого изучения.

О родственной близости казахов и калмыков поется в калмыцкой народной эпической песне "На кого же нас покинул", посвященной хану Убаши:

Арабский чалый под седлом,
Мангытский сивый в поводу.
Наш правитель хан Убаши
На кого же нас покинул?

Между Кубанью и Волгой
Не видать никого.
По вьюку приметные торгоуты
Куда же они подались?

Или воды Ахтубы-реки
Для водопоя непригодны стали?
Или правителей прежних наших
Умными они не посчитали?

Разве просторы Нарына-песков
Для кочевий осенних непригодны стали?
Или сопредельных племен казахских
За родичей своих не посчитали?

Дворец с шестьюдесятью окнами,
Как мираж, виднеется,
Хан Убаши, наш ангел-благодетель,
Куда же направился он? [94, с. 491].

Остро поставил необходимость изучения мирных связей двух народов в своей статье "Қазақ-қалмақ қатынасы: жауласудан

басқасын білеміз бе" ("Казахско-калмыцкие отношения: что знаем, кроме вражды?") историк А. Турдалиев. Перечисляя имена ученых, исследовавших данную проблему, автор обращает внимание на неизученные стороны этих отношений. В частности, он усматривает прямые связи казахских эпосов "Ер Тарғын", "Алпамыс батыр", "Қыз Жібек" и других с калмыцкими войнами, вслед за Г. К. Конкашпаевым утверждает принадлежность архитектурных памятников Қызыл-кеніш и Діңгек казахско-калмыцкой истории, указывает на взаимные этнические взаимовлияния [143, с. 56–59].

Термин "тюрко-монгольский симбиоз" давно занял свое особое место в истории. Общими прапредками казахов и джунгар являются хунны, кидани, кереиты и другие племена. Из глубины веков дошли до нас исторические и культурные связи тюрко-монгольских народов, одной из ветвей которых являются казахи, а другой – джунгары (ойраты).

"Современные народы, а история казахов и монголов тому наглядное подтверждение, сложились на основе смешения разных племен и народностей, причем, как правило, одни и те же этнические компоненты, хотя и в неодинаковом соотношении, участвовали в формировании тюркских и монгольских народов, что отвергает теории о "расовой чистоте", "национальной исключительности" каких бы то ни было народов" [144, с. 31].

Взаимодействие и общие этнические связи подтверждают и схожие этнические элементы (как среди казахов, так и среди джунгар). Судя по материалам полевых исследований, проведенных калмыцкими учеными, в этническом составе калмыцких улусов и аймаков конца XIX в. присутствуют тюркские этнические компоненты, ассимилировавшиеся в ойратской и позже – в калмыцкой этнической среде. Из них отметим в составе Дербетовских улусов Калмыкии следующие тюркские элементы: хара-мангыты (кара-ногайцы), мангыты (ногайцы, татары), хаскуты (казахи), шиткуды, или шитяны (башкиры). В этническом составе Хошеутовского и пяти Тогоутовских улусов Калмыкии выявляются хапчины (кипчаки), хаскуты (казахи), теленгуты (алтайцы) и другие [72, с. 163]. А в этническом составе донских калмыков-казаков Ц. Номинханов зафиксировал следующие тюркские элементы: мангаты (татары, ногайцы), тюркмюды (туркмены) и другие [70, с. 102].

"Калмыцкие роды встречаются среди казахского рода каракесек под названием "тоты", "кыз калмак", "бала калмак" и

так далее. Все они берут свое начало с обитавших в Каркаралы – Казылыкты в 1630–1730 годах торгоутов, хошоутов, дербетов" [145, с. 79].

"Почти во всех районах Калмыкии встречались кереиты (*керэ* – "ворона")", – сообщает калмыцкий историк У. Э. Эрдниев. Этноним "кереит" встречается не только у монголоязычных народов, но и в Казахстане. В "Истории Казахской ССР" проводится мысль, что в первом десятилетии XIII в. на территорию Казахстана после разгрома Чингиз-ханом прикочевала с Алтая часть многочисленных племен найманов и кереитов, между тем во времена Рашид-ад-Дина кереиты жили в долинах рек Онона и Кэрулена. Казахи включили кереитов в свой состав сравнительно недавно, не раньше конца XVI – второй половины XVIII в., т. е. в период наиболее интенсивного их общения и столкновения с ойратами. Таким образом, кереиты – одно из многочисленных монгольских племен – оказались расселенными на обширном пространстве Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана, но в основном они вошли в этнический состав современного калмыцкого народа" [172, с. 53]. С этим историком можно поспорить только относительно сроков единения кереитов с другими казахскими племенами. Далее он пишет: "Известно, что в 1771 г. ушедшие с Нижней Волги торгоуты оставили на территории современного Казахстана значительную свою часть, особенно представителей женского пола. Поэтому не случайно многие казахи считают калмыков своими "нағашы", себя – калмыцкими "жиен", т. е. племянниками. Нет сомнения в том, что калмыки, или ойраты, оказавшиеся в Казахстане, постепенно ассимилировались в казахской сфере" [72, с. 53].

Глубокие многовековые этнические взаимосвязи двух народов отразились на их антропологическом облике. Немецкий историк-этнограф Р. Карутц, посетивший Западный Казахстан в 1904 г., обратил внимание на сходство черт лиц казахов и калмыков: "Мне приходилось видеть плоские лица и раскосые глаза (у казахов. – *С. Е.*) почти такого же резко выраженного типа, как у калмыков" [146, с. 10]. По свидетельству У. А. Эрдниева, к аналогичному выводу пришел и исследователь С. Королев, который производил антропологические обследования среди калмыков в 1901 году. Работы, проведенные в 1969–1971 гг. Д. О. Ашиловой, также позволили сделать заключение, что в этногенезе калмыцкого народа принимали участие представители казахско-

го народа. Тюркские компоненты в этническом составе калмыков отражают этнические связи и взаимодействия ойратов и калмыков с различными тюркоязычными этносами. В свою очередь, монгольские и ойрат-калмыцкие этнические элементы, присутствующие в этническом составе ряда тюркоязычных народов, также участвовали в этногенезе тюрок, особенно в XVII–XVIII веках.

Новые пласты взаимосвязей двух народов подняты казахстанскими историками в книге "История Казахстана и Центральной Азии", написанной в соавторстве и изданной в 2001 году. Отмечая, что у казахов и ойратов были контакты и другого рода, прежде всего экономические, торговые и культурные, авторы делают вывод, что существование этих связей наложило отпечаток на язык, культуру, обычаи, даже на предметы домашнего обихода. Они также обращают внимание на этнокультурную близость тюрок и монголов, единство их шаманской идеологии [147]. Действительно, как казахи, так и джунгары веровали в солнце, луну, огонь. "Солнце, луна, звезды... пользуются в народе до сих пор уважением, и в народе сохранились обряды их культа", – сообщал Ч. Ч. Валиханов [25, с. 265]. Знаток калмыцкого быта, их обрядов П. Смирнов в 1852 г. в своих заметках отмечал: "Калмыки почитают солнце и луну за особенные дары милосердия к людям богов. Солнце оплодотворяет и оживляет землю, оно источник всего... Но самое солнце очень далеко, видимый знак его на земле – огонь. А потому огню, как эмблеме солнца, калмыки приносят жертву" [23, с. 265].

У казахов и джунгар существовало понятие "Тенгри", которое имело одинаковое значение "высший дух". Примечательно, что это слово произносится у обоих народов одинаково – "тәңірі". Исследователь тенгрианства у казахов С. Акатай в книге "Древние культы и традиционная культура казахского народа" заметил: "Наряду со вселенским божеством Тенгри древние тюрки Евразийских степей поклонялись языческой богине любви и плодородия по имени Умай. Она занимала в пантеоне средневековых тюрок второе место после Тенгри" [148, с. 68]. О наличии почти аналогичного божества-женщины у калмыков свидетельствует П. Смирнов: "Видя глубокую скорбь человечества, окун-тенгри (дева-дух) сжалилась над ними и явилась на избавление людей от угрожавшего им несчастья" [23, с. 68].

Исследователь М. Х. Абусеитова также отметила: "Анализ образцов народного искусства, верований отмечает их тождественность. Интересна сходность календаря... 12-летнего цикла... Кал-

мыцкие войны создали основной исторический фон для большинства произведений героического эпоса... казахов"[147, с. 243]. А что касается ее утверждения о сходности календаря, то с ней полностью согласна другая исследовательница А. И. Мухамбетова. В своих работах, посвященных изучению тенгрианского календаря, она приводит такие факты: "...у калмыков Новый год начинается с месяца барса и соответствует обычно концу ноября европейского календаря. То есть Новый год у калмыков так же, как и в древности у тюрок, приходится на осенний период, что наводит на мысль, что весенний Новый год у казахов мог возникнуть в результате... переноса, как, например, у монголов. Известно, что в середине века, когда у монголов Новый год приходился на день осеннего равноденствия, Хубилай, внук Чингисхана, став правителем... в 1262 г., перенес начало Нового года на первое весеннее Новолуние" [149, с. 108].

В диссертации на тему "Калмыцкие волшебно-героические сказки" В. Т. Сарангов обращает внимание на сходство сказок обоих народов: "По сюжетно-композиционной структуре калмыцкая сказка "Эрке Билдер" близка к казахской богатырской сказке "Ер Тостик". Герои этих сказок, расправившись с врагом в нижнем мире, выбираются наверх с помощью волшебной птицы". Исследователь далее констатирует, что калмыцкие сказки имеют много общего и с другими этническими и сказочными произведениями казахского народа [150, с. 11].

Следует отметить работу С. С. Харьковой "Тюркские лексические параллели в калмыцком языке", где весьма интересны выводы исследователя о происхождении данных параллелей. Автор считает, что это объясняется контактными заимствованиями, а не генетическим родством; тюркские лексические элементы отложились в монгольском языке еще тогда, когда язык монголов не разделялся на ветви [151, с. 16, 17].

В казахском и калмыцком языках очень много заимствований, что доказывают многовековые контакты. Например: казахское слово "аға" – старший брат в калмыцком языке означает то же самое, только произносится "аха"; сравним также другие слова: құда – худ; төркін – торкн; бажа – баз; бөле – бөл ай; әбдіре – абдр; күбі – ков; таба – таава; былғары – булгар; бауырсақ – боорцг; быламық – булмг; мал – мал; тал – тал; атан – атан; бура – бура; ботақан – ботхн; мұрындық – бурнтглх; інген – інген; ат – агт; сәйгүлік – сайглх; жорға – жора; бурыл – буурл; көк – кук;

тулау (ат) – туулх; таңба – тамх; кенже – кенз; бордақылау – бордякн; өскелең мал – оскелн мал; шылбыр – чулвр; көпшілік – кубшг; тоқым – тохм; өмілдірік – комлдрх; құрық – уурх, и т. п.

По свидетельству К. Эрендженова, в старину у калмыков были гадатели на лопатках овцы. Аналогичные гадатели у казахов назывались "жауырыншы", они пользовались большим почетом.

Почти одинаковы у казахов и калмыков обряды сватовства и свадьбы. К. Эрендженов пишет: "В день свадьбы все без исключения – от детей до стариков – надевали лучшие свои одежды для участия в празднестве. Приглашались лучшие домбристки, за которыми порою специально посылали коней. На свадьбу шли все – и приглашенные и неприглашенные, как говорится: "На свадьбу даже череп катится" (обратите внимание на наличие аналогичной пословицы у казахов: "Той дегенде қу бас домалайды". – *С. Е.*). За невестой посылали самых ловких, хорошо поющих и сметливых парней. И это потому, что в хотоне невесты они могли в любой момент подвергнуться всяческим испытаниям. Веселье продолжается всю ночь, а на заре гости пытаются побыстрее увезти невесту, что у них зачастую не сразу получается: подруги невесты и молодые парни стараются как можно дольше задержать их, пряча вещи невесты" [152, с. 109].

О том, как аналогичные обряды происходят у казахов, говорится у Б. Тотенаева: "Бұл күні... (қыз ұзатылатын күні. – *С. Е.*) жеңгелері "қалыңсыз қыз болса да көдесіз күйеу жоқ" деп жолжоралғысын жасаттырған. Бұл ойында білегін сыбанып, белін буған жеңгелер мен өңешін созған жігіттердің ортасында басына сәукеле киіп, ұзатылатын қыз тұрады. Әзіл сөз, айтыс-өлеңмен жеңсең, қызды алып жүре бер деген. Суырыла сөйлейтін шешен жігіт пен тілмәр келіншек тартыса келіп, сөзге тоқтар жолға жүгінеді, осылайша ойын жалғаса береді. Бұл ойын да еркіне жіберсе шегі болмайтын көрінеді, сондықтан үлкендердің басалқы-қолқа айтуымен әрең дегенде тоқтап, қызды шығарып салады" [153, 78-б.].

✧

В этот день снохи со стороны девушки устраивали проводы. В широком кругу молодых людей стоит невеста. Молодежь со сторон невесты и жениха вступает в шуточные словесные состязания. Эти состязания могли продолжаться очень долго. Только при помощи взрослых останавливая разгорячившиеся стороны состязающихся, девушку провожали всем миром.

В Мангистауском регионе также имеется обычай прятать обувь сватов для затягивания времени проводов невесты.

Во время проводов невесты-калмычки ее подруги исполняют плач, который называется "Жер-жер". Е. И. Кычанов приводит текст этого плача:

> Наша судьба рожденных с короткими поводами,
> Что за тяжелая судьба!
> Бросаем мы отца и матушку,
> Уходя в далекую чужую сторону [154, 48].

А в то время на проводах невесты-казашки ее подруги пели "Жар-жар":

> Буынармын белбеуді бекем-дағы, жар-жар.
> Бұйырмысты жеріме жетем-дағы, жар-жар.
> Жат-жұрттыққа жаратқан қыз болған соң, жар-жар.
> Ата-анамнан алысқа кетем-дағы, жар-жар.

Сходство обычаев подтверждает и то, что замужним калмычкам, так же как и казашкам, запрещено называть имена родственников мужа. А. Сейдимбек приводит забавный случай из жизни молодой замужней казашки, у которой было шестеро деверей, имена которых звучали так: Озенбай, Камысбай, Каскырбай, Койлыбай, Кайракбай, Пышакбай. Когда эта женщина пошла за водой на речку, она увидела среди камыша волка, который задрал овцу. Она прибежала к взрослым и сообщила: "На берегу журчащего, среди шуршащего, воющий задрал блеющего. Мне нужно режущее с точащим, чтобы я могла успеть к несчастному блеющему" [139, с. 425].

Совершенно одинаково происходит игра в альчики у детей обоих народов. Калмыцкий этнограф К. Эрендженов описал ее таким образом: "Игра в альчики, или овечьи бабки, у калмыков имеет древнее происхождение. У нее несколько вариантов. Например, в ней может участвовать от четырех до восьми человек. Раньше в нее играли не только дети, но и взрослые. На ровном утрамбованном месте чертят круг. В центре круга ставят на кон рядами альчики, каждый играющий – по одной или две штуки, как договорятся. Отойдя от круга на 10–15 шагов, играющие по очереди битой бьют по альчикам. Битами служат более крупные альчики, так как они должны быть тяжелыми. Чтобы увеличить тяжесть биты, в середине просверливают отверстие и заливают

его свинцом" [152]. Точно так же, без единого изменения, до сегодняшнего дня играют в альчики дети из Мангистауской области. Б. Тотенаев в своей книге "Қазақтың ұлттық ойындары" отмечает, что казахские дети и в других регионах республики также заинтересованы в этой древней игре [153, с. 80].

Главным музыкальным инструментом казахов и калмыков является домбра. У обоих народов материал, технология изготовления и конструкция совершенно одинаковы. Струны раньше делали из бараньей тонкой кишки, обработанной особым способом.

Почти идентично у казахов и джунгар народное прикладное искусство. Крупный знаток быта приволжских народов, известный башкирский историк-этнограф Р. Г. Кузеев в очерке "Калмыки" пишет: "Широкое распространение получила резьба по дереву, сохранившаяся до наших дней. Резьбой и лакировкой украшали деревянные части кибиток, сундуков. Долгое время калмыки сохраняли и такое редкое ремесло, как производство кожаных ведер и фляг – торцг (по-казахски "торсық". – *С. Е.*), по традиции украшавшихся тисненым орнаментом"[155, с. 21]. О наличии аналогичных ремесел среди казахов в начале XX в. сообщает Р. Карутц [146, с. 58].

Многовековые связи оставили след в именах людей обоих народов. Калмыцкий этнограф В. Папуев отмечает: "Ойраты на протяжении всей своей истории имели кровнородственные связи с соседними народами. Естественно влияние смешанных браков на образование имен" [156, с. 16]. И действительно, некоторые калмыцкие имена почти одинаковы с казахскими: Абду, Авш, Авад, Азан, Алтин, Алдар, Баатр, Баян, Гайша, Гоони, Идрис, Ишим, Иса, Кинже, Марал, Назар, Сабур, Сайн, Сагд, Сарта, Тавлда, Тальшин, Улан, Хаби, Хорлан, Шуукр, Шара [156, с. 16].

Знаток казахской истории А. Кекилбаев сообщает об обстановке в казахской среде после перемирия 40-х гг. XVIII в., когда дочь калмыка Хара Бохан, имевшего высокий духовный сан, была отдана в жены крупному бездетному баю Младшего жуза Кожаназару [157]. Согласно семейным преданиям потомков Кожаназара, у калмычки-матери родились трое сыновей, все они получили калмыцкие имена – Саркун, Шомык и Тогон, в честь их дядей с материнской стороны. Последние были видными людьми в своей среде и долго поддерживали родственные отношения с племянниками. В настоящее время среди казахов адаевского рода имеются подроды Саркен, Шомақ и Таған.

В книге "Адай шежіресі" летописца А. Мендалыулы нашел отражение такой случай: "Бір жылы Қожаназар ерте көшіп, баласы Тағанды Әжнияз бек досының ауылында қалдырып кетеді. Таған жас жігіт, әрі байдың баласы. Бектің үйінде қалмақтан келген сұлу қыз бар. Бек ол қызды бір баласына қоспақ болып жүргенде, ол қыз Тағанмен көңіл қосады. Таған тәуір деген ат айғырды таңдап алып, қаңтарып қойып, бірнеше күннен кейін қызды алып қашады. Тағанның осы әйелінен бес бала туады. Олар өздерін "бес қалмақ" деп атайды. Олардың бәрі де денелі, ірі қайратты жігіттер болады. Қалмақ шешеміздің аты Сұқсыр екен. Сірә, Сұқсыр деген қалмақ тілінде сұлу деген сөз болса керек" [158, с. 56].

✧

В какой-то год Кожаназару пришлось рано откочевать, а сына Тагана он оставляет в ауле своего друга, бека Ажнияза. Таган – молодой парень, к тому же сын бая. В это время в доме бека жила юная калмычка. Бек хотел, чтобы в будущем она стала женой его сына, однако девушка и Таган полюбили друг друга. Таган втайне ото всех приготовил самых быстроходных коней и через несколько дней похитил девушку. От жены-калмычки у Тагана рождается пять сыновей. Они называли себя "пять калмыков". Все они были очень видными, мужественными джигитами. А имя их матери было Суксыр, по-видимому, на калмыцком языке это имя означает "красивая".

Все исследователи, изучавшие быт и жизнь калмыков, обращали внимание на высокие моральные качества калмычек. Г. Прозрителев отмечает: "Мораль женщины-калмычки – высокая мораль, и она как воспитательница дает детям, безусловно, твердые устои нравственности, идеи правды, добра, верности долгу, беззаветной покорности и стоической выносливости". Далее он в подтверждение своих выводов приводит слова своего современника, некоего И. В. Бентковского: "Но калмычка своим характером, нравственностью и благоразумием умела себя поставить в самое прочное положение" [159, с. 56, 57]. Знаток калмыцкого быта XIX в. Я. П. Дуброва пишет: "...они (калмычки) вообще отличаются редким у других наших инородцев целомудрием. О девическом целомудрии и стыдливости нечего и говорить. Оно, если можно так выразиться, образцово" [23, с. 52, 53].

Нравственный облик калмыцких женщин высоко ценили и в казахском народе. У Бухар-жырау имеются такие строки:

Қалмақтан алсаң маһи бір зайып,
Сүйегінді жоғалтпас.
Отының болсын жантақтан,
Қатының болсын қалмақтан [47, с. 101].

Если возьмешь в жены калмычку,
Сохранит она твое имя.
Пусть твое топливо будет самым лучшим,
Пусть твоей женой будет калмычка..

В свою очередь исследователь И. Г. Андреев, обращая внимание на "обходительность и ласковость во нравах" казахских девушек, отмечал, что женщины-казашки "к воспитанию детей весьма способны" [20, с. 122]. А. И. Левшин также писал: "К трудолюбию киргиз-казачки присоединяют свойственные полу их добродушие, чадолюбие и сострадательность" [11, с. 254].

Таким образом, благодаря обширной историографии, было выяснено, что между двумя кочевыми народами немало схожих черт в культуре, традициях и обычаях. В некоторых случаях они даже идентичны, это касается национальных игр, свадебных ритуалов и различных первичных верований.

Все это свидетельствует о тесных, обширных и многовековых контактах двух социумов.

ГЛАВА 3

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВУХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ СВЯЗЕЙ ХАНСТВ ВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ И КАЗАХОВ

Взаимоотношения между народами занимают особое место в истории разных государств, именно они влияют на развитие политики, экономики и культуры всех народов.

В данной главе рассматривается история связи казахов с калмыками, которые отделились от основной массы джунгар, перекочевали с территории Западной Монголии на побережье Волги. Это была одна из ветвей джунгар – торгоуты, которых их новые соседи стали называть калмаками. Казахские историки полемизируют, хотя и не публично, являются ли волжские калмыки джунгарами? Появлению такого вопроса способствовали чрезмерная отдаленность двух образований; стремление владетелей волжских калмыков к обособленности; присуждение Аюке Далайламе титула "хан" и т. д. Между тем исследования историков доказывают, что это единый народ, более того, – единое государство. Предводитель торгоутов непосредственно участвовал в выработке и принятии единого уложения "Их Цааз". Вплоть до падения Джунгарии волжские калмыки руководствовались этой своеобразной конституцией джунгарского государства. Несмотря на отдельные самостоятельные шаги в политике, калмыцкие владетели не стремились к сепаратизму. Более того, калмыцкий народ и его правители всегда считали себя частью Джунгарии, стремились объединиться на исторической родине, что, в конце концов, и привело к воссоединению. Волжское ханство калмыков является составной частью Джунгарского государства, поэтому отношения казахов с волжскими калмыками рассматриваются нами как часть казахско-джунгарских связей.

Здесь необходимо обратить внимание на исследование происхождения этнонима "калмык". В источниках встречается несколько версий по поводу данного названия. Например, акаде-

мик В. В. Бартольд в статье "Калмыки" высказал мнение: "Калмыки – тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой – ойраты". В Средней Азии тюркоязычных телеутов называют "белыми калмыками" (ақ қалмақ), а собственно западных монголов – "черными калмыками" (қара қалмақ). Это слово выводится (вероятно, только в народной этимологии) от глагола "калмак" – "оставаться"; оно будто бы обозначает "оставшихся язычниками ойратов в противоположность "вернувшимся" (гаагал донмек)" вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски)" [160, с. 538]. То есть, по Бартольду, ойратов стали называть калмыками по их верованию, религии.

В найденных нами архивных материалах, в работе "Происхождение и значение слова "калмык" как этнического термина", ее автор, профессор Н. Н. Пальмов, определяет происхождение термина "калмык" следующим образом: "Этот термин (калмык) – прозвище, что означает "отставший, отсталый", впервые был введен в лексический оборот сибирскими татарами и от них перешел к русским"[161]. Вследствие взаимоотношений с новыми соседями некоторые народы меняли свое название и носили тот термин, или этноним, который давали ему соседние народы. Именно это произошло с калмыками-торгоутами (ойратами). Что касается названия "калмык", то автор отмечает: "Примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и тогроутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрат. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку, а думают, что их так назвали россияне, но в самом деле видно, что сие слово "калмык" произошло из языка татарского, ибо татары называют их калмак, что значит "отсталые", или "остальцы" [161].

По поводу этого названия высказал свое мнение и Ц. Д. Номинханов в статье "Происхождение слова "калмык". В ней он в целом поддерживает известную точку зрения на данный этноним, устанавливает также время появления слова "калмык" и, что особенно интересно, высказывает сожаление, что это слово заменило собой действительный этноним народа "ойрат-монгол": "Таким образом, устанавливается, что слово "калмык" (калмак) появилось в связи с распространением религии ислама среди уйгуров и других, населявших Восточный Туркестан. С тех пор ойрат-монголы получили от своих соседей – тюрков – прозвище

"калмык" (калмак) с элементом презрения, данные, конечно, их недругами. Только потому, что ойрат-монголы не приняли исламизм, а остались шаманистами или буддистами... В истории некоторых народов Союза известны такие факты, когда они после Великой Октябрьской социалистической революции заменяли этноним своего народа. Так, например, дореволюционные сарты стали называться узбеками, минусинские татары стали хакасами. Следовало бы и калмыцкому народу последовать поучительному примеру этих народов, заменив этноним "калмык" (хальмг) древним своим этнонимом "ойрат-монгол", подобно как "бурят-монгол". В жизни мы имеем такие факты, когда в 1936 г. в Синьцзяне на съезде народов официально запрещено монголов называть калмыками" [70, с. 100–102].

Таким образом, можно сделать вывод, что термин "калмык" был дан калмыцкому народу его тюркоязычными соседями. И, конечно, корни этого термина были в том, что казахи, татары, ногаи и другие народы не понимали иных обрядов и обычаев новых соседей, которые к тому же придерживались другой, ламаистской, религии. Как мы видим, название "калмык" настолько прочно закрепилось за этим народом, что впоследствии стало собственным этнонимом, или самоназванием ойратов.

Что касается времени появления данного этнонима, то калмыцкие историки, и в частности Ц. Д. Номинханов, приходят к такому выводу: "Судя по данным истории этого народа, слово "калмык" появилось в период между XIV–XVII веками н. э. в Джунгарии. В данном случае мы исходим из того факта, что слова "калмык" и "ойрат" синонимичны. Они обозначают одно понятие, они – этнонимы одного и того же народа" [70, с. 101]. Этой же точки зрения придерживается и У. Э. Эрдниев: "Калмак происходит от тюркского слова "кал" – оставаться, быть в остатке, сохраняться, оставаться на месте, пребывать, оказываться позади. Начиная со второй половины XVI в., ойраты, перекочевавшие на подвластные России земли, неизменно называются калмыками. Те ойраты, которые остались в Джунгарии, именуются "зюнгары"... Конечно, новый этноним не мог прочно утвердиться за одно десятилетие. Прошло длительное время, пока он закрепился, вошел в сознание народа. Процесс формирования калмыцкой народности в степях Нижнего Поволжья, Прикаспия и Предкавказья занял почти два столетия (конец XVI – середину XVIII в.). Принятие приволжскими ойратами этого имени является свидетельством того, что процесс сложения и формирования калмыцкой народности в

основном завершился. Само название "ойраты" было полностью вытеснено названием "калмыки" [72, с. 92, 93].

История калмыков-торгоутов и их взаимоотношения с соседними народами, а особенно с казахами, представляют большой интерес для науки. Сведения об этом встречаются в различных источниках, однако трудов, целиком и полностью освещающих данную проблему, к сожалению, нет. Наша основная задача – осветить ход изучения истории взаимосвязей казахов и калмыков, уделить внимание тем исследованиям, в которых отмечаются мирные взаимосвязи и взаимоотношения. Это особенно важно, если вспомнить, что торгоуты являлись одной из главных ветвей ойратов.

"Казахский фактор" в расселении калмыков-торгоутов на р. Едиль

Так как одновременно и казахская орда напала на калмыков, то калмыки оказались окруженными двумя врагами и, по всей вероятности, были бы разбиты, если бы дорога к ...русским пределам не дала им возможности спастись.

Г. Ф. Миллер

По мнению некоторых исследователей, основными причинами, которые побудили торгоутов отделиться от ойратов и перекочевать во владения России, были нехватка земель для народа, численность которого увеличивалась, и нежелание главных нойонов-владельцев подчиняться джунгарским хунтайджи. Главой торгоутов в то время был Хо-Урлюк. В конце XVI в., как пишет И. Я. Златкин: "Ойратское феодальное общество находилось в состоянии кризиса. Выход из него мог быть найден лишь путем преодоления раздробленности и разобщенности... Образование единого ойратского государства было объективной необходимостью. Без такого государства у ойратских феодалов не было шансов отстоять свои владения и расширить пастбищные территории, следовательно, хозяйство ханов и князей не могло развиваться, а их многочисленные отпрыски – получить желаемое наследство. В создавшейся обстановке появились деятели, способные возглавить борьбу за преодоление кризиса... Что касается расширения пастбищных территорий, то выход был найден в конечном счете в откочевке ряда владетельных князей и подвласт-

ного им ойратского населения в новые районы, овладение которыми требовало минимальных потерь и жертв. Такими районами оказались для одних князей низовья Волги, для других – степи Кукунора" [31, с. 73, 74].

Казахстанский историк В. А. Моисеев главную причину перехода калмыков на побережье Волги видит в междоусобных стычках между калмыцкими племенными вождями: "Это было стихийное движение ойратов в тех направлениях, где сопротивление оказалось наименьшим, где были условия для кочевого скотоводства, и продиктовано оно было обострением межфеодальной борьбы за власть и земельной теснотой, вызванной ростом численности стад, уменьшением территории вследствие наступления на Джунгарию восточных монголов" [79, с. 78]. Данное мнение поддерживает и калмыцкий историк А. Г. Митиров: "В 1625 году произошли крупные разногласия между нойонами. Крупнейшие из тайш разбились на две партии, между которыми происходили кровопролитные настоящие сражения. В результате этих междоусобных войн Хо-Урлюк свое внимание обратил на запад. Калмыки двинулись на Эмбу" [93, с. 95].

Выше мы отмечали, что исследователи Г. Ф. Миллер и И. Е. Фишер считали, что именно "казахский фактор", а также действия восточных монголов во главе с Алтын-ханом играли важную роль в перемещении калмыков на запад. Эту мысль высказывает и исследователь С. А. Козин: "Причины продвижения ойратов из Джунгарии на запад представляются более сложными, чем это обычно полагают. Территориальная стесненность вызывалась не только внутренними причинами, но и прежде всего давлением извне. Со стороны старинных врагов ойратов: монголов и кыргызов (казахов. – *С. Е.*)" [57, с. 12].

Есть и противоположное мнение, высказанное И. Бичуриным: перекочевка была маневром джунгар для взятия казахов в окружение: "...ойраты без кровопролития приобрели господство над обширными странами в Азии от Алтая на запад до Каспийского моря, на юг до пределов Индии... замыслили восстановить древнюю Чингисханову империю в Азии, и начало, увенчанное столь счастливым успехом, много обещало им в будущем" [18, с. 65].

Сведения подтверждают, что первые связи ойратов с русским правительством начались с конца XVI в., в разное время принимали то воинственный, то мирный характер. Об этом говорится в книге "Международные отношения в Центральной Азии. XVII–

XVIII вв.", в грамоте из Приказа Казанского дворца от 1608 г.: "И в нынешнем во 1608 г. сентября в 21 день приехали в город Тару литвин Болдак Бойкач с товарищи, а с ним приехали на Тару от калмацких от 5-ти тайшей, от Баатыря-тайши, в посольстве к нам 4 человека. А сказали им в распросе, что послали их калмацкие тайши Унгинай-тайша, Баатырь, да Иченей, да Урлюков (Хо-Урлюк) Шевчей, да Урухту к нам, великому государю, бити челом, чтобы мы их пожаловали, воевать их не велели и велели им быти под нашею царскою высокою рукою, и кочевати вверх по Иртышу к соляным озерам и по Камышлову, и от Алтын-царя, и от Казацкие орды велели их оберегати" [7, с. 32].

Источники свидетельствуют, что подобные прошения о подданстве ойратские владельцы присылали не раз. Царское правительство было не прочь иметь под рукой эти воинственные племена. Однако ойраты, присягая на верность России, в то же время сами часто нарушали эту присягу. Нападали то на подвластных русским ногайцев, татар и других народов, то на русские города и вместе с тем убивали послов, которые прибывали в их улусы для переговоров о присяге. Как пишет С. К. Богоявленский: "К Урлюку из Тары были отправлены послами казах и татарин, которые должны были передать тайше, что его люди отнимают у ясачных татар под Тарой угодья, грабят и уводят в плен жителей, и объявить, что если он не примет подданство царя, то пусть уходит подальше от русских волостей и от соленых озер. Послы обратно в Тару не вернулись, и впоследствии в улусе Урлюка нашли обрывки одежды, седла и сумки послов. Стычки калмыков с татарскими ратными людьми продолжались, окончившись, повидимому, не в пользу калмыков. В 1607 г. 200 казахов и литовцев получили награды за калмыцкую службу, причем особенно щедро были награждены 59 человек, которые "убили по мужику и которые были ранены", следовательно, стычки были кровопролитные". Далее он продолжает свою мысль: "Московское правительство, ослабленное волнениями начала XVII в., не могло выставить достаточной военной силы против калмыков, боялось их нашествия, верило их шерти или, по крайней мере, делало вид, что верит, и закрывало глаза на такие факты, как убийство царских посланцев в улусе тайши Урлюка" [58, с. 52, 53].

Отношения калмыков с народами, по территории которых они передвигались к низовьям Волги, были сложными. От стычек они переходили к более сложным военным действиям. Ярким доказательством передвижения калмыков-торгоутов на тер-

риторию современного Западного Казахстана являются сведения, которые сообщил Д. Ливкин в своем отчете: "На одном из могильных камней близ могилы Тамлы-баба удалось разобрать надпись на туркменском языке:

Дуюнынь уркашина
Коюнунь куйрагына
Кунынинь сазайына.

За их страсть к жирным горбам верблюдов и жирным курдюкам баранов они получили возмездие. Этот памятник, по словам туркмен, относится ко времени нашествия калмыков. Предупрежденные об угрожающей опасности туркмены, не желая уступить калмыкам своего имущества и бросить свои кочевья, вступили в бой с сильнейшим врагом и были перебиты" [162, с. 35].

Как известно, Большая Ногайская орда в начале XVII в. находилась на грани упадка. К ее ослаблению вели распри среди владельцев, которые не могли препятствовать завоеванию их земель калмыками. "Уже во втором и третьем десятилетиях XVII в. калмыки совершили несколько коротких налетов из-за Яика на ногайские улусы, и каждый раз Большие ногаи в страхе перед грозной для них силой, бороться с которой они были не в состоянии, откатывались за Волгу", – пишет И. Я. Златкин [31, с. 85].

Большое влияние имело передвижение калмыков-торгоутов и на казахов. Об этом сообщает в своей диссертации С. И. Ажигалиев: "Упадок во второй половине XVI в. Ногайской Орды способствовал ускорению процесса консолидации казахских племен Западного Казахстана и формированию в этот период родоплеменного костяка Младшего жуза... К концу XVI – началу XVII в. намечается некоторая стабилизация этнической территории казахских племен и родов в Западном Казахстане – кочевники-казахи расселяются на обширных пространствах Северного Приаралья, долины р. Эмба, Северного Устюрта, Бузачи и Мангышлака по соседству с мангытами, каракалпаками, башкирами, туркменами. Однако важные в социально-экономическом и этноисторическом отношении процессы были приостановлены перекочевкой из далекой Джунгарии масс калмыков-торгоутов. Отдельные группы калмыков появляются в Западном Казахстане достаточно рано... Пребывание калмыков здесь оставило свой след в топонимии Мангышлака – это название местностей "ордек суы", Онды от имени становищ Хо-Орлока и военачальников Даян Омбы и Дундук Омбы. В целом же следует отметить, что основная мас-

са торгоутов в XVII в. расселилась в Северном Прикаспии – в низовьях Волги и Яика. Вторжение торгоутов, а также постепенное усиление Джунгарского ханства на Востоке вынудили казахов Младшего жуза откочевать в начале XVII в. в Приаралье, низовья Сырдарьи" [163, с. 148].

Из этого следует, что передвижение калмыков-торгоутов оставило значительный след в истории казахов Младшего жуза. Как мы видим, перекочевка ойратов в низовья Волги, на территорию ногаев, была большим потрясением для народов, которые обитали в тех степях. Разобщенность и разлад среди владельцев помогали калмыкам-торгоутам продвигаться по их землям, подчинять их себе, захватывая скот и имущество.

Нужно отметить, что в то время данное событие и для самих ойратов имело решающее значение. Процесс передвижения продолжался несколько десятков лет и был вынужденной мерой. Ойраты пошли на расставание с родной землей и отрыв от своего народа ради выживания и сохранения своих интересов, целей, ради будущего. Отделение ойратов и их уход ослабили Джунгарское ханство изнутри, уменьшили численность его населения. Сведения об этом встречаются у И. Я. Златкина: "...откочевка на Волгу большинства торгоутов и части дэрбэтов уменьшила численность ойратского населения Западной Монголии, по данным источников, примерно на 50 тыс. семейств, что составило, предполагая среднюю семью в четыре человека, не менее 200 тыс. человек... Это не могло, конечно, не ослабить молодое, еще только складывающееся ойратское отдельное государство" [31, с. 108].

О передвижении калмыков в книге статского советника В. М. Бакунина "Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев" сообщается: "В 1630 году торгоутский главный владелец, именуемый Хорлюк, имея у себя шесть сынов и подданных своих улусных калмык пятьдесят тысяч кибиток, за ссорою с хошоутскими и с зенгорскими калмыками от Алак-Ула откочевывая к реке Волге и идучи завоевал за рекою Эмбою татар, джембуйлук и именуемых. А пришед к Волге, покорил себе Большого и Малого Нагая татар же, называемых Катай Капчак, Мали Баш и Джетысан" [15, с. 22].

Калмыки-торгоуты, таким образом, окончательно расселились в степях между Волгой и Яиком, Эмбой в 30-х гг. XVII века. Сведения об этом встречаются в "Родословной Туркмен" Абулгази: "В 1040 году (1630–1631 гг.) с северной стороны из иля кал-

мыков прибыло десять тысяч кибиток – имя их государя Орлок – и поселились в юрте мангытов. В настоящее время в 1071 году (1660–1661 гг.), в год Мыши, этот юрт называется Калмыцким юртом" [164, с. 44, 45].

"Отделившись около 1621 г. от ойратского союза, Хо-Урлюк первоначально располагался кочевьем по берегам рек Оби, Иртыша и Тобола, но и здесь не мог найти покойного убежища для себя и подвластных ему торгоутов. Теснимые с одной стороны киргиз-кайсаками, давшими им название калма, калмак, калмаклыкъ (отсталый, отделившийся), с другой стороны – своими же соплеменниками Хара-Хулы и сына его Эрдени-Батырь-Убуши, желавших подчинить их своей власти, торгоуты вынуждены были искать более удобное пристанище для своего кочевья", – сообщает главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор К. Костенков в своем труде "Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии" [165, с. 3].

Так, начиная с первых десятилетий XVII в., в составе Российской империи образуется Калмыцкое ханство. Его основным составом были ойратское племя торгоуты и некоторая часть дербетов и хошаутов. Во главе ханства стоял Хо-Урлюк, который подчинил себе народы захваченных им земель. В то время царское правительство, хоть и покорило земли Сибири, но еще не успело построить там достаточно укреплений, чтобы противостоять калмыкам. В первое время между русскими и калмыками происходят стычки и бои за распространение своего влияния на данные территории. Но затем Россия, оценив боеспособность калмыков и их умение воевать, понимает, что они могут принести ей пользу в отношении укрепления южных границ и использовании новых подданных в защите данных рубежей от казахов, крымских народов, турок, черкесов и других.

Отношения калмыков-торгоутов с туркменами затрагивает в "Очерках истории туркменского народа" академик В. В. Бартольд: "...отдел эрсарийцев, к которому принадлежали находившиеся в Мейхеме туркмены, носил название кызыл-аяк; эти туркмены жили прежде на Мангышлаке, откуда были вытеснены калмыками... В 1633–1634 гг. ногайцы были оттеснены калмыками за Волгу. Отношения между калмыками и туркменами не всегда были враждебны; в 1656 г. (год Обезьяны) калмыки по наущению туркмен совершили нападение на Астарабад" [160, с. 609].

Сведения о том, что туркмены находились в подчинении у калмыков, встречаются и в "Родословной тюрок" Абулгази:

"(1639 ж.), Манғышлақ түрікпені бұзылған екен. Жүз ой салып, олар да қалмаққа бағынышты болыпты. Қалмақтың патшасы менің келгенімді есітіп, жақсы кісілерін жіберіп, мені алып барды да, бір жыл сақтап, Үргеніште отырған өз халқымыздың еліне жіберді" [166, 190-б.].

✧

...(1639 г.) туркмены Мангышлака испортились. После долгих раздумий и они решили подчиниться калмыкам. Царь калмыков, услышав о моем приезде, направил лучших людей встретить меня, оберегать в течение одного года и направить к своему народу, который находился в то время в Ургенче.

О положении туркмен в Мангистау в начале и середине XVII в. также говорится в книге А. Кекильбаева под названием "Ұйқыдағы арудың оянуы": "XVII ғасырдың орта шенінде қалмақтар Орта Азияға жойқын жорықтар жасады. Солтүстік түрікмендер, қарақалпақ пен маңғыстаулықтар талауға түсті. Түрікмендер Маңғыстауды енді ғана қоныстандырмақ болғанда, қалмақтармен шайқасуға тура келді. Ақыры қалмақтарға түрікмендердің біраз рулары бағынып, бас иді де, өте жауынгер қызылаяқ, ерсары рулары қалмақтарға бағынбай, Балханға ауды" [167, 85-б.].

В середине XVII века калмыки совершали опустошительные набеги в Среднюю Азию. Северные туркмены, каракалпаки и мангышлакцы подвергались грабежам. Туркмены только начали осваивать Мангышлак, однако теперь им пришлось воевать с калмыками. Наконец часть туркменских родов подчинилась калмыкам, а наиболее воинственные племена ерсары, кызылаяк переехали в Балхан.

Из всего вышесказанного следует, что калмыки начали распространять свое влияние не только на территориях ногаев, татар и башкир, добравшись также до Мангышлака, к землям казахов, туркмен и каракалпаков.

В 1644 г. в ходе калмыцко-кабардинского сражения в бою погибает Хо-Урлюк. К власти приходит его сын Шукур-Дайчин. И во время его правления подвластные ему племена не прекращали своих набегов на русские поселения, несмотря на то, что калмыцкие владельцы несколько раз давали присягу на верность русскому царю. Приграничным властям приходилось укреплять города для защиты от нападений. Для предотвращения набегов была издана грамота из Сибирского приказа, в которой говорилось: "Писали есте к нам, что в прошлом в 154 году (1649 г.) в нашей грамоте писано в Тобольск к барину и воеводам к Салтыкову, велено выс-

мотреть того на крепко, как бы вперед калмыцких тайшей оттого отвесть, чтоб они на Тюмень послов своих ни о каких делах не присылали для того, чтобы им тюменьских мест и наших слобод не знать и воинской бы их приход на те наши слободы тем унять, а присылами б они, калмыцкия тайши, и о всяких делах послов своих с лошадьми и скотом в Тобольск" [7, с. 117].

Однако через год этот приказ был отменен, и калмыки получили разрешение торговать в Таре, Тобольске, Астрахани. В основном они торговали табунами лошадей и скотом, привозили на продажу пушнину. В обмен получали одежду, материалы для одежды и другие предметы домашнего обихода. Здесь представляют интерес замечания С. К. Богоявленского: "Помирившись с казахами, калмыки и с ними завели торговые сношения, хотя трудно представить, какими товарами обменивались эти два народа, у которых развитие производства стояло на одинаковой ступени. Велись торговые сношения и с Юргенчем, куда в 1636 г. вместе с послами Урлюка и Дайчина отправились калмыцкие торговые люди с лошадьми и скотом" [58, с. 89].

Таким образом, в начале XVII в. взаимоотношения казахов с калмыками претерпевали различные изменения. Как следует из источников, "казахский фактор" имел большое влияние на внешнюю и внутреннюю политику ойратов, поэтому изучение данного вопроса требует дальнейшего исследования.

Калмыцкое ханство и казахи в трудах исследователей

> *...ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизов обратить... а напротив того буде киргиз-кайсаки что делают, то на них калмык и башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения Российских войск.*
>
> Обер-секретарь Сената И. К. Кириллов

Изучение трудов исследователей показывают, что наибольшее развитие разнообразные взаимосвязи между двумя кочевыми народами получили именно в годы правления ханов Абулхаира и Аюке. О времени правления хана Аюке в Калмыцкой орде имеется немало сведений.

После смерти Шукур-Дайчина в 60-х гг. XVII в. торгоутами начал править его сын Пунцук (Мончак, Бунчук). Об этом в книге В. М. Бакунина встречается такое сообщение: "При его правлении пришел на Волгу и ему, Пунцуку, поддался хашаутов (ойратское племя) владелец Конделен Убаш в трех тысячах кибиток улусных своих калмык. Пунцук же старался двоюродных своих братьев улусами обессилить, а противного себе родного племянника Джалбу разбил и его самого поймал и отдал в Россию, а улусом его завладел. Он же, Пунцук, имел войну с зенгорцами и с прочими хошоутами и, не окончав оную, умер около 1669 года, поручало себе правление калмыцкого народа старшему сыну своему Аюке..." [15, с. 22, 23]. Мы попытались проанализировать его взаимоотношения с Россией, казахами, и остальными соседними народами. Несмотря на то, что Аюке-хан находился под протекцией Русского государства, он правил народом так, как будто он являлся его полноправным хозяином и правителем и старался не допускать царских чиновников к своим внутренним делам. При этом, проявляя внешнее уважение к царским властям, он пользовался всеми выгодами, которые давало ему его подданство в данное время.

Действительный член общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете Я. П. Дуброва в книге "Быт калмыков Ставропольской губернии" сообщает: "Калмыки хорошо понимали слабость московского правительства и, не сдерживаемые силой его оружия, являлись истинным бичом для своих соседей. Они нападали даже на воинственных горцев кавказских, разоряли их аулы. Присяга "в вечном послушании" в особенности оставалась мертвой буквой во время управления калмыцким народом знаменитого хана Аюка. Аюк-хан самовластно правил калмыцкой ордой около пятидесяти лет (1669–1724), отличался умом, хитростью, пронырливостью, умением пользоваться всеми обстоятельствами... Аюк-хан входил даже в сношения с крымскими ханами, принимал от них и посылал к ним своих послов; ходил со своим войском к берегам Черного моря – словом, он только фиктивно признавал свою зависимость от "Московского царства" [23, с. 47].

О взаимоотношениях Аюке-хана с Россией в книге А. Г. Митирова "Ойраты-калмыки: века и поколения" говорится: "В том же (1670-м) году Аюка вместе с боярином И. Богдановичем-Милославским, присланным из Москвы, принимал участие в подавлении восстания во главе со Степаном Разиным... Согласно ус-

ловиям шерти (подданства, принесенного в 1672 г.) калмыки в 1675 г. должны были идти на Крым. В поход пошел Мазан-батыр (калмыцкий батыр) с тысячью человек из разных улусов. Перелез Дюк и вместе с князем Каспулатом Черкесским и запорожским войском ходил на промысел на Крымские юрты через Гнилое море. В этом походе они побили многих крымских людей, пожгли села, деревни и взяли шатры и бунчуки (знамена)... За эту службу калмыкам была выдана грамота от 27 декабря 1675 г., в которой говорилось: "Калмыки в прежних походах с боярином и воеводой всегда бывали вместе до схода с неприятелями и до удара, а в отводе от неприятностей и до свершения службы никогда не бывали" [93, с. 102].

Самовольность Аюке-хана, а можно сказать, и его политика, независимость от России дошли до того, что от тибетского Далай-ламы он принял ханское звание. В то время у Тибета – центрального оплота такой религии, как ламаизм, в Монголии, Джунгарии и Калмыкии, были полномочия наделять верховных властителей данных государств внешними регалиями.

"За двадцать лет своей военно-политической деятельности он (Аюке-хан. – *С. Е.*) стал известен далеко за пределами своего ханства, имел огромный авторитет, с ним считались правители многих восточных стран, и в 1690 году Далай-лама прислал ему ханский титул, печать и грамоту. Он достиг зенита своей славы. Получив ханский титул от Далай-ламы, Аюка-хан чувствовал себя самостоятельным государем", – считает А. Г. Митиров. Это отмечает и Я. П. Дуброва: "Властолюбивый Аюк-хан – не так, как лукавый и трусливый Шункур-Дайчин, – не стеснялся открыто принять от Далай-ламы ханское достоинство со всеми присвоенными этому сану регалиями. Считая же себя полновластным ханом, он не обращал ровно никакого внимания на требования и угрозы московского правительства, что хотел, то и делал, где хотел, там и грабил, и разбойничал, и уводил в плен не только "магометан", но и русских" [23, с. 40].

Естественно, что такое положение дел очень не нравилось Российскому правительству, и оно несколько раз приводило к присяге калмыцкого хана. Все присяги хан Аюке исправно исполнял, но при этом продолжал свою политику самостоятельности. Понимая, что при недостаточности своих сил они не могут полностью подчинить себе властолюбивого калмыцкого хана, русские цари стали использовать его как можно больше в своих целях.

"Аюка, увлеченный воинственными успехами, несомненно, все это время мечтал о самостоятельности своего ханства и иног-

да высокомерно относился к русским воеводам в сношениях с ними, при случае грабил русские села, но нельзя отрицать, что он много оказал услуг русскому правительству" [93, с. 87].

"Петр Великий сразу оценил Аюку и хотя знал о его сношениях с Тибетом, тем не менее, вошел с ним в дружбу и, уезжая за границу в 1697 г., отправил к нему посольство и просил охранять русские пределы. Поручая эту охрану, проницательный Петр понимал, как это льстило честолюбивому хану и как ревностно будет наказано всякое посягательство на русскую границу. Со своей стороны Петр обязался снабжать Аюку пушками, порохом и свинцом. Написан был договор", – так высказывается Г. Прозрителев в книге "Военное прошлое наших калмыков. 1812–1912" [159, с. 20, 21]. Эта тема нашла продолжение в книге Р. Г. Кузеева "Народы Среднего Поволжья": "Кочевья калмыков играли роль заслона на южных рубежах России, защищая ее от внезапных нападений войск турецкого султана и крымского хана. Калмыцкая конница, начиная со второй половины XVII в., участвовала почти во всех войнах, которые вела Россия: северных, русско-турецких, Персидском походе и т. д. Боевые качества калмыцкой конницы после каждого похода отмечались особыми указами и подарками русских царей. Но если калмыцкая аристократия, особенно та ее часть, которая уже была включена в российское дворянство, верой и правдой служила царизму, то калмыцкая беднота активно участвовала в классовых битвах совместно с русскими крестьянами. Так было во время восстаний под руководством К. Булавина, С. Разина, Е. Пугачева" [155, с. 275].

Участие калмыков в боевых действиях, затеянных Россией, приносило ей немалые выгоды. Русское правительство прежде всего было заинтересовано в Калмыцком ханстве как в поставщике военной силы. Заметка об этом встречается в "Очерках Калмыцкой АССР": "Забота об этой силе, об условиях ее бесперебойного использования в интересах империи лежала в основе всей политики правительства" [75, с. 209].

Эту мысль поддерживает и И. В. Ерофеева: "В конце XVII в. престиж Аюки внутри Российской империи заметно повысился и укрепился. Начиная с 90-х гг., калмыцкий хан постоянно поставлял по требованию царского правительства вооруженные отряды калмыков для боевых кампаний России на западе и юго-востоке страны. Благодаря этой военной поддержке и высоким боевым качествам калмыцкой конницы, проявившимся во многих крупных сражениях, включая Северную войну и Азовские походы

Петра I, Калмыцкий хан вошел в доверие к царю, и между ними установились тесные сателлитные отношения. В этой связи российские власти решились легитимировать социальный статус Аюки, и в 1709 г. специальным указом царь утвердил за ним титул Калмыцкого хана" [87, с. 62].

В ответ на охрану границ русские власти давали свои войска для защиты калмыков от набегов враждебно настроенных народов. Но, тем не менее, мы решили отметить наиболее невыгодные для калмыцкого народа стороны. Во-первых, на полях битвы за русские интересы гибло немало калмыцких воинов, во-вторых, на войну уходила наиболее работоспособная и молодая часть населения. Все это, конечно, сказывалось на демографическом состоянии и численности населения. К тому же озлобленные частыми нападениями и грабежом калмыков соседние народы сами предпринимали ответные набеги.

Для нашей работы наибольший интерес представляют взаимоотношения Калмыцкого ханства с джунгарами и влияние этих отношений на связи с Казахским ханством. Выше мы отмечали, что Пунцук, отец Аюке-хана, воевал с джунгарами и хошоутами и, не окончив войну, умер в 1669 году. Причиной этих военных действий была борьба за власть. Эстафету этой борьбы принял и Аюке-хан, чьи связи с Галданом-Бошокту-ханом были неблагоприятными. Суть была в том, что к Аюке стали перекочевывать те, кто не принимал новую власть и не хотел подчиниться Галдану, который сел на трон в 1671 году.

Этим событиям большое внимание уделяет И. Я. Златкин: "Разгром Чохур-убаши и Очирту-цецен-хана окончательно развязал руки Галдану, превратил его в единственного "первенствующего" члена ойратского чулгана. Но победа далась Галдану нелегко. Некоторые владетельные князья, опасаясь нового хана Джунгарии, предпочли покинуть родные кочевья и уйти на Волгу или в Кукунор, где к тому времени окрепли ойратские ханства, во главе которых стояли потомки Хо-Урлюка и Гуши-хана. Так, в 1672 г. на Волгу прикочевали хошоутский Хундулен-убаши и дэрбэтский Соном-Церен-Тайджи со своими улусами. В 1678 г. туда же прибыла Доржия-Рабдан, жена Очирту-Цецен-хана, и родная сестра Аюки-хана, правителя калмыцкого ханства на Волге. Галдан потребовал, чтобы Аюка вернул бежавших, но он не подчинился. Вопрос о беглецах стал яблоком раздора между Галданом и Аюкой, их отношения резко ухудшились. И если у Аюки с Галданом-Бошокту-ханом не сложились отношения, то

с преемником Галдана Цеван-Рабданом установились дружественные и родственные связи" [31, с. 168].

В первой главе говорилось, что причиной войны между Цеван-Рабданом и Тауке-ханом было нападение последнего на караван, который вез сын Аюке-хана, сопровождавший свою сестру. Она должна была стать женой Цеван-Рабдана. Об ответном шаге на это проявление родства джунгарского хана пишет В. М. Бакунин: "1697 года привезена из Зенгории в торгауты сговоренная за Аюкина меньшего сына Гунделена двоюродная сестра зенгорского владельца Хонтайши Дарма-Бала. И понеже пред тем Аюкины жены-калмычки (Чакдоржапова, Сажипова и Гунделенова мать Эренцен и Гунжепова мать Уанджал) померли... И для того он, Аюка-хан, женился на вышеописанной зенгорке Дарме Бале, от которой напоследи имел трех сыновей..." [137, с. 27]. В будущем Дарма Бала будет играть значительную роль в Калмыцком ханстве и устанавливать разносторонние связи как с джунгарскими, так и с казахскими владетелями.

Действия казахских владельцев на нападения джунгар в 1698 г. комментируются в монографии В. А. Моисеева "Джунгарское ханство и казахи": "В ответ на вторжения джунгар в 1698 г. казахские феодалы сами организовали несколько нападений. В 1702 г. казахские дружины практически одновременно нанесли удар по Джунгарии и волжским калмыкам... Спустя год стороны попытались договориться о прекращении военных действий. Имеющиеся данные свидетельствуют, что инициатива исходила от казахских правителей. Сведения о том, состоялась эта встреча или нет, источники умалчивают. Однако в последующие несколько лет крупных столкновений военных между казахским ханством и Джунгарией не было" [79, с. 65]. Из этого следует, что и с волжскими калмыками у казахов не было взаимных нападений в данное время.

Между Калмыцким и Джунгарским ханствами после смерти Галдана установились мирные связи. Однако эти связи иногда нарушались переходами ойратов в то или иное ханство во время междоусобиц. "В 1701 г. среди волжских калмыков вспыхнули феодальные усобицы. На этот раз произошло столкновение между Чакдоржапом и Санжипом с одной стороны, и их отцом, Хакон Аюкой – с другой. Сторону отца принял другой его сын Гунжап. После вмешательства царских властей конфликт был улажен, Чакдоржап помирился с отцом и вновь возвратился с Яика на Волгу" [137, с. 63]. Что касается поведения его брата, Санжи-

па, то об этом в путевом журнале И. Унковского имеются такие сведения: "Тогда брат его Санжип с некоторыми их же роду владельцами и с улусами в 15000 кибитках, отстав от Чакдоржапа, отошел к зенгорскому владельцу Хонтайши, за которым была в замужестве Аюкина дочь, а его, Санжипова, родная сестра Сетерджап, а Хонтайша по принятии их к себе все их улусы рассовал по своим зенгорским улусам. А Санжипа с семью человеки отпустил к хану Аюке, который дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он, Санжип, и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке" [14, с. 87].

"Брат Чакдоржапа – Санжип с 15 тысячами кибиток улусных своих людей откочевал в Джунгарию к Цевон Рабдану. Хотя по пути его хотел завоевать очень энергичный казахский хан Тявка (Тауке), но Санжип пробился с боями и достиг Джунгарии", – подчеркивает А. Г. Митиров [93, с. 102].

В первой главе отмечалось, что главной целью во внешней политике Цинской империи было уничтожение Джунгарского ханства и присоединение ее земли к своей территории. Существование возле ее границ могущественных кочевников, их самостоятельной, независимой политики и курс ее правителей на усиление военного потенциала страны вызывали опасения при маньчжурском дворе. При этом цины стремились к тому, чтобы ни Казахское, ни Калмыцкое ханства в случае войны не оказывали бы военной помощи джунгарам. Более того, они пытались склонить их на совместную борьбу с Джунгарией. Итак, взаимоотношения казахов и калмыков с Цинской империей в XVII–XVIII вв. играли немалую роль в их действиях с джунгарами. Жангир-хан и хан Тауке активно участвовали в политической жизни Центральной и Средней Азии и небезуспешно присоединяли к своему государству присырдарьинские города, боролись за кочевья Семиречья с ойратами. Поэтому Казахское ханство в этот период являлось серьезной политической и военной силой, с которой России и Китаю приходилось считаться. Ведя борьбу с Джунгарией за гегемонию в Центральной Азии, Цинская империя не раз пыталась запугать ойратов казахской угрозой. В 1715 г. цины двинули против ойратов свои войска, так как именно в это время им стало известно о неудачах ойратов в войне с казахами. Развязав войну, Цинская империя пыталась изобразить себя "защитником" и "избавителем" Центральной Азии от ига ойратов. Здесь их расчет был прост: побудить казахов к борьбе с джунгарами и раздробить силы последних. Что

касается России, то цины стремились не допустить сближения русских и джунгар. Это было важнейшей их задачей на протяжении десятилетий. Как раз в начале XVIII в. началось обострение отношений между джунгарами и русскими властями за обладание сибирскими и центральноазиатскими территориями, что было на руку Китаю. Противодействия между Джунгарским ханством и Россией пробудили в Цинской империи надежду привлечь в свой лагерь Калмыцкое ханство.

Как известно, основным верованием ойратов является ламаизм, а центром их религии – Тибет (Лхаса). В XVII–XVIII вв. Тибет был теократическим государством, распространяющим религию ламаизма, одной из ветвей буддизма. Его влияние на страны, придерживающиеся этой религии, было велико. И джунгары, и калмыки часто ездили в Тибет для поклонения святыням буддизма. Джунгарские и калмыцкие князья отправляли в Лхаси своих сыновей для приобщения к святому званию и приобретения знаний. Правитель Джунгарского ханства Галдан-Бошокту-хан раньше был гелюнгом (монахом), которого его отец Батур-Хунтайджи отдал в ученики Далай-ламе. После убийства своего брата Сенге, который сел на трон после смерти своего отца, Галдан решает взять власть в свои руки. В этом ему помогли огромная поддержка и помощь Далай-ламы, который хотел установления в Джунгарии теократической власти. Нужно отметить и то, что в руках Лхасы были полномочия раздавать регалии ханской власти. Сам Аюке после принятия этих регалий стал полновластным ханом Калмыцкого ханства. "В 1698 году в Тибет для поклонения Далай-ламе было отправлено калмыцкое посольство во главе с двоюродным братом Аюки-хана – Рабджуром. Основной целью посольства было поклонение святыням, приобретение там священных книг и лекарств. После посещения Далай-ламы Рабджур поехал в Пекин засвидетельствовать свое посещение Лхасы и "верноподданническое" усердие" [93, с. 112, 113]. Китайский богдыхан решил воспользоваться случаем и использовать Рабджура в борьбе с Джунгарским ханом Цеван-Рабданом. Аюка-хан послал в 1712 г., с разрешения Петра I, новое посольство. Китайский двор решил использовать этот визит для ответного посольства к хану... Китайское посольство имело целью столкнуть Аюку-хана с Цеван-Рабданом, но, с другой стороны, за спиной хана стояла Россия [67].

Большой интерес представляют слова китайского посла Тулишеня Сибирскому губернатору М. Ф. Гагарину о цинской по-

литике по отношению к Цеван-Рабдану: "...должен я то вам объявить, что святейший наш хан есть государь весьма милосердный, что его величество по побеждению Галдана имел право и случай всю Зенгорию под свою державу взять, однако оставил ее в покое, мог крайне изнемогшего и вконец разорившегося Цеван Раптана вовсе искоренить, однако и руку не поднял, и еще оказывал к нему милость свою поныне. О сем Цеван-Раптане все сторонние владения знают, он от природы великий лукавец и обманщик, при сем неблагодарный и бессовестный, ему ни в чем нельзя верить. Наш святейший хан, милостивый государь, никогда войны не поднимает, никого без причины не трогает и ныне на Цеван-Раптана войска послал по крайней необходимости", – говорится в книге "Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюк-хану, с описанием земель российских" [16, с. 55].

Подробное описание этих событий встречается в статье А. Шепелева и В. С. Мясниковой "Империя Цин и Россия в XVII – нач. XX в.": "Уже в 1712 г. из Китая было направлено к русскому подданному, кочевавшему в степях Прикаспия, калмыцкому хану Аюке посольство, которое должно было побудить его выступить против правителей Джунгарии в составе создавшейся Цинским Китаем антиджунгарской коалиции. Однако русские волости, менее всего желавшие занять активную антиджунгарскую позицию, которая могла бы быть выгодно использована Пекином, вели себя в отношении указанного посольства крайне сдержанно. Переговоры с цинскими дипломатами были проведены в Тобольске и в ставке Аюки. Заверения в дружбе, а также прямые предложения уступить России в случае успеха антиджунгарской коалиции часть земель Джунгарии не дали результатов. Единственное, на что могли рассчитывать в этой ситуации цинские власти, – это нейтралитет русских. Но этого было не так уж мало. Не добившись прямой поддержки у Аюки и у русских, но заручившись их нейтралитетом, цинские власти усилили давление на джунгарского хана. Результатом было изменение политики Цеван-Рабдана, который предпочел прекратить противодействие русским и даже обратился к ним за помощью. Петр I готов был склониться к принятию Джунгарии под покровительство России, для чего туда в 1722 г. был направлен с миссией капитан И. Унковский. Однако последовавшая за этим смерть императора Канси (Китай) удержала Джунгарию от союза с Россией" [67, с. 55, 56].

Нужно заметить, что, несмотря на явные неудачи склонить калмыков на совместную борьбу с Джунгарией, Цинская импе-

рия не оставляла своих попыток. Уже в январе 1731 г. в Москву прибыли китайские послы, где они так объяснили цель своего визита: "...оный отправлен от их Богдыхана с указом и с жалованием наследнику Аюки-хана торгоутского иже требования, чтобы он со своей стороны на зенгорских калмык чинил поиски и для вызову в их китайскую армию Хонтайшина сына, а настоящего тогда зенгорского владельца Галдан Череня, брата Лоузанг Шуна, и о немедленном оного туда отправлении просил усильно... И понеже хан Черен-Дондук (калм. хан) оному послу на его представления такой дал ответ, что он войск своих на зенгорцев послать без указу Е. И. В. не может, да и Хонтайшин сын Лоузанг Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но также без воли Е. И. В. на то поступить и с послом согласиться не мог, о чем он, хан Черен-Дондук, и к Е. И. В. доношение свое отправил", – такие сведения находятся в книге "Описание калмыцких народов..." [15, с. 67–70].

Сведения об этом встречаются и в доношении сибирского вице-губернатора А. П. Плещеева императрице Анне Иоановне: "...контайша де привел в такую конфузию китайцев, согнал и армии их многое число порубил и в таком страхе, что больше де нельзя, письменное ведомости взять ни от кого – только сами китайцы на Кяхте сказывают, да в оном же письме объявлено, что от китайского де двора послов посылают к нашим калмыкам и на границу прибыли, чтоб поднять калмык на контайщину... Того ради Тобольская канцелярия имеет опасения, чтоб по оному их китайскому подзыву волжские калмыки не возымели с китайцами тайно какой коррешпонденции и не поднялись войною без указу на зенгорского владельца Галдан Чирина или не прошли х китайцам в мунгалской степи и не произошло б с ним, зенгорским владенцам Галдан Чирином, от того ссоры. И ежели отныне волжские калмыки к спомоществованию Китайским войскам на зенгорского владельца Галдан-Чирина пойдут, и им способного, кроме того, что через Башкиры и Тоболского уезду пограничных слобод, и чтобы не учинилось сибирским пограничным местам какого разорения, того ради просил в. и. в. указу, дабы повелено было для вышеявленных опасностей прислать драгунские полки..." [7, с. 282, 283].

Надежда цинов поднять калмыков против родственных им джунгар, а также боязнь этого русских властей не сбылись. Калмыки оставались в своих степях и посылали войска только против близлежащих соседей и в основном по приказу царского правительства.

Взаимоотношения казахов и калмыков были воинственными, однако нужно отметить, что эти отношения перемежались мирными и дружественными связями. По поводу того, что Абулхаир, находясь в плену у Аюке-хана, оказался весьма внимательным наблюдателем, исследователь И. В. Ерофеева сообщает: "Вынужденно находясь в калмыцких улусах, Абулхаир имел возможность непосредственно наблюдать осуществленную Аюкой реорганизацию военного дела и системы управления среди волжских калмыков и при этом существенно расширить свой этнографический и геополитический кругозор. Служба в "придворном штате" у одного из самых лучших и авторитетных степных полководцев первой четверти XVIII в., широко известного далеко за пределами Заволжской степи, не прошла бесследно для смелого и интеллектуально одаренного юноши-чингизида. Военные походы Абулхаира в 1723–1725 гг. в улусы волжских убедительно показали, что он оказался очень способным учеником и уже через несколько лет после ухода от Аюки поражал... ближайших кочевых соседей... исключительным воинским мастерством" [87, с. 98, 99].

Широко известно, что 1723–1726 гг. в истории казахского народа остались самыми горестными и тяжелыми и получили название "Ақтабан шұбырынды". Кроме того, что казахи терпели бедствия от самих джунгар, на них беспрестанно нападали и волжские калмыки, башкиры, казаки и другие. Как говорил Букенбай батыр А. Тевкелеву: "...народ... разбилися и разселилися, когда зюнгарские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходим в другую сторону, а волжские калмыки... нападут, тогда они уже бегать и места себе не находили..." [8, с. 93].

В продолжение данной темы хочется отметить, что осенью 1723 г. к хану Аюке прибыл посол от Цеван-Рабдана с предложением о совместных действиях против казахов. Аюке обратился к царскому правительству с просьбой прислать ему войска, однако царское правительство не рекомендовало ему ввязываться в войну между Джунгарией и Казахским ханством. Военная обстановка в 1723 г. продолжала оставаться опасной для казахов на северо-западных территориях, несмотря на нейтральную позицию русских властей, не давших Аюке войск для нападения на кочевья казахов. Хан Абулхаир для предупреждения нападения калмыков на и без того обессиленные казахские земли сам подверг нападению территории калмыков. Сведения об этом встречаются у В. М. Бакунина: "Во время же кочевания и приближения его (Доржи

Назарова – племянника Аюке) к Волге, 21-го августа, нападали на улус сына его Лубжи киргис-казаки и, получа великую добычу, возвратились. И Доржи с войсками своими погнался за ними, а к губернатору Волынскому прислал нарочного с прошением о присылке к нему в помощь из Саратова пушек и войск..." [15, с. 42].

"Своевременно оценив сложившуюся летом 1723 года международную обстановку на северных и южных рубежах Казахстана, он (Абулхаир. – *С. Е.*) в августе того же года совершил во главе объединенного двадцатитысячного отряда казахов и каракалпаков быстрый марш-бросок из Приаралья на северо-запад казахских кочевий, чтобы нанести упреждающий удар по владениям калмыцкого хана Аюки, который намеревался по согласованию с джунгарским ханом Цеван-Рабданом оказать поддержку своему тестю боевыми действиями калмыцкой конницы на Южном Урале" [87, с. 130].

Обстановка на северо-западной границе все больше накалялась. Для калмыков возникла опасность потерять часть кочевий. "Набеги казахов на кочевья калмыцких тайшей были не случайными. Отъезд посла хана Аюки к Абулхаиру в конце августа 1723 года для переговоров о мире говорит о серьезности создавшегося положения, о том, что назрела необходимость предотвратить повторение дальнейших столкновений с казахами и обеспечить безопасность кочевий у Яика и Волги. Посол Аюки, отправленный для выяснения вопроса о мире, встретил на реке Темир (правый приток Эмбы) Абулхаира во главе большого войска их казахов и каракалпаков, в количестве 15 тыс. человек. При встрече с послом Абулхаир заявил, что "идет он воеватца с калмыками. А будет де с ним орда тысяч с 40", – так анализирует эти события на основе источников Н. Г. Аполлова [91, с. 174].

Как мы видим, Абулхаир не принял предложения о мире от хана Аюке. Встревоженные калмыцкие тайши неоднократно просили у царских властей военной помощи. И хотя помощь была, но ее было недостаточно. "Аюка, видимо, был в большом затруднении, судя по тому, что он сам настойчиво просил военной помощи у царского правительства, сообщив, что идет на калмыцкие улусы казахское войско в количестве 20 тысяч человек. В ответ на эту просьбу Волынский приказал послать военную команду и шесть эскадронов для охраны улусов тайши Аюки. Вскоре были получены сведения, что казахи разбили улусы Лекбая, состоявшие из двух тысяч кибиток, захватили большое количество скота и пленных. Оказывая военную помощь Аюке, Волынский наме-

рен был обеспечить оборону пограничной линии и не допустить перехода казахов за Яик на "внутреннюю сторону". Волынский, очевидно, был не осведомлен о связях Аюки с Джунгарией и о том, что хун-тайджи намерен был укрепить эти связи, посягая на кочевья в районе Урала и Волги" [43, с. 109]. В ходе военных операций, предпринятых Абулхаиром, угроза со стороны калмыков, которые были существенно ослаблены в ходе перечисленных нападений, отпала. Исчезла опасность соединения джунгарских и калмыцких войск, что намного облегчило задачу казахских воинов по освобождению родных земель от захватчиков.

19 февраля 1724 г. Аюке умер. Как заключает Я. П. Дуброва: "Он был одним из любимейших калмыцким народом ханов; память о нем и до сих пор еще не умерла, и народ прославляет его в своих сказаниях и песнях как героя, славу и гордость свою. Действительно – со смертию Аюка-хана умерла и слава калмыков и, разумеется, не воскреснет" [23, с. 40]. После смерти Аюке, опытного полководца, отношения между казахами и калмыками еще больше обостряются.

В советской историографии принято считать переломным моментом в войне с джунгарами 1727 год, а начало активной борьбы с ними датировать 1726 годом. Однако активное сопротивление завоевателями началось уже с 1724 года. Подтверждение этому мы находим в одном из сообщений Ф. Беневини "Шоно-Лаузан через войну с Абулхаиром-ханом город Туркестан взял было и 32 улуса, но потом он, Абулхаир-хан, соединясь с казаками, паки чрез войну в Туркестан пришел и содержит даже и доныне паки в своем владении" [79, с. 78].

Но через некоторое время ввиду превосходящих сил джунгар казахам пришлось оставить Туркестан, Ташкент и другие селения. Непосредственным результатом этого отступления было то, что на северо-запад и север Казахстана хлынула новая волна беженцев из числа казахов и каракалпаков. Все это, конечно, вновь привело к обострению взаимоотношений казахов с волжскими калмыками, башкирами и казаками. Началась ожесточенная борьба за пастбища, за выживание. В книге В. М. Бакунина встречаются сведения, что осенью 1726 г. в калмыцкие улусы (улус Лубжи-Доржи Назарова сына) приходили казахи Средней Орды во главе с Семеке-ханом, Барак-султаном и Младшей Орды во главе с ханом Абулхаиром и султаном Есимом численностью в 10 тыс. человек. Разорив улус, они взяли в плен оставшихся в живых, а их жен, детей и скот взяли в добычу [15, с. 58].

Ставший наместником хана после смерти Аюке его сын Черен Дондук, брат Галдан Данжин, Шакур-лама (верховный лама Калмыцкого ханства), Тайши Доржи Назаров, Дондук Омбо, Дондук Даши с войском в 20 тыс. человек направились в погоню. Казахи, видя их превосходящую силу, поспешно построили вал и стали отстреливаться. После четырех суток осады обе стороны наконец решили мирно договориться. Казахи и калмыки договорились на таких условиях: казахам оставить их оружие и лошадей, а жен, детей и весь скот возвратить. Самым существенным решением было то, что обе стороны условились не чинить никаких нападений и набегов друг другу и мирно жить столько лет, когда в то время родившийся младенец будет в состоянии ездить на лошади и владеть садаком. В этом и присягнули ханы и владельцы обеих сторон. Сверх этого калмыки взяли от казахов в аманаты шестьдесят человек, в их числе батыров Есета, Букенбая и других. Примечателен тот факт, что в заложниках были оставлены лица, наиболее отличившиеся в джунгаро-казахских войнах. Однако этот договор не смог полностью ослабить напряжение в казахско-калмыцких отношениях. Через два года, в ноябре 1728-го, Семеке – хан Среднего жуза – направил к калмыкам посольство для мирных переговоров. В декабре произошло взаимное примирение сторон. После мирного договора между казахами и калмыками наступило временное затишье.

Наступает 1730 год, коренным образом изменивший историю казахского народа. Вступление Младшего жуза под началом Абулхаира в подданство России имело далеко идущие последствия. Эта проблема широко освещалась в дореволюционных источниках и в печати сегодняшнего времени (А. И. Левшин, Н. Г. Аполлова, В. Я. Басин и др.). Главное значение для нас имеет не сама история присоединения, а именно влияние Калмыцкого ханства на это грандиозное событие. Как мы раньше отмечали, хан Аюке, хотя и находился в подданстве России, тем не менее старался проводить независимую политику. Само поручение Петра I Аюке задачи охраны южных рубежей России и предоставление ему боеприпасов, пушек, орудия и войск для защиты границ имели в глазах его соседей большой вес. Для соседних государств не остались незамеченными связи Аюке с различными государствами, не находящимися в подданстве России, его победоносные походы на близлежащие территории, покорение татар, ногаев и туркмен, словом, его самостоятельная власть. Немаловажное значение имели и защита русским правительством калмыцких улусов от напа-

дений, а также доверие Петра I калмыцкому хану и его обещание при встрече в 1722 г. назначить наследником его сына – Черен-Дондука. Все это, конечно, было вынужденной политикой России, которая в тот момент не имела достаточных сил для охраны своих окраин и потому старалась не обращать внимания на отдельные недостатки калмыцкого хана и различные упущения в связи с ним. Как сообщает И. В. Ерофеева: "...после того, как шведская и другие злободневные проблемы российской внешней политики были сняты с повестки дня, астраханская администрация начала предпринимать активные шаги по ограничению социального статуса ханской власти в кочевьях волжских калмыков, но персонифицированными объектами этого целенаправленного воздействия в связи со смертью в 1724 г. хана Аюки стали другие калмыцкие ханы" [87, с. 163].

Самостоятельная политика Аюке была одной из причин принятия Абулхаиром такого важного решения, "...а общеизвестный факт военно-политического возвышения Аюки в условиях его вассальной зависимости от российского престола давал, в свою очередь, основание полагать, что при проведении аналогичных преобразований внутри казахских жузов он также может получить определенную поддержку извне, со стороны того или иного монарха соседней сильной и централизованной державы. Общие контуры этого стратегического замысла созрели у Абулхаира не позднее 20-х гг., так как уже к 6 октября 1731 г. они были достаточно четко обрисованы им в ходе персональной встречи с А. И. Тевкелевым в летних кочевьях казахов Младшего жуза. Хан тогда заявил своему собеседнику: "Первое – ханы у них не самовластные, второе – не наследные. И он, Абулхаир-хан, желает, чтоб протекцию Е. И. В. быть ему самовластным, и дети б его по нем были наследниками, так как Аюка-хан волен над своими калмыками" [87, с. 114–163].

Для изучения данной проблемы интерес представляет и реакция некоторой части калмыцких тайшей на факт принятия казахами подданства России. При жизни Аюке-хана в 1722 г. умирает его старший сын Чакдоржап – главный наследник ханского трона. После смерти в 1724 г. остаются четыре претендента на престол. Это сын Чакдоржапа – Дасанг, сын Аюке и двоюродной сестры джунгарского хунтайджи Цеван-Рабдана Дарма-Балы – Церен-Дондук, сын Гунжипа (сын Аюке) – Дондук-Омбо и родственник Аюке – Доржи Назаров, которого русские власти хотели видеть на месте Аюке. По этой причине в Калмыцком ханстве

начались междоусобицы. Они закончились тем, что губернатор Волынский "после встречи со всеми знатными нойонами, сопоставив их мнения, 20 сентября 1724 г. объявил Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства" [93, с. 136].

Начиная с этого времени, в Калмыцком ханстве берут место междоусобицы. И Доржи Назаров, и Дондук-Омбо стали ярыми врагами нового наместника. Например, в 1731 г. с десятитысячным войском на Церен-Дондука и его людей напал Дондук-Омбо и разбил его, вследствие чего наместник ханства бежал в Саратов и укрылся там. В общем, его положение было совершенно не прочным. В ноябре того же года на него снова напал Дондук-Омбо. Хан был разгромлен, а его улусы были поделены между сторонниками его противника. В Москве пришли к выводу, что Церен-Дондук не имеет авторитета в своем ханстве, старались примирить враждующие стороны, однако не имели в этом успеха.

Здесь нужно отметить один любопытный факт – отношение казахов к междоусобицам своих соседей и отношение калмыков к вхождению казахов в состав России. В донесении переводчика М. Тевкелева в Государственную коллегию иностранных дел: "Мая в 11 день в Кайсацкую орду к Абулхаир-хану приехали от калмыцких владельцев от Доржи Назарова и от сына его Лобжи два человека калмык с письмами... Нарочно возмущать Абулхаир-хана и Букенбай-батыря, Исет-батыря и всю Кайсацкую Орду, чтобы они не шли в подданство российское и дали б кайсацкого войска, соединяясь с калмыками Доржи-Назарова, воевать российския городы и сына Аюке – Черен-Дондука. А наибольше возмущали итить воевать росиския городы, понеже де росиской народ люд невоенный, яко сарты, сиречь посацкия или пахотныя мужики. Також-де оныя тяжко поносили высокую и дражайшую персону е. и. в. императрицы везде в публичных местах... И объявили оные посланцы Абулхаир-хану, что владелец их Лобжа желает отдать дочь свою за сына Абулхаир-хана и даст приданства калмык и всякого скота довольное число" [8, с. 90].

От этого предложения М. Тевкелев предложил отказаться, сказав при этом, что и Доржи Назаров, и его сын являются изменниками и будут наказаны, а казахам сказал, чтобы они не отказывались от своей присяги, принесенной Российской империи. На что Абулхаир объявил, что "они сами знают, что калмыцкая орда – ветер, а Росийская империя – непоколебимый столп... И при отпуске оным калмыцким посланцам объявил, что со владельцам их, единомышленно росиских городов воевать

не будет и своего кайсацкого войска к ним не пошлет, и дочь владельца Лобжи за сына своего не возьмет для того, что он, владелец Лобжо, стал быть е. и. в. противен..." [8, с. 90].

Тактику русского правительства по отношению к народам, состоящим у него в подданстве, анализирует на основе изучения официальных документов, в том числе писем тайного статс-советника И. И. Неплюева, профессор Н. Н. Пальмов: "По мнению Неплюева, к искусному поддержанию взаимной антипатии между калмыками и киргис-кайсаками должна, главным образом сводиться в отношении к ним деятельность представителей государственной власти в Астрахани и Оренбурге. Хотя до явных ссор сии народы допущать не подлежит, – говорит Неплюев в конце своего письма к В. И. Татищеву, – ноне полезно ж и то, чтоб они друг друга любили и чрез то в соединении приттить могли, а особливо – при нынешних замашках зюнгарского владельца..." [136, с. 42].

Эти выводы подтверждаются в секретной инструкции императрицы Анны начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову по вопросу о взаимоотношениях с башкирами, казахами, Джунгарией и Хивой от 18 мая 1734 г., которая была использована и помещена в сборнике документов и материалов "Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках": "Также в ордах новоподданных народов при самих ханах всегда содержать от себя надежных людей, которым не токмо на собственное их обращение смотреть, но и разведывать, не имеют ли каких противных к нашей стороне согласей с такими народы, которые еще не подданные, или каких себе недовольств, и буде усмотрят в том что ни есть худобы, от того пристойными представлениями отвращать и ведомости в город давать, а из города, буде в явной противости, то башкирцами или из них новых, одну на другую орду поднимая, смирять, а своих людей в таких случаях беречь, а ежели такое произошло неудовольство, в том надлежаще поправление учинить" [8, с. 115]. В ответном же донесении обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, найденном в архиве, говорится: "...ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизов обратить... а на против того буде киргиз-кайсаки что делают, то на них калмык и башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения Российских войск" [136, с. 42]. Подобную позицию России подчеркивает и А. Г. Митиров в монографии "Ойраты-калмыки: века и поколения": "В 1619 году калмыки, воспользовавшись внутренними разногласиями ногайцев, захватили их. В этой обстановке астраханн-

ские воеводы вели политику разжигания страстей между этими племенами и народами. Сообщая в Москву о ссорах между ногайцами и эдисаками, они откровенно писали: "Мы, видя у них такую многую недружбу меж их по обе стороны, ссорим порознь, таясь от них друг от друга, чтоб та наше ссора была им не явна, а недружбу им подкрепляем всякими обычаи, а приводим к тому, что ту их рознь и войну привести к конечнаму их разорению" [93, с. 66]. Это сконцентрированная формула политики "разделяй и властвуй". Русское правительство для того, чтобы быстрее и вернее привести к подданству и подчинению соседние народы, прибегало к различным путям и методам, не чуралось никаких мер принуждения.

Распрями в Калмыцком ханстве решили воспользоваться их соседи – казахи и каракалпаки, которые поняли, что в результате междоусобиц это ханство постепенно слабело. "В то же время в заволжских улусах происходили не менее кровопролитные сражения. Доржи Назаров с хошеутовскими нойонами успевали отбивать то нападения со стороны казахов и каракалпаков, то набеги со стороны других своих же улусов" [93, с. 156]. То, что междоусобицы и несогласие между калмыцкими князьями приносят беды народу, признавали и сами калмыки. В августе 1733 г. состоялся съезд, где присутствовал генерал-майор Тараканов, присланный для примирения враждующих сторон, хан Церен-Дондук, Дондук-Даши, Шакур-лама (верховный лама ханства) и другие. Между ними состоялся следующий диалог:

"*Генерал-майор*: Почему вы между собой так воюете; из-за этого сами без неприятеля совсем разоритесь и обнищаете...

Шакур-лама: Прежде сего мы друг другу верим и не только присяги, но и слова твердо содержали, а хотя о самом себе и о своем народе говорить бы мне и непристойно, однако же принужден сказать правду, ныне мы стали не люди – собаки, друг другу не верим, и меж собой едимся и сами все видим, что погибаем, да за несогласием и непостоянством исправиться не можем.

Генерал-майор: ...Где вы намерены зимовать?

Хан и лама: За Волгою зимовать опасаемся из-за нападений казахов и каракалпак...

Генерал-майор: От казахов и каракалпаков опасения вам иметь не для чего, ибо оные ныне в подданстве е. и. в. состоят и на вас войною без позволения е. и. в. не пойдут..." [93, с. 158].

Раздоры между калмыцкими нойонами внушали опасения царскому двору, который боялся, что вследствие этих распрей Кал-

мыцкое ханство станет неуправляемым. Взять калмыков под контроль и вместе с тем сэкономить средства и сохранить людей, он мог, применив способ натравливания одного народа на другой. Это говорится в выше упомянутой секретной инструкции Анны Иоанновны: "Посылать киргизцов на них, калмыков, войною, уповая, что когда они, киргизцы, на них, противников, пойдут и поиск над ними учинят, тем приведут их, калмык, в прежнее послушание, а они, киргизцы, заслужат и получат от е. и. в. в милостливое жалованье, при том же и добычи себе иметь будут" [8, с. 123]. И эта жестокая политика удавалась в известной мере, при этом царское правительство оставалось как бы ни при чем.

Так как Церен-Дондук не смог утихомирить своих подданных и утратил весь авторитет, царский двор осенью 1735 г. задержал и отправил его в Петербург. Наместником ханства был провозглашен внук Аюки Дундук-Омбо. Вероятно, он наследовал и полководческий дар своего деда. Действуя со своим войском, он завоевал для России Кубань и Крым. "В 1737 году Дондук побывал в Закубанье. Ничто, никакая сила турок не могла остановить калмыков. Янычары – лучшее турецкое войско, некрасовцы – отважные храбрецы, – бежали в ужасе перед калмыками в плави кубанского устья. Богатейший турецкий город Темрюк не смогла защитить его крепость, снабженная превосходной артиллерией. Калмыки не оставили в этом городе камня на камне. Черкесские племена адыгеи спаслись от истребления лишь тем, что ушли в горы, куда калмыки не могли проникнуть", – рассказывает на основе архивных источников Г. Прозрителев в книге "Военное прошлое наших калмык" [159, с. 27]. Таким образом, используя военные силы подвластных им народов, российские власти присоединяли к империи все новые земли. Отмечая все заслуги калмыцких воинов в деле завоевания новых территорий, Г. Прозрителев приходит к такому выводу: "Надо отдать дань и калмыкам, которые в это русское дело на Кавказе вложили все свои силы, всю душу и может быть эти именно войны, уничтожив среди них массу лучших людей, и сделали тот надлом в народе, который привел его на степень жалкого существования в данное время. Геройство – удел немногих, и война берет именно лучших людей, более крепких душою и телом. Калмыки понесли тысячи таких потерь. У них кровавой рекой смыта их интеллигенция, и без нее народ остается как без духовных вождей" [159, с. 30, 31].

Хотя Дондук-Омбо и был признан русскими властями, которые были довольны его военными походами, но среди своих тай-

шей (князей) он не пользовался успехом. Причиной было то, что хан стремился установить абсолютную власть. Придя к власти с помощью оружия, угроз и интриг, он боялся, что его самого уберут с пути, так же как он убрал Церен-Дондука. Выступавших против его террора влиятельных людей он арестовывал под предлогом якобы их происков против русских властей. Первым поднял бунт против Дондук-Омбо его сын Галдан-Норбо.

В то время, начиная с 1736 г., казахские отряды начали свои нападения на калмыцкое ханство. "Хотя Кирилов (статский советник), не видавшись с владельцами киргиз-казачьими, и оставил без исполнения данное ему поручение предварительно приготовить их орды к наказанию волновавшихся волжских калмыков, но для киргизов такое внушение не было нужно по всегдашней готовности их к исполнению иного. Лишь только узнали они о беспокойствах, происшедших на Волге, то немедленно устремились на разграбление калмыков. Счастливое окончание сего похода, увлечение многих пленных и отгон скота в 1736 году не удовлетворили киргизов. В начале 1737 года они повторили нападение и возвратились с новою добычею" [11, с. 193].

Тем временем казахи вновь начинают свои походы к калмыкам в 1738 году. Поэтому Галдан-Норбо во главе 20-тысячного калмыцкого войска из Крыма военным маршем был направлен против казахов, за Едиль, чтобы прекратить их нападения на калмыков. В этом походе он восстает против отца (август 1738 г.). Однако в войске происходят неурядицы, и часть его людей восстает против него самого. Любопытны планы Галдан-Норбо насчет хана Младшего жуза Абулхаира, которого он решил втянуть в свой бунт против отца Дондук-Онбо. "Галдан-Норбо находился в постоянном движении: то он намеревался напасть на тайшей, которые были против него, то готов был идти к Абулхаиру и, соединившись с ним, идти на своего отца. Возникали предположения, что "Галдан-Норбо с войском, проложив силой оружия дорогу, может уйти в Джунгарию или в Тибет к Далай-Ламе..." [93, с. 175, 176]. Иначе говоря, данное войско из-за распрей не было уже опасным для казахских кочевий. Сам же Галдан-Норбо представлял большую угрозу для своего отца, который к тому же получил известие, что его сын намерен послать гонца к казахам, "...чтобы они приняли его в партию свою, и обещает отдать за их ханского сына сестру свою замуж, которая находилась при нем" [93, 180]. Однако эти планы Галдан-Норбо не сбылись. Раскол в войске, нехватка продуктов и другие причины заставили его сдать-

ся хану. Таким было время правления Дондук-Омбо, который умер в марте 1741 года. На его место пришел Дондук-Даши (как и Дондук-Омбо) через смуту, неурядицы и междоусобицы. Его правление, как и правление его предшественников, ознаменовалось весьма интересными связями с казахами.

Дондук-Даши во многом был обязан своим назначением в наместники Калмыцкого хана Дарма-Бале, вдове Аюки хана. Эта ханша, как мы уже отмечали, была джунгаркой, племянницей Цеван-Рабдана. Нужно отметить, что ее никогда не покидала мысль соединить калмыков с джунгарами. Она не раз предлагала и самому хану Аюке уйти из пределов России и соединиться с джунгарскими ханами. Но в силу разных обстоятельств переход калмыков в Джунгарию не осуществлялся до поры до времени. "По соображениям ханши, Дондук-Даши должен был явиться послушным исполнителем ее воли и вести калмыцкий народ куда она укажет, однако Дарма-Бала ошиблась в расчетах: наместник скоро сбросил с себя опеку старой ханши и даже определенно стал в положение ее злого врага", – говорится в "Этюдах по истории калмыков" Н. Н. Пальмова [136, с. 37].

Сами джунгарские правители тоже были не прочь привести торгоутов на свои земли и посредством этого усилиться, они неоднократно посылали своих послов с подобным предложением. Об одной такой откочевке калмыков мы уже говорили. После ссоры с Аюкой его сын Санжип вместе с подвластным ему улусом в 15 тыс. кибиток в 1701 году ушел в Джунгарию. Его приход весьма усилил Джунгарское ханство в отношении численности населения и, конечно, войска. Также в 1723 г. ввиду успехов на казахском фронте Цеван-Раптан предлагал хану Аюке соединиться и в скором времени кочевать у Яика и Едиля. "Цеван-Равдан предлагал также укреплять родственные связи. Аюка хан с вниманием отнесся к словам Джунгарского хана. Но некоторые калмыцкие тайши выразили опасения. В частности, тайша Досанг заявил Аюке, что им с черными калмыками (ойратами) кочевать будет тесно" [118, с. 87].

Из этого можно сделать вывод, что намерения калмыцкого и джунгарского правителей объединить оба народа не осуществились по причине противодействия калмыцких князей, которые опасались потерять свои кочевые территории из-за прихода джунгар и по причине смерти самого хана Аюке. Но, как видно, даже по прошествии почти двух десятилетий ханша Дарма-Бала не оставила своих намерений.

Пришедший после Цеван-Рабтана к власти Галдан-Церен также неоднократно устанавливает связь с калмыцкими правителями. "...в степи калмыки говорили о предположенном уходе еще в начале лета 1742 года, и им было известно даже то, при каких обстоятельствах должен был состояться их уход... 1 июля 1742 года полковник Бобрыкин писал губернатору Татищеву, что один калмык, вернувшийся от киргизов, передавал владельцу о присылке из Джунгарии посланцев к киргизам для заключения с ними договора о мире и взятия аманатов... киргиз-кайсаки ожидали прихода джунгарских войск на оренбургские вершины... Главная команда над джунгарскими войсками была поручена племяннику Дарма-Балы, владельцу Септеню, сыну старшего брата ханши. Он имеет целью "ее, ханшу, со всеми улусами взяв, возвратиться в свои улусы". Дарма-Бала не скрывает своего радостного настроения ввиду таких приятных известий и старается построить соответственным образом и окружающих ее; она говорит им: ежели де те зюнгоровы войски пришли к ним, и их возьмут с собой, то бы они тому радовались" [136, с. 38].

Следовательно, связи с калмыками устанавливал Галдан-Церен уже через казахов. Здесь мы заметим, что, начиная с 1742 г., взаимоотношения между казахами и джунгарами стабилизируются и принимают мирный характер. То же можно сказать и о связях с калмыками, которым предшествовали события, описываемые ниже: "В это время произошло нападение казахов на калмыцкие улусы. Ханша Джан в своем письме к князю Голицыну подробно описала инцидент. Она писала, что из двух казахских орд-ортай-джюс и кеши-джюс-два хана Кучюк и Барак с тремя султанами, в том числе Аблай, Бембет, да старшины Эшед-Батур да Джанбек Батур в собрании шесть тыс. семьсот человек переправились через Яик и пришли к Волге. 26 августа 1741 г. против урочища Халта ли казахи сошлись с нашими войсками, военные действия происходили трое суток. На пятый день казахские командиры прислали старшину Бармак Батура к калмыкам. Он объявил: уведомились де они, кайсаки, что хан Донрук Онбо умер, и по междоусобной войне калмыцкие улусы пришли в разорение, а отпору никакого чинить не в состоянии и пришли в рассуждение, чтобы калмыцкие улусы все забрать, а ежели взять будет невозможно, то б заключить мир. Обе стороны прежде утверждения присяги и заключения мира, имели договор в такой силе: 1) чтобы быть в примирении, как от сего время народится мальчик и будет в совершенном возрасте, чтоб мог быть в состо-

нии владеть сайдаком, чтоб до того время войны не иметь, а ежели про между нами набегами что будет взято, оное возвращать и впредь чтоб того не причиняли, по справедливости штрафовать; 2) чтоб нам, калмыкам, воевать по сию сторону Яика, а шли бы кайсаками, кочевать по ту сторону Эмбы; 3) как прежде сего они, кайсаки, и мы, калмыки, в военное время полоняли людей, оных бы разменивать теми ж людьми, и на оных кондициях как они, кайсаки, так и мы, калмыки, договорясь, присягами утверждали" [93, с. 193, 194].

Набеги и нападения между казахами и калмыками, очевидно, причиняли немало неудобств и русским властям, так как в этой борьбе страдали в немалой степени и русские селения. Поэтому в январе 1742 г. вышла грамота императрицы Елизаветы на имя хана Абулхаира и всего казахского населения "О необходимости установления нормальных отношений между казахским и калмыцким народами": "...минувшего лета Меньшей и Средней орды киргиз-кайсаки сильным собранием приходили на поддонные наши калмыцкие улусы и, имея с ним бой, на несколько лет примирились. Но понеже по прежним примерам нечаятельно, что тот ваш поставленный мир додержан был. А наше императорское соизволение есть, дабы подданные наши калмыцкой и киргиз-кайсацкой народы жили между себя безссорно и взаимно один другому народу никакого нападения не причиняли, ибо из того сим обоим народам, кроме разорения, никакой пользы быть не может... О чем и к подданному нашему наместнику ханства калмыцкого Дондук-Даше... указы отправлены" [8, с. 185, 186].

Большой интерес представляет экстракт оренбургской комиссии о перемирии казахов с джунгарами и калмыками, где есть любопытное сообщение Абулмамет хана Средней орды: "Киргиз-кайсаки-де с калмыками мир учинили в такой силе, что им даже до того времени, как родившейся в том году младенец возрастети и на коня сядет, ссор не иметь. А калмыцкая-де ханша к нему, Абулмамет-хану, прислала сватов и сватали у него племянницу ево родную. Токмохан на то им сказал, что ежели ханша отдаст прежде дочь свою за сына ево, то и они дадут, по которому они от него, хана, и отпусчены с таким намерением, отдаст ли оная ханша дочь свою за сына ево или нет" [168]. К сожалению, мы не смогли узнать, состоялось ли сватовство между ханом казахской орды и ханшей калмыков. Но очевидно, что наступивший мир был в такой силе, что между обоими народами нарастали и брачные связи.

Для освещения взаимоотношений казахов и калмыков А. Г. Митиров привлекает дополнительный материал: "Дондук-Даши (калмыцкий правитель) приходилось заниматься и семейными ссорами кайонов. Среди них его разногласия со старой ханшей Дарма-Балой занимают особое место. При проверке открылись многосторонние связи ханши. Оказалось, что полковник Спицын перехватил несколько писем от посланцев Аблай-салтана. Три письма были написаны по-татарски, двое из них от Абулхаир хана и Аблай-салтана, адресовались Дарме-Бале, одно было написано калмыцкому наместнику от Аблай-салтана. Письмо Аблая к Дарма-Бале: "Я, Аблай-салтан, желаю вам здравствовать и все подданные наши вам кланяются. Объявляю вам о себе, что я от Галдан-Череневых рук в добром здравии и с честью освободился и в дом приехал. Меня Галдан-Черень имеет за сына, а племянник ваш Септень имеет за брата меньшего. И я вам нарекаюсь братом меньшим" [93, с. 195]. По содержанию этих писем А. Г. Митиров утверждает, что по существующей субординации и обычаю побратимства Аблай-султан стал побратимом-андой Джунгарскому хану Галдан-Церену и Дарма-Бале. Случайно открывшиеся связи ханши Дарма-Балы с Джунгарией и казахами, а также ее намерение при удобном случае откочевать с калмыцкими улусами были полной неожиданностью для русского правительства, поэтому оно выносит решение об ее аресте и удалении в Саратов. Дарма-Бала, конечно, не могла осуществить подобное грандиозное мероприятие, но ее племянник – джунгарский хан Галдан-Церен – вынашивал идею объединения всех ойратских ханств в одно единое государство. В этом отношении ханша была связующим звеном.

Дондук-Даши, как и все его предшественники, поддерживал открытую связь с Джунгарией и Тибетом. В 1755 г. ему наконец удалось отправить посольство в Тибет для получения знаков ханской власти от Далай-ламы. Но к приезду посольства калмыков Далай-лама скончался, и им не удалось получить от него грамоту и знаков ханской власти. Все это (регалии) Дондук-Даши получает от императрицы Елизаветы Петровны. Дондук-Даши обращается в коллегию иностранных дел (КИД) с просьбой о назначении наместником ханства его сына Убаши, мотивируя это тем, что после каждого хана в калмыцком народе происходят распри и междоусобицы, а новые ханы просили Далай-ламу о присылке грамоты на ханство. И чтобы впредь этого не случилось, он хотел, чтобы обычай наследования стал традиционным. КИД рассмотрел его про-

шение и одобрил. В грамоте е. и. в., объявленной калмыцкому народу 20 февраля 1757 г., о пожаловании Дондук-Даши в ханы, а его сына Убаши в наместники написано, что он в правление калмыцким народом вступил уже при отце, хане Дондук-Даши.

Интересно отметить, что когда Дондук-Даши становится действительным калмыцким ханом, Джунгарское ханство перестает существовать (о причине его гибели мы писали в первой главе). Здесь же для нас наибольший интерес представляют джунгары, бежавшие от преследования цинских войск в Россию, на территорию Калмыцкого ханства. Некоторая часть населения нашла приют у казахов и в сибирских городах. Они просили принять их в русское подданство и проводить в Калмыцкое ханство к родственникам. Русские власти информировали Дондук-Даши о желании прикочевать к калмыкам группы джунгар. Раздумывая о будущем положении джунгар в калмыцких улусах, Дондук-Даши резонно рассуждал, что джунгары пришли в его ханство только для того, чтобы спасти свои жизни, и если их всех допустить жить вместе, они никогда не забудут своей родины. Для этого он просил разрешения у русских властей распределить их врозь. Однако российское правительство пришло к выводу, что если джунгар отнимать у их владельцев (зайсангов) и рассовать их врозь, то те могут уйти в другие земли. И поэтому решили: если джунгарские владельцы придут со своими подданными, то им их и оставить, а если отдельные группы придут без владельцев, то их и распределить по разным улусам. В числе джунгар, вышедших в русские пределы, были нойоны, зайсанги, жена Амурсаны, сам Амурсана, который после жил в Тобольске и умер от оспы в сентябре 1757 года.

В одном письме, адресованном Дондук-Даши для отправления русскому правительству, нойон Шеаренг писал: "Как передние наши улусные люди стали уже через Иртыш переправляться, на задний наш улус, в котором сестра моя, именуемая Кирчес, находилась, касаки напали и их разбили и со оною моею сестрою всех забрали себе, а та моя сестра и поныне в улусе Аблай Солтана, у касака, именуемого Найман Цортонибал (Шортанбай) находится" [93, с. 40]. Граф Воронцов по этому поводу просил Оренбургского губернатора Давыдова удовлетворить просьбу Шеаренга вернуть ему сестру и имущество. Вся дальнейшая история спасенных джунгар тесно связана с жизнью родственных им калмыков.

Между тем отношения между казахами и калмыками начинают осложняться. При этом любопытно поведение хана калмы-

ков Дондук-Даши: "В начале 1757 года наместник Дондук-Даши известил астраханского губернатора, что все киргиз-казаки намерены перейти в турецкие владения на Кубань и что будто бы они уже просили о том правительство оттоманское посредством нарочного посольства. Трудно было поверить сему известию, однако ж осторожность требовала узнать, какую степень правдоподобия оно имело и на чем основано? По сведениям, из Меньшей орды полученным, оказалось, что киргиз-казаки совсем не помышляли о Кубани, а напротив того, Дондук-Даши и еще два владельца калмыкские сами прислали к хану Нурали доверенных людей с извещением о намерении крымских татар напасть на Россию и с приглашением помочь или так же, как решились помогать калмыки. Нурали не отвергнул предложения, но просил уведомить его, когда крымцы исполнят свое намерение", – пишет А. И. Левшин в своих знаменитых "Описаниях киргиз-казачьих... орд и степей" и продолжает свою мысль: "Такое двуличное поведение Дондук-Даши и всегдашняя вражда подвластных ему калмыков с киргиз-казаками заставляют думать, что истинной целью его в сем случае было желание склонить Нурали к походу в Россию и, пользуясь отсутствием большой части нынешней орды, из жилищ своих напасть на беззащитные ее аулы" [11, с. 138, 235, 241]. Также в "Описаниях..." говорится, что по причине отгона у Младшей орды скота калмыками, она несколько раз грабила пограничные русские села. Отношения между казахами и калмыками опять ухудшались.

"Подвластные его (Нурали хана) между тем возобновили прежние нападения на волжских калмыков и потом требовали, чтобы их непременно пропустили зимовать на правый берег Урала. Получив отказ, они до того озлобились, что хотели насильно вступить со стадами своими в пределы России на зиму. Такая наглость была причиною, что Екатерина решилась дать наместнику ханства калмыкского Убаше 10 мая 1763 года грамоту о наказании вооруженного Меньшей киргиз-казачьей орды, если оренбургский губернатор уведомил, что хотя часть оной перешла чрез границу. Однако никто не воспользовался оным, ибо киргизы остались в своих степях" [93, с. 218–220].

Отсюда мы делаем вывод, что русское правительство никогда не отступало от своей цели наказывать подвластные ей народы их же рукой, при этом не тратя своих собственных средств. Таковы были взаимоотношения казахов и калмыков до 1771 года. В это время у данных кочевых народов военные столкновения перемежались переговорами о мире и дружественными связями.

Миграция калмыков-торгоутов в пределы Цинской империи в 1771 году

Избавившись от пеньковых недоуздков России,
мы попали в железные недоуздки Китая.

Калмыцкая народная песня

Наступил 1771 год, ставший переломным моментом в жизни обоих народов и внесший огромные изменения в их отношения и связи. До конца XVIII в. главным в сознании калмыцкого общества являлось осмысление себя как части более широкого ойратского универсума. В начале года 2/3 калмыцкого народа покинуло пределы России и через территорию Казахстана ушло на восток. "Субъективными мотивациями, побудившими правящую знать ханства принять решение об откочевке, стали память об исторической родине, единая иерархия ценностей калмыцкого и ойратского обществ, религиозный "призыв" Далай-ламы к единому будущему", – указывает Е. В. Дорджиева в своей диссертации "Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 г. " [169, с. 14]. Нужно отметить, что мысль о переселении в Джунгарию всегда жила в сознании калмыцких ханов и владельцев. Это ясно демонстрируется их поведением в критических ситуациях, например, в случае распрей и междоусобиц владельцы улусов вместе со своими людьми уходили в Джунгарию. Не раз калмыцкие владетели призывали народ к переселению на территории родственного им народа. Ханша Дарма-Бала, как мы отмечали выше, неоднократно агитировала калмыков к воссоединению с джунгарами. Однако различные препятствия не дали ей возможности достигнуть своей цели: "...она, Дарма-Бала... склоняла все калмыцкие улусы оставить Волгу и отойти в Зюнгорское владение, однако же Шакур-Лама, владельцы и самый Церен-Дондук, имея в виду жребий удалившихся в 1701 г. от Аюки спутников Чинжипа (Санжипа), с таковым желанием Дарма-Балы не согласились", – сообщает Н. Нефедьев [170, с. 14].

"Начиная примерно с 40-х гг. XVIII в. в связи с усилением русской колонизации калмыцких степей идея об откочевке из пределов России и возвращении в Джунгарию завладевает значительной частью калмыцкой знати. В 1745 и 1747 гг., когда в Калмыкии царило большое возбуждение в связи с наплывом русских поселенцев, некоторые тайши активно обсуждали план откочев-

ки в Джунгарию", – говорится в статье исследователя Ш. Б. Чимитдоржиева "О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. "Торгоутский побег" 1771 г." [171, с. 51]

Следующей причиной было то, что калмыцких ханов и владельцев не вполне устраивало их нынешнее положение в подданстве России. Как мы уже отметили, царское правительство сквозь пальцы смотрело на многие неудобства, создаваемые калмыками. Но это было вынужденной мерой, потому что польза, приносимая калмыками российской стороне, была неизмеримо большей. Но постепенно царское правительство начало сжимать тиски вокруг калмыков. Данный процесс особенно активизировался после смерти Аюки хана. Это было продиктовано улучшением политического положения России на международной арене. Война со Швецией, закончившаяся в пользу Российского государства, а также усиление правительства и установление абсолютизма внутри страны сильно повлияли на отношения России с народами, находившимися у нее в подданстве. Связи России и Калмыцкого ханства приобретали все большую зависимость ханства, тогда как сфера политической власти его правителей значительно уменьшилась. Все активнее центральное правительство вмешивается во внутренние дела ханства, устанавливает институт наместничества. Вместе с тем русское правительство начинает укреплять позиции южных рубежей, что ознаменовалось строительством множества крепостей на землях калмыков. Также постепенно начинается переселение русских крестьян на калмыцкие территории, что значительно уменьшало ареал кочевания калмыков и приводило ко многим стычкам и столкновениям. Вдобавок царская Россия стала притеснять калмыков в религиозном плане, для воинских повинностей забиралось (рекрутировалось) все больше мужчин. Такое положение вызывало сильный протест калмыцких владельцев и самого народа. "Некоторые ограничения прав наместника в отношении к членам народного суда Зарго были первым и ближайшим средством к возбуждению в Убаше неприязненного против России расположения, каковое нетрудно было внушить и прочим владельцам. Распущенные около 1770 г. слухи о мнимом предположении начальства взять значительную часть земель калмыцких в казну, а самих калмыков обратить в военную службу утвердили Убашу в намерении удалиться из России" [170, с. 68]. "Царские чиновники обращали калмыков в православную веру, расселяли по разным губерниям. Участвуя во многих войнах, которые вела Россия, калмыки несли огромные мате-

риальные и людские потери", – пишет в своей монографии "Историческая судьба" У. Эрдниева [108, с. 141].

После уничтожения китайцами Джунгарского ханства в 1757 г. многие из джунгар нашли приют в Калмыцком ханстве. Простой народ обрел свою родину на этих землях. Однако не все так просто было с их владельцами, которых не покидала мысль о возвращении в Джунгарию даже по прошествии более десятка лет. "Шерен (сподвижник Амурсаны) и сопутствовавшие ему дербеты, хойты и хошоуты не только сами не отказались от желания опять кочевать на прежних землях, но возбудили к тому же и торгоутов, родившихся в России. Рассеяв разные слухи о неприязненных и даже варварских будто бы намерениях русского правительства против всех калмыков, Шерен вместе с соумышленниками своими овладел умом слабого и доверчивого Убаши, воспользовался несогласиями его с ближайшим к нему русским начальством, прельстил его надеждою переменить название подданного на достоинство независимого владельца и убедил бежать из России через степи киргиз-казачьи, в древнюю Зюнгарию", – таково мнение А. И. Левшина по отношению к этим событиям [11, с. 305].

С этой точкой зрения согласны и калмыцкие исследователи, считающие виновниками трагедии 1771 г. именно калмыцких владетелей, среди которых были Цебен-Доржи, Даши-Дондук, Лама Лоузанг-Джалгин, Бамбар и другие. Подстрекая народ к переселению на восток, они руководствовались мыслью о том, что на опустевших землях Джунгарии они заживут свободной и привольной жизнью, освободившись от ярма царизма. Итогом этой политики явилось то, что весь народ под началом хана и владельцев принял решение откочевать из России в надежде на лучшее будущее. "Между тем заговорщики уже в феврале 1770 г. собирались откочевать. Однако совершенный отрядами Бамбара отгон скота у казахов, прикочевавших на зиму к Яику, осложнил отношения с Нурали-ханом, главой Младшего жуза. Опасаясь "отмщения" казахов, состоящий при калмыцких делах полковник И. А. Кишенской приказал все улусы, кочующие на луговой стороне Волги, перевести на нагорную, тем самым нарушив планы заговорщиков", – констатирует Е. В. Дорджиева [169, с. 13]. Данное мероприятие было назначено на начало января 1771 года. Подготовка и откочевка готовились в величайшем секрете от русских властей. Оттягивая отправку калмыцких войск на военные действия России, Убаши мотивировал это тем, что войска якобы необходимы ему для отражения набегов казахов. Простой народ

постепенно переселялся на левобережье Едиля. Основная масса дербетов и хошаутов должна была перейти Едиль с 4 на 5 января. Казахстанские исследователи Р. Б. Сулейменов и В. А. Моисеев пишут: "Вооруженные отряды феодалов насильно гнали людей. Позже калмыки, приезжавшие в Пекин, рассказывали изучавшим в Пекине китайский и маньчжурский языки А. Владыкину и А. Попову, что Убаши и другие феодалы "соглашали к побегу", а рядовые "тому весьма противоречили, отчего многие из нас претерпели жестокие наказания" и были уведены под страхом смерти [64, с. 116].

Несмотря на тщательно скрываемую подготовку к переселению, до царского правительства доходили слухи об откочевке. В достоверности этих слухов не сомневался, в частности, губернатор края Н. А. Бекетов. Однако его доклады в коллегию иностранных дел о подготовке калмыцкого народа к переселению считались безосновательными [173]. Власти были уверены, что калмыки останутся верными России и не пойдут на такой опасный шаг. Об этом свидетельствуют архивные документы: "От 3 числа января сего 1771 года от генерал-майора Давыдова сообщено о движении калмыцкого Убуши со множеством калмык от Волги к Яику. На сие к нему ответствовано: чтоб Убуше против киргиз-кайсаков какое-либо действие иметь повелено было, о том уведомления не имеется. Только собственно в рассуждении настоящих обстоятельств понимается, что он, Убуша, не зная о чувствуемом к киргиз-кайсаками от калмык огорчениях и зная о их киргиз-кайсацких предприятиях, делает распоряжение в собственную свою предосторожность, в предварении чаемого от киргиз-кайсаков предосуждения. На оное ему, господину генерал-майору, дано знать, что показания причастных тому слуху людей находят недостойным вероятия..." [174]. Итогом было то, что русские власти оказались совершенно не готовы к событиям начала 1771 года. Вследствие движения льдов малая часть народа, оставшаяся на правом берегу Едиля, не смогла перейти ее. По данным М. Новолетова, в России осталось 11 198 кибиток [175, с. 55].

Что касается количества кибиток, ушедших вслед за Убаши, то разные авторы приводят различные данные. Капитан Н. Рычков, автор "Дневных записок", считает, что ушло 30 тыс. кибиток в количестве 120 тыс. человек [13, с. 54]. Эту же цифру (30 000 кибиток) приводит и А. Левшин [11]. У М. Новолетова 30 909 очагов [175, с. 55]. По Ш. Чимитдоржиеву, откочевало 30 тыс. кибиток в количестве 150–160 тыс. человек [63, с. 146].

А в книге Г. Прозрителева мы читаем следующее: "...Убаша в 1771 году увёл с собой 70 000 кибиток, в количестве 169 000 душ" [159, с. 112]. У М. Магауина о количестве ушедших есть такие сведения: "А численность тех очагов, которым удалось своевременно перейти реку и взять курс на Джунгарию со всеми людьми и скотом, составила в общей сложности 30 909, это примерно 170–180 тыс. человек. Внушительными были и вооруженные силы – 40 тыс. воинов" [96, с. 32, 87, 98]. Исследователь В. Санчиров количество кибиток доводит до 33 тыс. (т. е. 169 тыс. человек). Численность ушедших по-своему определила и Е. В. Дорджиева: "Вместе с наместником Убаши 5 января 1771 г. двинулись в путь около 40 000 калмыцких семейств, или 200 000 человек" [169, с. 16]. На наш взгляд, цифра 30 тыс. кибиток наиболее точна, и если учесть, что калмыцкая семья состояла в среднем из 5–6 человек, то общее число откочевавших составило 160–170 тыс. человек.

Итак, 5 января 1771 г. 2/3 калмыцкого народа, производя на своем пути различные нападения, двинулось на восток, на земли своих предков. В доношении Оренбургского губернатора Рейнсдорпа об этом событии говорится: "...наместник ханства со владельцами и собранным при нем войском, находясь под видом предосторожности киргиз-кайсаков, 5 числа прислал некоторую часть войска для того, чтобы забрать дома свои, и которая-де в одну минуту, во-первых, учинила неприятельское нападение на татарский базар, а между тем, забрав дома наместников и прочих, а также немалое число и русских людей, покочевала в степь к яицкой стороне, где на яицких форпостах производит разные злодейства" [174]. Сметая все на своем пути, калмыки стремительно двигались вперед. Все население луговой стороны Едиля и взморья было объято паникой. Отряды Дудина и Кишенкова, посланные остановить уход, были разгромлены.

Последствия этих событий ярко описаны М. Новолетовым: "Все находились в каком-то оцепенении, объятые неожиданностью случая. Никто не знал, куда двинулись калмыки, и все укрывались, где могли, ожидая новых нападений. Начальство не знало, что делать. Пути сообщения пересеклись, работы на ватагах и промыслах прекратились. Степь, занятая пред тем на огромное пространство, представляла опустошительную картину со стоящими отдельно пустыми кибитками, с детьми и больными, оставленными зимой на произвол судьбы, с блуждающим скотом" [175, с. 55].

Придя в себя, царские власти организовали погоню под началом генерала Траубенберга и призвали яицких казаков вернуть калмыков. Но казаки вследствие бунта отказались выполнять поручение, а войско генерала, изнуренное жаждой, голодом и трудным походом, так и не сумело догнать беглецов и с полдороги возвратилось назад. В это время калмыки, продвигаясь на восток по территории казахов, так и не встретили на своем пути ни одного русского солдата. Положение, в которое по вине российского правительства попали калмыки и казахи, раскрывается в статье исследователей Х. Табылдиева и А. Турдалиева "Жайық қалмақтары, Ресей империясы және қазақтар": "1771 жылы патша үкметінің саясатына наразы болған қалмақтардың бір тобы Жоңғарияға үдере қашты. Ресейдің оңтүстік шекарасы ашық қалды да, ол патша үкіметіне өте қолайсыз тиді. Сондықтан да патша үкіметі қалмақтардың қайта оралуын ойластырды. Өз күші жеткілікті бола турса да, қалмақтарды қайтаруды, қайтпаған жағдайда оларды қырып жоюды Кіші жүз ханы Нұралыға тапсырады. Міне, осылай қалмақтарды қазақтардың қолымен қырып-жойып, патша судан таза, сүттен ақ болып шыға келді. Ал қазақ пен қалмақ арасындағы қатынас одан әрі шиеленсе түседі" [176, 33-б.].

✧

В 1771 году часть калмыков, недовольных политикой царя, бежала в Джунгарию. Это действие сильно повредило царскому правительству тем, что южные границы остались без защиты. Поэтому царь задумал вернуть калмыков обратно. Хотя собственных войск было достаточно, царское правительство поручило хану Нуралы вернуть калмыков, а в случае их невозвращения уничтожить. Таким образом, руками казахов уничтожая калмыков, царь оставался как бы ни при чем. А отношения казахов с калмыками еще более осложнялись.

"Самый последний аккорд двухсотлетней ойратско-казахской войны в сознании алашского народа остался под названием "Шаңды жорық" ("Пыльный поход"). Сохранилось много исторических сказаний, связанных с событиями этого похода, был сочинен и кюй "Шаңды жорық". На самом деле это был не поход, поднявший до небес пыльную бурю, а самый последний и крупный, самый тяжелый по жестокости майдан в истории войны с калмыками, где кровь лилась рекой и жертвы были неисчислимыми" [96, с. 123].

Не сумев задержать бегущих калмыков с помощью войск, русское правительство возложило эту задачу на плечи казахских ханов и султанов. В письме генерала Рейнсдорпа от 24 января 1771 г. хану Нуралы об этом говорится так: "Мне стало известно, что в степи калмыки из-за угона от них лошадей намереваются пройти через форпосты за реку Яик и киргиз-кайсацким улусом для злодейства, о чем я вас, высокочтимого хана, предварительно уведомляю. И хотя они форпостными казаками отвращаться будут, но паче чаяния, за Яик реку перейдут, чтобы в таком случае киргиз-кайсаки Ваши их встретили и, переловя, в обратную сторону возвратили, что послужит к их киргиз-кайсацкому собственному благополучию, а сверх того, и в услугу здешней стороне выявится" [177].

Кроме Нуралы хана об этом был предупрежден и Абылай хан: "Аблай, глава Среднего жуза, в этом же 1771 г. принял ханский титул, он считался русским подданным и, как другие казахи, получил предписание напасть на калмыков и заставить их вернуться в русские пределы", – свидетельствует В. В. Бартольд [160, с. 12]. Однако исследователь М. Магауин совершенно не согласен с тем, что оба казахских хана пошли на поводу у царских властей и воспользовались бедственным положением калмыцкого народа: "Хотя в это время явно чувствовалось холодное дыхание России, казахи твердо придерживались своей древней привычки действовать только с национальной позиции. Со времен Актабан шубырынды прошло всего пятьдесят лет, многие из тех, кто своими глазами видел страшное нашествие, были еще живы. Чуть больше мушели прошло после завершения войны с Джунгарией. Поэтому в любых условиях казахам, чтобы выступить против калмыков, никакой агитации не требовалось. Стоило зазвучать тревоге, что приближаются калмыки, – все казахи уже были на коне. Как бы ни уверяли калмыки, что не нанесут ущерба, не было сомнения в том, что, пройдя через весь Казахстан, вытаптывая многочисленные летовки и зимовки, это грозное нашествие послужит причиной многих столкновений, кровопролития" [96, с. 126].

Проходя через территории Младшего и Среднего жузов, калмыки имели несколько сражений с казахами. При этом они терпели различные бедствия, им не хватало лошадей, и многие были принуждены идти пешком. В записях капитана Н. Рычкова приводятся такие факты о несчастьях калмыков: "Калмыки пробрались через Муголджарские горы прямо к реке Иргиз и удаляются с крайним поспешением, что хан Нуралы с частью своей орды

следует за ними непрестанно... Киргизцы провели два сражения с калмыками, первое при Муголджарских горах, второе на реке Ужимь. В обоих неприятели были обращены в бегство, потеряв при этом двух знатных своих зайсангов, Тайбугу и Арселена, и немалое число людей обоего полу оставили в добычу победителям" [13, с. 14].

Исследователь Е. В. Дорджиева выделила пять этапов откочевки калмыков:

"1) 5–20 января 1771 г. – начальный этап: движение калмыков к Яику, удачная переправа через реку;

2) 21 января – 18 февраля: поспешное кочевание по степям казахов Младшего и Среднего жузов к р. Эмба;

3) 18 февраля – 1 апреля: привал на Эмбе, первые столкновения с казахами;

4) 1 апреля – 10 июня: трудный переход от Эмбы к Балхашу; обмен посланцами с Нурали-ханом;

5) 10 июня – начало августа 1771 г. – заключительный этап: переход от Балхаша до границ Китая" [169, с. 13].

Набег Младшего жуза был совершен еще у реки Эмбы 15 апреля 1771 года. Убаши направляет хану Нуралы письмо с протестом против этого, по его мнению, ничем не обоснованного нападения. Нуралы отвечает, что калмыки нарушили присягу царским властям, и призывает их вернуться, обещая при этом свое посредничество при примирении с русским правительством. Однако Убаши упорно продолжает свой путь. События того времени были сложными как в военных действиях, так и во взаимоотношениях противоборствующих сторон. Вот некоторые сведения: "Остановившись на реке Муинты для передышки, калмыки были окружены отрядами Нурали-хана, султанов Аблая, Уруса и Адиля, всего их было 50 тысяч... Дорога в Джунгарию оказалась отрезанной. Убаши отправил послов к Аблаю с просьбой начать переговоры о подданстве и отводе ему земель для кочевки, обещая отдать 1 тыс. пленных, имеющихся у него. В итоге переговоров было достигнуто соглашение о трехдневном перемирии для подготовки передачи пленных..." [75, с. 217, 218]. Однако калмыки, усыпив бдительность казахских владетелей, через некоторое время, внезапно прорвав окружение врагов, вновь двинулись к границам Китая.

Что касается позиции хана Абылая в отношении бежавших калмыков, то она была неоднозначной. Политика, которую он проводил, всегда была направлена на защиту интересов казахского народа. Его поведение в этой войне ясно свидетельствует

об этом. "Побегу калмыков способствовала позиция Абылая султана Среднего жуза, которого в 1770 году посетили китайские послы. Данное обстоятельство позволяет предположить, что предварительные контакты между калмыцкой знатью и циньским правительством существовали", – пишет Е. В. Дорджиева [169, с. 14]. У А. Г. Митирова имеет место такое заявление: "Казахским Нурали-хану и Аблай-хану грозили с обеих сторон. Из Петербурга приказывали напасть и разорить калмыков, а из Пекина грозили, чтобы они не трогали калмыцкий народ, который идет к ним" [93, с. 271]. Очевидно, что хан Абылай уже заранее знал об откочевке калмыков и дал согласие, что не будет трогать торгоутов, которые будут проходить через его степи. И данное слово он хоть и не полностью, но сдержал, что и доказывает А. И. Левшин в своих исследованиях: "Эрали, Большой орды султан, также приглашал Аблая к совокупному действию против калмыков. Аблай отказал ему в помощи, но не остановил его тем в исполнении предпринятого намерения" [11, с. 251]. Действия казахского хана подтверждает и М. Новолетов: "В этих степях калмыки могли окончательно погибнуть, если бы не Абылай, который начал сноситься с китайцами и пропустил калмыков" [175, с. 51].

Однако здесь хан Абылай действовал не по указке Китая. В своих действиях он руководствовался более важными мотивами. В частности, он понимал, что Цинская империя всегда будет представлять опасность для казахского народа, а с уничтожением Джунгарии границы Китая вплотную приблизились к землям казахов. Калмыки же, численность которых сократилась почти вдвое, уже не представляли прежней угрозы. Закрепившись на землях своих предков, они будут хоть и слабым, но буфером между цинами и казахами. Вместе с тем и отношение хана Абылая к пленным торгоутам кардинально отличалось от поведения китайцев, которые почти полностью истребили джунгар. Он расселяет их в густо населенных казахами владениях и делает все возможное, чтобы те жили так же, как и сами казахи. Он надеялся, что, ассимилировавшись в их среде, калмыки хотя бы частично восполнят тот вакуум, который образовался в казахском народе после многочисленных войн и битв с джунгарами. Это было еще одним выдающимся, можно сказать, подвигом хана Абылая, который никогда не переставал думать о будущем своего народа.

Исследователь В. П. Санчиров в книге "Илэтхел-шастир" как источник по истории ойратов" сообщает такие сведения о количестве добравшихся до территории бывшей Джунгарии калмы-

ков: "Из России ушло около 33 тыс. семей, или 169 тыс. человек, из которых только половина (около 85 тыс.) добралась до Китая" [36, с. 160]. Е. В. Дорджиева отмечает, что "Калмыки потеряли в пути более 100 000 человек убитыми, пленными, замерзшими, умершими от голода, желудочных болезней и почти все имущество и скот" [169, с. 17]. А. Левшин приходит к такому выводу: "Избавясь от киргиз-казаков, торгоуты увидели себя в руках бурутов (киргиз) (1772 г.) и потерпели от них поражение. Буруты преследовали их до самой границы Китайской, или до так называемой Новой линии, которая учреждена была на бывших зюнгарских землях и в которую Убаши вступил не в виде самовластного владельца, каковым мечтал быть, оставляя Волгу, но в виде подданного, спасающего свою жизнь" [11, с. 247].

И действительно, хан Убаши мечтал организовать на территории бывшей Джунгарии новое государство, свободное от царского гнета и произвола. Однако на границе его ожидали китайские войска, которые были оповещены о передвижении калмыков. Тяжелый путь и крайне трудное положение народа вынудили калмыцкого наместника и других владельцев принять подданство Китая, так как у них больше не осталось сил для отстаивания своей свободы. "Главнокомандующий отправил трех генералов с несколькими офицерами спросить о цели прихода. Убаши с тайцзиями и ламами советовался около семи дней и, наконец, решился объявить, что он поддается великому императору... После сего главнокомандующий разместил народ его по разным местам в Или и донес императору" [178, с. 319].

Е. В. Дорджиева раскрывает положение калмыцкого народа, теперь уже оказавшегося под китайским гнетом: "Калмыков расселили на территории Синьцзяна. Пришельцев разделили по джатакствам и мэнам, разрушив их бывшее единство и привязав к изолированным друг от друга территориям. Уровень жизни цинских калмыков существенно понизился. Они утратили свою государственность" [169, с. 14].

"Получив китайские титулы, калмыцкие князья вместе с Убаши превратились в простых чиновников на службе у маньчжурского императора Китая со всеми вытекающими отсюда последствиями. С их прежним независимым положением было покончено навсегда. Поскольку верховная власть над калмыцким народом перешла к цинскому императору, то фактически они лишились права единолично распоряжаться подвластными им рядовыми кочевниками... Цинское правительство обращалось с

подвластными им князьями Монголии и Джунгарии довольно бесцеремонным образом: за малейшую провинность или нерадивость оно могло любого из них по собственному усмотрению сместить или понизить в должности" [179, с. 89, 90].

Пройдя сложный путь, взаимоотношения казахов и джунгар в конце концов изменились в лучшую сторону, что отмечает и исследователь Н. Мұқаметқанұлы: "Айта кетуге тиісті бір жәйт, Чиң патшалығы өкіметінің қолданған саясаты ұлттар арасын алыстату саясаты болды. Олардың мақсаты әсте ұлттық мәселелерді шешу емес болатын, шешуі де мүмкін емес еді. Жоңғарлар мен ұлы жүз, орта жүз қазақтары Чиң патшалығына қарағаннан кейін, олар өзара бітім жасасты. Бітімде көк қасқа айғыр, қара бас қошқар сойып, қолдарын канға матырып, мынадай қаулы алды: "Алғашқы өткен істер түгел кешірілді. Алынған мал, аққан қан салауат, бұдан кейін қазақ-қалмақ жауласпай тату өтеді". Содан кейін Чиң патшалығының басқаруындағы қазақтар мен жоңғарлар ортасында үлкен-кіші талан-таражылық оқиға негізінен туылмады. Чиң патшалығының үстем таптарының ұлттық езгісі мен қанауының күшейе түсуіне байланысты, бүкіл елдегі әрқайсы ұлттар мен Чиң патшасы үстем таптары ортасындағы қайшылық басты қайшылыққа айналды. Қазақтар мен жоңғарлар ауылы аралас, қойы қоралас отырды. Кәрі өзара араласып, түсінісу арқылы бұрынғы бір-біріне жау көзбен қарайтын сезімдер біртіндеп жойылды. Бір-біріне кешірімділік істеп, тату-тәтті жасасты" [180, 54, 55-б.].

✧

Нужно сказать, что политика цинского правительства характеризовалась тем, что она всячески осложняла отношения между народами. После того, как и джунгары, и казахи Среднего и Старшего жузов стали поданными Китая, они между собой приходят к такому соглашению: все, что было в прошлом, мы прощаем друг другу. Затем отношения между ними не омрачались никакими обидами. Простив прежние набеги, они зажили мирно и спокойно.

Мы приходим к выводу, что переход калмыков-торгоутов через казахские степи в Китай был очень значительным событием конца XVIII века, всколыхнувшим народы России и Средней Азии. Хотя эта проблема получила разнообразные отклики на страницах русских и калмыцких источников и материалов, она очень редко освещалась в трудах казахстанских историков. В 1771 г.

прошли последние сражения казахов и калмыков. Здесь столкнулись также интересы двух крупных государств – России и Китая, одно из которых всеми силами, но безуспешно пыталось остановить калмыков и оставить их под своей протекцией, другое – обратить их в свое подданство. Ярко проявилась политика России, которая действовала по принципу натравливания одного народа на другой и вела военные действия чужими руками. Нужно отметить, что и Цинская империя в отношении новоприобретенных подданных проводила политику "кнута и пряника". Оказав вначале помощь в виде снабжения едой и жильем бедствующим едильским кочевникам и одарив калмыцких владетелей дорогими подарками, цины разделили торгоутов и расселили их в глубинные районы страны, чтобы они и не помышляли о бегстве.

Принимая во внимание сведения, взятые из источников и литературы и использованные в этой главе, можно сделать вывод, что в истории отношений казахов и калмыков был решен ряд проблем. В переходе калмыков-торгоутов на едильские берега значительную роль сыграл "казахский фактор", выразившийся в оттеснении казахами торгоутов с берегов рек Иртыш, Ишим, Тобол. С течением времени враждебные отношения между едильскими калмыками и казахами сменились на мирные, добрососедские. Последний переход калмыков-торгоутов с берегов Едиля на земли бывшей Джунгарии показал противоречивость казахско-джунгарских отношений: некоторые казахские владетели были настроены дружественно, но подавляющее большинство казахского общества, – враждебно, поэтому от берегов Яика до границ Китая происходили многочисленные кровопролитные сражения. История доказывает, что враждебные отношения между соседними народами всегда приносили только вред. В казахско-джунгарских войнах обе стороны понесли неисчислимые потери как в людском, так и материальном плане. Джунгары, потеряв государственность, как этнос почти исчезли, а казахи, хотя и сберегли свою территорию, однако утратили государственность. Оба народа попали в зависимость от могущественных соседей – России и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В изучении прошлого казахов особое место занимает период, когда Казахское ханство после становления своей государственности утверждается на мировой арене и расширяет международные связи с соседними странами. В это время на границах Казахстана образовывается новое кочевое государство – Джунгария. Взаимоотношения обоих ханств в различные периоды имели определенный характер, свойственный тому времени и обусловливаемый разными факторами, начиная от военных нападений и заканчивая мирным соседством.

Потомки древних тюрко-монгольских цивилизаций – казахи и джунгары – жили в то время, когда кочевое сообщество переживало трудный период. Причиной этого явились геополитические перестановки на обширном пространстве Евразии. Соотношение сил между оседлыми и кочевыми культурами постепенно менялось. В то время, когда Запад начал развивать торговлю, осваивать морские пути, укреплять государство, способствовать развитию производства и производить новейшее оружие, кочевники продолжали жить прежней жизнью. Кочевое сообщество, которое несколько тысячелетий диктовало всему человечеству свои условия, бессильно смотрело на то, как власть уходит из их рук. Давно уже признаны бессмысленными споры о том, можно ли считать кочевые культуры цивилизациями. Кочевые цивилизации возникали, вбирая в себя порою весьма значительные земельные, экономические, человеческие ресурсы, затем распадались, возникали вновь под действием экономических и исторических законов и фактора времени, через призму которого эти законы проявлялись. Как доказывает история,

кочевые цивилизации были более могущественными в то время, когда родственные друг другу по внешности, быту, культуре, обычаям, одежде и языку тюрки и монголы объединялись. Это было и в период Тюркского каганата, и в эпоху Чингиз-хана. Вместе эти сообщества подчиняли себе полмира. И сильнейшим врагом для них были не внешние силы, а внутренние междоусобицы и разногласия.

Это прекрасно знала Китайская империя, которая весьма искусно пользовалась раздорами и распрями между кочевниками. В результате внутренних причин Монголия разделяется на восточную и западную. Но на этом дробление монголов не заканчивается, сами ойраты делятся на джунгар, торгоутов, хошоутов и дербетов во главе с отдельными ханами. Отношения между этими ханствами остаются напряженными. Попытки джунгарских ханов объединить ойратов в единое целое терпят крах.

Начиная с XV–XVI вв., в судьбе кочевого сообщества произошел коренной перелом. С конца XVII в. Китай постепенно продвигается на Запад, осуществляя свои экспансионистские планы. Джунгария противостояла, неоднократно воюя с цинами, но при этом медленно теряла свои территории. Под напором Китая Джунгария также отодвигалась на запад, наступая на казахские кочевья. Вот здесь и столкнулись интересы двух кочевых государств. Зажатые между Китаем и Россией, казахи и джунгары начинают борьбу друг с другом. Здесь проявляется двойственное положение Джунгарии, которая, с одной стороны, сражается с цинами, отстаивая свою независимость и не дает Китаю осуществлять захватнические планы по отношению к Средней и Центральной Азии. Но с другой – джунгары осуществляют завоевательные нападения на казахский, киргизский, узбекский и каракалпакский народы, борьба которых носит освободительный характер.

В этот знаменательный период во всей полноте проявилась политика России, которая, руководствуясь принципом "разделяй и властвуй", стремилась к максимальному ослаблению обоих кочевых государств. При этом две империи старались не допустить сближения казахов и джунгар, понимая, что в объединении этот кочевой симбиоз нанесет большой урон их государственным интересам. Отметим и политику Джунгарии, которая, в свою очередь, пыталась помешать вхождению казахских жузов в состав России. Применяя вначале военное давление, которое не приносит ощутимых результатов, джунгарские ханы меняют тактику. Прекратив военные нападения на казахские жузы, они начинают

способствовать торговле между странами, перестают требовать аманатов, в общем, идут на серьезные политические и экономические уступки. Все происходящее очень беспокоит русское правительство, которое боялось упустить инициативу из своих рук. Эти обстоятельства не нравятся и цинам, которые, начиная с 1750 г., сосредоточивают на границе с Джунгарским ханством войско, намереваясь нанести решающий удар. Вскоре между джунгарами происходят междоусобицы, которые существенно ослабляют их государство. Наступает долгожданный момент для цинов, который они использовали с максимальной пользой для себя. В войне с маньчжурами плечом к плечу действуют казахи и джунгары. Однако даже их совместная борьба не могла спасти Джунгарию, которая была полностью уничтожена.

Борьба между двумя кочевыми государствами не принесла пользы обоим. Джунгары как нация почти полностью исчезли с лица земли, а казахские жузы вошли в состав России, потеряв былую государственность. Не менее трагичной была судьба торгоутов-калмыков, некогда отделившихся от основной массы ойратов и откочевавших на территорию татар, ногаев, башкир, которые приняли российское подданство. В течение почти ста лет калмыки жили более или менее привольно, пользуясь поддержкой России. У них сложились мирные, дружественные отношения с казахами. Однако с течением времени положение народа меняется не в лучшую сторону. Кроме военных повинностей, что несли калмыки до сих пор, их начинают насильно обращать в христианство, отбирать земли, ограничивать права наместников. Полагая, что опустошенные земли Джунгарии никем не заселены, они решают откочевать туда. Пройдя немыслимые испытания и кочуя через земли казахов и киргизов, они попадают в руки Цинской империи. Положение калмыков еще более ухудшается. Об этом свидетельствуют строки песни, которую они сложили в Китае: "Избавившись от пеньковых недоуздков России, мы попали в железные недоуздки Китая".

Достижения русской дореволюционной историографии в изучении исторического прошлого ойратов и переселившихся в Россию калмыков тесно связаны со становлением и развитием русского дореволюционного востоковедения, превращением его с начала XIX в. в особую науку, представляющую собой объединение целого комплекса наук, таких как филология, литературоведение, история, география, история философии, религиоведение и другие. В развитии востоковедной науки выделяются следую-

щие этапы: до конца XVIII в. – период зарождения истоков отечественного востоковедения (т. е. накопление знаний); затем следуют четыре основных этапа, совпадающих в общем с развитием мировой ориенталистики: *первый* (конец XVIII – первая половина XIX в.) – формирование научных основ востоковедения; *второй* (вторая половина XIX в. – 1917 г.) – расширение и систематизация научных востоковедческих исследований; *третий* (с 1917 г. по 90-е годы XX в.) – развитие советского востоковедения; *четвертый этап* (с 90-х годов XX в. по настоящее время) – современный период.

В целом историография взаимоотношений казахов, джунгар и калмыков характеризуется в основном войнами, нападениями и столкновениями. Нашей задачей было найти и проанализировать труды, раскрывающие положительные стороны их связей. Необходимость преодоления упомянутых выше сложившихся стереотипов в джунгаристике, а также наличие спорных моментов определили своеобразный методологический подход к настоящему историографическому анализу. Источники, освещающие мирные и добрососедские отношения казахов и джунгар, несмотря на их малочисленность, были введены в оборот и проанализированы.

По результатам исследований, содержащихся в первой главе, мы пришли к следующим выводам.

Историография имеющейся проблемы создавалась с XVIII по XXI в., она делится на периоды:

1) конец XVIII – начало XX в. является *дореволюционным периодом.* Сюда вошли устное народное творчество, труды дореволюционных исследователей, рукописи восточных авторов и произведения казахской интеллигенции начала XX века;

2) 1917–1990-е годы характеризуются как *советский период.* В данный период вошли труды российских, калмыцких, казахстанских исследователей, изучавших взаимоотношения казахов и джунгар;

3) с 1991 г. по настоящее время – *современный период.* В него вошли труды российских, калмыцких, казахстанских историков, проливших свет на многие стороны казахско-джунгарских взаимосвязей.

Во второй главе проведено исследование проблем этнических и правовых взаимосвязей казахов и джунгар, на основании которого мы пришли к следующему выводу: культурное взаимовлияние между казахами и джунгарами, проявившееся в этничес-

ких, родственных взаимоотношениях, было высоким. То же самое касается и правовых взаимовлияний, рассмотренных на примере "Жеті жарғы" и "Их Цааз".

По результатам исследований, проведенных в третьей главе, можно заключить следующее.

1. "Казахский фактор" сыграл (наряду с "монгольским") решающую роль в перекочевке ойратов на берега р. Едиль из Джунгарии.

2. Отношения между ханствами едильских калмыков и казахов в конце XVII – начале XVIII в. были характерными для казахско-джунгарских взаимоотношений в целом. Хотя и были мирные периоды, но преобладали военные столкновения. В силу ряда причин, в том числе и внутреннего порядка, в калмыцкой и казахской среде постепенно начали формироваться мирные взаимоотношения. К середине XVIII в. были заключены мирные договоры и даже определены границы ханств.

3. Переход в пределы Китая через казахские земли стал роковой ошибкой калмыцких владетелей. Многовековая борьба была еще свежа в памяти казахского народа. Многократные сражения, навязанные казахами, окончательно сломили боевой дух калмыков. Значительная часть племен торгоутов перешла на сторону противника и вошла в состав родов казахских жузов. Дошедшие до Китая калмыки уже не представляли собой серьезной боеспособной силы.

Многие историки-профессионалы не относят к историческим источникам исследовательские труды писателей, публицистов и т. п. В данном важном вопросе мы полностью разделяем точку зрения Е. А. Косминского, утверждавшего, что основные тенденции развития исторической науки "...чаще приходится улавливать не столько в творчестве крупных историков, сколько в общей атмосфере, в периодической литературе, в дискуссиях" [181]. Конечно, в этих случаях мы должны определить социально-политическую пристрастность авторов исторических работ, степень влияния на них политической конъюнктуры. Историограф не имеет права не обращать внимания на те работы, в которых соблюдены принципы объективизма и историзма только на том основании, что их авторы – не историки-профессионалы. Некоторые исследователи, подвергая историко-научному анализу труды коллег, в большей мере критикуют то или иное положение, не предлагая своего варианта решения проблемы. При историко-научном анализе историографического факта, подвергая

критике тот или иной довод историков, мы одновременно пытались конструктивно подойти к данной проблеме, указать путь ее решения.

Кроме вышеперечисленных научных принципов, мы, учитывая условия тоталитарной идеологии, в которых пришлось работать историкам до 90-х годов прошлого века, придерживались принципа научной корректности и деликатности в оценке деятельности того или иного исследователя.

Исследование и анализ теоретико-методологической основы проблемы, степень изученности рассматриваемых вопросов в исторической науке в дореволюционный и современный периоды позволили сделать следующие выводы: историография проблемы взаимодействий Казахского и Джунгарского ханств является одним из важнейших направлений в отечественной науке. Данный регион является местом активного межэтнического взаимодействия кочевых и оседлых народов, поэтому изучение взаимодействия казахов и джунгар существенно расширяет методологическую базу историографических исследований. Вместе с тем это содействует формированию понимания исторических закономерностей в процессе научного познания. В современном мире повышается интерес к истории, что требует пересмотра исторических взглядов и их нового освещения. В истории Казахстана все еще существуют "белые пятна", которые требуют научного и детального изучения. И одно из них – взаимоотношения казахов и джунгар, которые оказали значительное влияние на дальнейшую историю казахского народа. Историография, посвященная этой проблеме, требует более углубленного и всестороннего изучения.

Между казахами и джунгарами имели место дружественные, мирные отношения, несмотря на многие отрицательные факты. Об этом свидетельствуют произведения казахских, калмыцких акынов и сказителей, труды дореволюционных исследователей, исследования советских и современных историков. В монографии обозначена проблема дальнейшего изучения правовых основ двух кочевых народов.

До начала казахско-джунгарских войн эти народы в течение сотен лет жили в мире. В конце концов и казахи, и джунгары поняли, что вражда не приводит ни к чему хорошему. Сотрудничая, они вместе действуют против иноземных захватчиков. Отношения между обоими кочевыми народами взаимно обогащают их культуру, обычаи, фольклор. Среди представителей казахской нации немало тех, чьими прабабушками были ойратки и кал-

мычки. Не думается, что это обстоятельство отрицательно повлияло на их генофонд. До сих пор в Казахстане живут калмыки, внося весомый вклад в развитие нашей культуры. В Калмыкии также проживает казахская диаспора. Выявляя положительные стороны во взаимоотношениях казахов и джунгар в прошлом, мы хотим напомнить, что в современном мире, устанавливая с соседними странами дружественные взаимосвязи и отношения, народы только выигрывают и в политическом, и в экономическом отношении.

Современная геополитическая обстановка в Евразии, в самом центре которой находится Казахстан, в точности напоминает международные реалии, сложившиеся более двух веков назад. Американский политолог, апологет экспансивной внешней политики США З. Бжезинский в своей книге "Великая шахматная доска" объявил Казахстан и соседние государства "центральноазиатскими Балканами" 20-х годов XXI века [182]. Главная задача нашего государства – не допустить взаимоистребления соседних народов в угоду другим, как это было в прошлом между казахами и джунгарами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шмидт С. О.* Путь историка / Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

2. Государственный архив Калмыцкой Республики. Ф. 145 (Фонд Пальмова).

3. Государственный архив Республики Калмыкия. Ф. 145. Оп. 1. Д. 264. Л. 4, 5.

4. *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российскими и Китайскими государствами с 1619 по 1792 гг. Казань, 1882; *Златкин И. Я.* Русские архивные материалы об Амурсане / Филология и история монгольских народов. М.: Вост. лит., 1958.

5. *Слесарчук Г. И.* Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. / Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М.: Изд. АН СССР, 1961.

6. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607–1636 гг.: Сб. док. М., 1959.

7. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XVIII вв.: Сб. док. и матер. М., 1983.

8. Казахско-русские отношения XVI–XVII вв.: Сб. док. А.-А., 1961; Цинская империя и казахские ханства: вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. Ч. 1. А.-А., 1989.

9. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941.

10. *Фишер И. Р.* Сибирская история. СПб., 1774.

11. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

12. *Рычков П. И.* История Оренбургская. 1730–1750: Оренбург. губер. статист. Ком., 1896.

13. *Рычков Н.* Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб.: При имп. акад. наук, 1772.

14. Посольство к зюнгорскому хунь-тайчжи Цевань Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–

1724 годы / Доклад, изданный с предисл. и прим. д. н. Ив. Веселовского. СПб., 1887.

15. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, поступки их ханов и владельцев (Сочинение 1761 г.). Элиста, 1995.

16. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану с описанием земель и обычаев российских (пер. с монг. на рус. яз. коллегии ин. дел советник Алексей Леонтьев). СПб., 1782.

17. *Позднеев А. М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // ЖМНП. Ч. 244. 1866.

18. *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до нашего времени. Элиста, 1991.

19. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1885. Т. 2.

20. *Андреев И. Г.* Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998.

21. *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М.: Унив. тип., 1868.

22. *Лыткин Ю.* Материалы по истории ойратов // Астраханские Губернские ведомости, 1861.

23. *Смирнов П.* Путевые записи по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста, 1992; *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1999.

24. *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.

25. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5 т.: Гл. ред. Каз. сов. энц. А.-А., 1984. Т. 1.

26. *Копеев М. Ж.* Тандамалы. Алматы, 1993.

27. *Диваев А.* Мавзолей Кок-Кесене (Историко-археологическая заметка) / Протоколы засед. и сообщ. членов Туркестанского кр. любит. археол. Ташкент, 1905; *Сұбханбердина У.* "Дала уалаяты" газеті. Алматы, 1989.

28. *Халид К.* Тауарих Хамса. Алматы, 1992.

29. *Шәкәрім Құдайбердіұлы.* Өлеңдер мен поэмалар. Алматы, 1988; Родословная тюрков киргизов, казахов и ханских династий. Алматы: Жазушы, 1990.

30. *Бовaев Б. Э.* Письменные повествовательные источники XVIII – нач. XIX в. по истории Калмыкии / Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1988.

31. *Златкин И. Я.* История джунгарского ханства. М.: Наука, 1983.

32. *Санчиров В. П.* История ойратов XIII–XVII вв. в трудах дореволюционных русских востоковедов / Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988.

33. *Бира Ш.* "Болор Толи" Джимба Дорджи / Средневековая культура монгольского народа. Новосибирск, 1992; *Горохова Г. С.* "Алтан тобчи" Лубсан Данзана как источник по средневековой истории ойратов / Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

34. *Король Б. И.* Монгольская летопись "Болор Тали" / Монгольский сборник. М.: Восточная лит., 1959.

35. *Раднабхадра.* "Лунный свет": История рабджам Зая-пандиты. СПб.,1999.

36. *Санчиров В. П.* "Илэтхэл Шастир" как источник по истории ойратов XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990; *Санчиров В. П.* Калмаки.

37. Материалы по истории казахских ханств. А.-А.: Изд. АН КазССР, 1986.

38. *Пищулина К. А.* "Баҳр Ал-Асрар" Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI–XVII вв. / Казахстан, Средняя и Центральная Азия XVI–XVIII вв.

39. *Мухаммед Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. Алматы: Санат, 1999.

40. *Султанов Т. И.* Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.) // Известия АН КазССР, Сер. общ. наук. 1970. № 1.

41. *Санчиров В. П.* Калмаки в "Истории" турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби / Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1987.

42. *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2, 3. М., 1979.

43. *Абусеитова М. Х.* Казахско-киргизские отношения в XVI–XVIII вв. // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 1993, № 6.

44. Қазақ хандығы дәуіріндегі әдебиет. Алматы: Жазушы, 1993.

45. Үш пайғамбар. Алматы: Жазушы, 1992.

46. *Сүйіншәлиев Х.* Қазақ әдебиеті. XVIII–XIX ғасырлар. Алматы: Мектеп, 1981.

47. Бес ғасыр жырлайды. Ай, заман-ай, заман-ай. Алматы, 1985.

48. *Омари Ж.* Бұқар-жырау. Он екі тарих. Қарағанды, 1994.

49. *Тынышбаев М.* История казахского народа. Алматы: Санат, 1997.

50. *Бокейханов А.* Исторические судьбы киргизского народа / Избранное. Алматы: Жазушы, 1996.

51. *Байтұрсынов А.* Жоқтау / Мың бір мақал, жырма үш жоқтау. Алматы, 1994.

52. *Дулатов М.* Шығармалары. Алматы: Жазушы, 1994.

53. *Аргынбаев Х., Мұқанов М., Востров В.* Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Ғылым, 2000.

54. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Т. 2. М.: Наука, 1963.

55. *Котвич В. Л.* [Рец. на:] *Н. Пальмов.* Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Кн. 3. М.-Л., 1923.

56. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм). Л.: Изд. АН СССР, 1934.

57. *Козин С. А.* Джангариада. М.-Л., 1940.

58. *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5.

59. *Батраков В. С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией. Ташкент: Изд. САГУ, 1958.

60. *Бахрушин Н. С.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVIII в. / Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М.: Изд. АН СССР, 1959.

61. *Семенюк Г. И.* Проблема истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1973.

62. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии (структура хозяйства и общественная организация). М., 1976.

63. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979.

64. *Сулейменов Р. Б.* Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А.-А.: Наука, 1983; *Моисеев В. А.* Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии / Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). А.-А.: Наука, 1988; *Есмагамбетов К. Л.* Зарубежная историография с древнейших времен до начала 90-х гг. Дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 1999.

65. *Гуревич Б. П., Моисеев В. А.* Взаимоотношения Цинского Китая и России с джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография // Вопросы истории. 1979. № 3.

66. *Гуревич. В. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XVIII в. М., 1983.

67. *Мясников В. С., Шепелева Н. В.* Империя Цин и Россия XVII – нач. XX в. / Китай и соседи в новое и новейшее время: Сб. трудов. М., 1982.

68. *Джамгерчинов М. Б.* Русские источники о некоторых проблемах истории Киргизстана второй четверти XVIII века / Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985; *Кутлуков М.* Из истории международных связей в Центральной Азии в 1755–1859 годы по сведениям кашгарских историков. Ташкент: Фан, 1987.

69. *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство 1725–1741 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1997; *Златкин И. Я.* История...

70. *Номинханов. Ц. Д.* Происхождение слова "калмык" // Вестник АН КазССР. 1958. № 11.

71. *Батмаев М. Н.* Политическое и экономическое положение Калмыцкого ханства в составе России в конце XVII – начале XVIII в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1977.

72. *Эрдниев У. Э.* Калмыки (ист.-этногр. очерки). Элиста: Калм. кн. изд., 1980.

73. *Авляев Г. О.* О монголо-тюркских этнических связях и взаимодействиях в XIII–XIV вв. и некоторых аспектах проблемы этногенеза ойратов и калмыков / Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984.

74. *Борисенко И. В.* Расселение калмыков в процессе добровольного вхождения в состав России / Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России. Элиста, 1985.

75. Очерки по истории Калмыцкой АССР дооктябрьского периода. М., 1967.

76. *Бембеев В. Ш.* Переселенческая политика калмыцких тайшей в конце XVI – 60 годах XVII в. // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1988.

77. *Тимченко С. В.* О характере казахско-кокандских отношений // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1986. № 4.

78. *Сабырханов А. А.* К истории земельных отношений Казахстана в XVIII в. // Вестник АН КазССР. 1977. № 3. С. 63; Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.) / Казахстан в XV–XVIII вв. А.-А., 1969.

79. *Моисеев В. А.* В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6; Джунгаро-цинские отношения и казахские ханства в первой половине XVIII в. // XI научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 2. М.: Наука, 1980; К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30–40-х гг. XVIII в. / Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А.-А.: Наука, 1983; К истории казахско-ойратских отношений в начале 50-х гг. XVIII в. // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1987. № 4; *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII в. (О внешней и внутренней политике Абылая). А.-А.: Наука, 1988; О военном деле и войнах Джунгарского ханства / Из истории международных отношений в Центральной Азии в средние века и новое время. А.-А.: Ғылым, 1990; Казахско-джунгарские отношения на рубеже XVI–XVII вв. и Русское государство // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1990. № 2; Джунгаро-казахские отношения и политика России (XVII–XIX вв.) / Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Международной научно-практической конференции. М.-Иркутск: Арком, 1995; Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). А.-А.: Ғылым, 1991.

80. *Досмухамедов Х.* Аламан. Алматы: Жазушы, 1991; *Хасенов Қ.* Жоңғарга қарсы жойқын шайқас / Қазақ тарихы. Алматы. 1994. № 45.

81. *Конкашпаев Г. К.* Казахские народные географические термины Известия АН КазССР. Сер. геогр. 1951. № 99. Вып. 3; Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана // КалмНИИ языка литературы и истории при Совете министров КалАССР. Уч. записки. Вып. 8. Сер. ист. Элиста, 1969; Некоторые сведения об ойратах на территории Казахстана / Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

82. *Банзаров Д.* Собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1955.

83. *Цыремпилов В. Б.* Этнонимы "ойрат" и "тунгус" / Средневековая культура монгольских народов: Сб. трудов. Новосибирск, 1992.

84. *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992.

85. *Аманжолов К., Тасболатов А.* Қазақстанның әскери тарихы. Алматы: Білім, 1999; Исторический опыт защиты отечества. Военная история Казахстана. Алматы, 1999.

86. *Ерофеева И. В.* Русско-джунгарские отношения 40-х годов XVII в. и Казахстан. Посольства Миллера / Из истории международных отношений Центральной Азии. Алматы: Ғылым, 1990.

87. *Она же.* Хан Абулхаир – полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999.

88. *Абдиров М.* Триумф и трагедия // Советы Казахстана. 1993. 12 октября.

89. *Машимбаев С. М.* Кіші жүзге бұғау салу қалай басталды? // Қазақ тарихы, 1994. № 2.

90. *Төреқұлов Н., Қазбеков М.* Қазақтың би-шешендері. Алматы: Жалын, 1993.

91. *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. А.-А.: Изд. АН КазССР, 1945.

92. *Галиев В. З.* Хан Джангир и Орбулакская битва. Алматы, 1998.

93. *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд., 1998.

94. Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд., 1981.

95. *Қинаятұлы З.* Зая Бандида және қазақ тарихы // Қазақ ордасы. 2003. № 1–2.

96. *Магауин М.* Азбука казахской истории. Алматы: Казакстан, 1997.

97. *Қасымбаев Ж.* Жоңғар-қазақ тартысындағы саяси және әскери мәселелер // Қазақ тарихы. 1993. № 2.

98. *Он же.* Государственные деятели казахских ханств. Алматы: Білім, 1999.

99. *Тілепов Ж.* Елім деп еңіреген ерлер жыры. Алматы: Білім, 1995.

100. *Ирмуханов Б.* Казахстан: размышление об отечественной истории // Казахстанская правда, 1995. 27 августа. № 186.

101. *Артықбаев Ж. О.* Бұланты шайқасы. Қарағанды, 1998.

102. *Алдабек Н.* Россия и Китай и торгово-экономические связи в Центрально-Азиатском регионе в XVII–XIX вв. Алматы: Каз. унив., 2001.

103. *Мамырұлы К.* Қазақ халқының жоңғарларға қарсы азаттық күресі және оның саяси астарлары. Дис. ... д. и. н. Алматы, 1998.

104. *Волобуев В. И.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. 1993. № 6.

105. *Кушкумбаев А. К.* Военное дело казахов XVII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

106. *Жаксылыков А. Ж.* Образы, мотивы и идеи религиозной содержательности в произведениях казахской литературы. Типология, эстетика, генезис. Алматы: Қазақ университеті, 1999.

107. *Нуртазина Н. Д.* Ислам в истории средневекового Казахстана. Алматы: Фараб, 2000; *Галиев В. З.* Хан Джангир и Орбулакская битва. Алматы, 1998.

108. *Эрдниев У. Э.* Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993.

109. *Шалекенов У. Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966; К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв. Алматы: Ғылым, 1995.

110. *Джамгерчинов М. Б.* Русские источники о некоторых проблемах Киргизстана во второй четверти XVIII в. / Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985; *Сапаралиев Д.* Взаимоотношения киргизского народа с русским и соседними народами в XVIII в. Бишкек, 1995.

111. История Каракалпакской АССР. Ташкент: Фан, 1987; История Киргизской ССР. Т. 1 (с древних времен до середины XIX в.). Фрунзе, 1984; История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1987.

112. *Мадуанов А.* Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии XVIII – начало XX в. Автореф. ... дис. д. и. н. Алматы, 1997.

113. *Уалихан Ш.* Айбынды Абылай // Егемен Қазақстан. 2001. 22 мамыр.

114. *Муканов М.* Этническая территория казахов в XVIII веке. Алматы: Казахстан, 1987; *Абуов К.* Көкшетау; *Салғарауұлы Қ.* Таным тармақтары. Алматы, 1992.

115. *Хафизова К. Ш.* Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. (по русским и китайским источникам) // Бичурин Н. Я. и его вклад в русское востоковедение: Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.

116. *Аманжолов К., Рахметов К.* Түркі халықтарының тарихы. Алматы: Білім, 1997.

117. *Ходжаев А.* Из истории международных отношений Центральной Азии в веке. Взаимоотношения Цинской империи и Джунгарского ханства. 1695–1758. Ташкент, 2003.

118. *Басхаев А. Н.* Монголы, ойраты, калмыки (военно-исторический очерк). Элиста, 2000.

119. *Чернышев А. И.* Общественное развитие ойратов XVIII в. М.: Наука, 1990.

120. *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы. СПб., 1880.

121. *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904.

122. *Гольман М. И.* Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 года / Монгольский сборник. Экономика, археология, восточная литература. М., 1959.

123. *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы. Ташкент, 1889.

124. *Узбекулы С.* Хан Тауке и правовой памятник "Жеті жарғы". Алматы, 1999.

125. *Султанов Т.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

126. *Өсерұлы Н.* Жеті Жарғы. Алматы: Санат, 1997.

127. *Оразбаева А. И.* Қазақ қоғамындағы билер институты. Алматы, 2004.

128. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в первой половине века. А.-А.,1980.

129. *Зиманов С.* Древний мир права казахов. Алматы, 2000.

130. Материалы по обычному праву казахов. Алматы: Ғылым, 1996. С. 214; *Леонтович Ф. Н.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий, или ойратский устав взыскания. Одесса, 1879.

131. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981.

132. *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992.

133. *Смирнов П.* Указ. соч.; *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1999.

134. *Митиров А. Г.* Обычаи права калмыков в трудах дореволюционных исследователей России / Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988.

135. *Насилов А. Д.* Восемнадцать степных законов 1620 года. М., 2002.

136. *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории калмыков. XVIII в. Ч. 2. Астрахань, 1924.

137. *Бакунин В. М.* Указ. соч.

138. Калмыцкие историко-литературные памятники в рус. переводе. Элиста: Калм. кн. изд., 1969.

139. *Сейдимбек А.* Мир казахов. Алматы: Рауан. 2000.

140. Материалы по истории Киргизии и киргизского народа.

141. *Жұмабаев М.* Шығармалары. Алматы: Жазушы, 1994.

142. *Сейфуллин С.* Шығармалары. Алматы: Жазушы, 1986.

143. *Тұрдалиев А.* Жауласудан басқасын білеміз бе? // Ақиқат, 1996. № 5.

144. *Кадырбаев А. Ш.* Казахи и монголы в свете историко-культурной традиции тюрко-монгольского симбиоза / Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы. Алматы, 1999.

145. *Омари Ж.* Қаз дауысты Қазыбек би. Алматы: Білім. 2001.

146. *Карутц Р.* Среди туркмен и киргизов Мангышлака. СПб., 1910.

147. *Абусеитова М. Х.* История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс. 2001.

148. *Акатай С.* Древние культы и традиционная культура казахского народа. Алматы, 1996.

149. *Муханбетова А. И.* История и культура Арало-Каспия. Алматы: Кус жолы. 2001.

150. *Сарангов В. Т.* Калмыцкие волшебно-героические сказки. Автореф. ... дис. к. и. н. Волгоград, 1998.

151. *Харькова С.* Тюркские лексические параллели в калмыцком языке. Автореф. ... дис. к. ф. н. Волгоград, 1993.

152. *Эрендженов К.* Золотой родник. О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калм. книж. изд., 1990.

153. *Төтенаев Б.* Қазақтың үлттық ойындары. Алматы: Қазақстан, 1978.

154. *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Элиста, 1998.

155. *Кузеев Р.* Народы Среднего Поволжья. Этнографический очерк. Казань, 1989.

156. *Папуев В.* Ойрат-калмыцкие имена. Элиста, 1998.

157. Жаңа өмір. 1995. Декабрь.

158. *Мендалыұлы А.* Адай шежіресі. Алматы, 2000.

159. *Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмык (1812–1912). Вып. 3. Ставрополь, 1912.

160. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1986.

161. Государственный архив Калмыцкой Республики. Ф. 145 (Фонд Пальмова). Оп. 1. Д. 326. Л. 12; *Пальмов Н. Н.* Происхождение и значение слова "калмык".

162. *Ливкин Д.* Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. СПб., 1902.

163. *Ажигалиев С. И.* Генезис мемориально-культовой архитектуры кочевников Арало-Каспия II тыс. до н. э. (ареал, типология, историко-культурная интерпретация). Дис. ... д. и. н. Алматы, 1998.

164. *Абу-л-гази.* Родословная туркмен. А.-А., 1989.

165. *Костенков К.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.

166. *Әбілғазы.* Түрік шежіресі. Алматы: Ана тілі, 1992.

167. *Кекілбаев Ә.* Ұйқыдағы арудың оянуы. Алматы, 1981. 85-б.

168. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1 (Оренбургская экспедиция (1734–1737). Оп. 1. Д. 1. Л. 82 об.; Ф. 3. Оп 1. Д. 114. Л. 3–4.

169. *Дорджиева Е. В.* Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 г. Автореф. дис. ... к. и. н. Волгоград, 1998.

170. *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1854.

171. *Чимитдоржиев Ш. Б.* О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. "Торгоутский побег" 1771 г. / Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

172. *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Указ. соч.

173. Там же.

174. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп 1. Д. 114. Л. 110.

175. *Новолетов М.* Калмыки (исторический очерк). СПб., 1834. С. 55.

176. *Табылдиев Х., Тұрдалиев А.* Жайық қалмақтары, Ресей империясы және қазақтар // Қазақ тарихы. 1994. № 4.

177. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп 1. Д. 114. Л. 79.

178. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1 (V в. до н. э. XVIII в. н. э.). Алматы: Казахстан, 1997.

179. *Хафизова К. Ш.* Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. (по русским и китайским источникам) // Бичурин Н. Я. и его вклад в русское востоковедение: Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.

180. *Мұқаметқанұлы Н.* Тарихи зерттеулер: Шежірелік деректер / Дайынд. А. Қожабеков. Алматы: Жалын, 1994.

181. *Косминский Е. А.* История средних веков. М., 1963.

182. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. **Взаимодействия казахов и джунгар: источники и историографическая концепция**

Источники 5

Изучение вопросов взаимоотношений кочевых народов (конец XVIII– начало XX в.) 9

Проблема взаимосвязей казахов и джунгар в советской историографии 36

Тенденции в изучении казахско-джунгарских отношений в трудах современных исследователей 50

Глава 2. **Проблемы этнических и правовых взаимосвязей казахов и джунгар**

Историографический анализ вопроса об идентичности правовых основ казахов и калмыков в уложениях "Жеті жарғы" и "Их Цааз" 69

Историография этнокультурных мирных контактов 81

Глава 3. **Эволюция взаимоотношений двух народов на примере связей ханств волжских калмыков и казахов** 97

"Казахский фактор" в расселении калмыков-торгоутов на р. Едиль 100

Калмыцкое ханство и казахи в трудах исследователей 107

Миграция калмыков-торгоутов в пределы Цинской империи в 1771 году 133

Заключение 145

Литература 152

Едилханова Светлана Алкажановна

КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVII–XVIII ВЕКАХ

(Некоторые историографические аспекты проблемы)

Научное издание

Редактор *И. Щербакова*
Обложка *К. Карпун*
Верстка и дизайн *Л. Чертковой*
Корректоры: *З. Рахимбаева, Б. Суранчиева*

Подписано в печать 08.06.05. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,4.
Тираж 500 экз.

Издательство "Дайк-Пресс",
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.
Тел.: 61-28-35, 61-32-75

Директор ***Б. А. Казгулов***